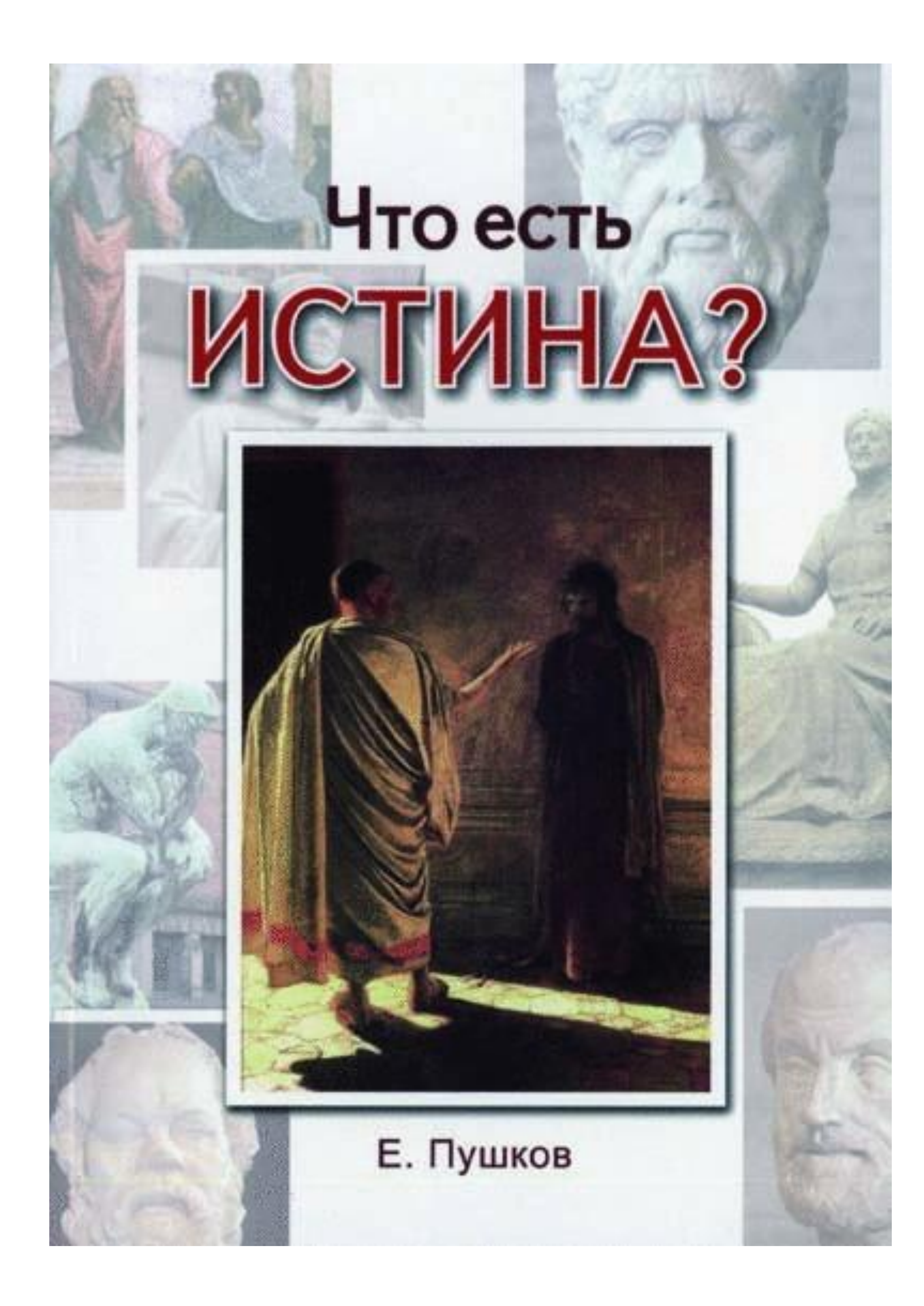

Что есть
ИСТИНА?
Е. Пушков

Е. Н. Пушков
Что есть истина?

Автор книги Пушков Евгений Никифорович отвечает на важнейший вопрос, рано или поздно возникающий в жизни каждого человека, делая это не своими словами, но словами ученых, писателей, богословов и Евангелия, «связав ленточкой прекрасный букет из мудрых изречений великих людей».

Содержание

Вступление

Много лет назад, будучи еще совсем молодым, я первый раз посетил в Москве картинную галерею. Художественная коллекция, собранная братьями Павлом и Сергеем Третьяковыми и названная их именем, в 1892 году была принесена в дар Московской городской думе. По воле дарителей она должна быть открыта на вечное время для бесплатного обозрения ее всеми желающими.

Перед юношеским пытливым взором предстали сотни прекрасных полотен русских художников. Неизгладимое впечатление произвела грандиозная картина А. А. Иванова (1806 – 1858 гг.) «Явление Христа народу». Более двадцати лет художник жил в Риме. Жизнь Христа – главная тема его творчества. Очень кратко хочется рассказать о вышеназванной картине. Когда узнаешь, что для ее создания художнику потребовалось около двадцати лет и что, прежде чем осуществить свой замысел, он нарисовал более 800 этюдов к этой картине, тщательно выписывая каждый образ, то невольно напрашивается вывод: только великая идея могла дать художнику такое терпение. Когда мы созерцаем это полотно, разум невольно уносится в то далекое время, когда в Иудейской пустыне был слышен призывный глас Иоанна Крестителя: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Народ шел за Иоанном к реке Иордану, чтобы принять крещение покаяния. Но вот приходит Тот, о Ком Иоанн свидетельствовал, что недостоин даже развязать ремень у обуви Его. Важнейший миг новой эры человечества с гениальной проникновенностью схвачен художником и запечатлен на картине. Все взоры обращены на Иисуса Христа, предвозвещенного многими поколениями пророков. «Вот Агнец Божий, который берет на Себя грех мира», – именно эти слова хочет сказать Иоанн, указывая перстом на грядущего Мессию.

Хотя в нашу задачу не входит описание картин Третьяковской галереи, необходимо все же сказать еще об одной картине, название которой совпадает с заголовком этой книги. Эта небольшая картина находилась в углу одного из залов. Она написана русским живописцем Н. Н. Ге (1831 – 1894 гг.), автором известных картин «Тайная вечеря», «Совесть», «Распятие» и других. На первом плане картины в пурпурной царственной одежде изображен Пилат, правитель Иудеи времен земной жизни Христа. Гордая осанка и властный жест говорят, что это римлянин, претендующий на мировое господство и всеобъемлющее знание. В левом углу картины на заднем плане изображен Христос, стоящий лицом к Пилату. Его хитон сливается с темным фоном, вырисовано лишь измученное страданиями лицо, глубокий взор устремлен на Пилата. Гордый римлянин задает вопрос: «Что есть истина?». Этот вопрос и определяет название картины и нашей книги.

Что есть истина?.. С того дня этот вопрос не давал мне покоя. Он внезапно вставал предо мною, за какое бы дело я ни принимался. Лишь через девять лет после изнурительных блужданий по лабиринту человеческой мудрости, когда я был в совершенном отчаянии, не находя ответа на данный вопрос,

чудный небесный свет озарил меня. Это был свет истинный, просвещающий каждого человека. О, если бы не этот свет, то что было бы со мною?! Я даже боюсь вспомнить о тех блужданиях, которые уводили порою еще дальше от истины по мере того, как я полагался на человеческие авторитеты. Но Ты победил, Назарянин! Слава Тебе, дорогой Иисус, за эту победу! Не я Тебя нашел, но Твоя любовь нашла меня, извлекла из тинистого болота, из страшного рва погибели, и поставила ноги мои на скалу истины. Эта любовь заставляет меня, по прошествии многих лет, рассказать об исканиях истины, чтобы предостеречь юные сердца от опасного блуждания по лабиринту человеческой мудрости, из которого многие так и не нашли выхода.

Двадцать восемь лет назад, во времена атеистического господства, я заканчивал работу над этой книгой, но недруги истины очень не хотели, чтобы о ней узнала пытливая юность. Отобрав рукопись незаконченной книги, они навсегда похоронили ее в своих архивах. Очень трудно было смириться с мыслью, что многолетний труд так безжалостно скрыли от людских глаз в стране, где Конституция провозглашает свободу совести, свободу слова и печати. Но Богу было угодно, чтобы эта книга все же была закончена, хотя и не в первоначальном виде. Через несколько недель после обыска я с радостью узнал, что заботливые руки моих сестер по вере в Господа Иисуса Христа сняли копии с некоторых тетрадей, где были записаны собранные мною изречения мудрых мужей. Первоначально я хотел опубликовать только эти изречения, но потом решил придать им вид систематического исследования, сделав некоторые пояснения. Хочу сказать, что моих мыслей в этой книге очень мало, на мою долю выпало лишь желание связать ленточкой прекрасный букет из мудрых изречений великих людей, что я и сделал, впрочем, не я, а Божья благодать через меня.

После рекомендации книги для издания и проверки ее Н. Г. Батуриным, который был тогда секретарем СЦ ЕХБ, я отдал рукопись книги людям, которые должны были распечатать ее на гектографе, но вскоре и Н. Г. Батурин, и я были лишены свободы. Книга так и не была издана. Чистовая рукопись ко мне не вернулась.

Почти девять лет, с 1980 по 1988 годы, я был разлучен с родными и братьями по вере. И вот, Господь по молитвам Его детей снова подарил свободу, не только для меня и многих моих братьев и сестер по вере, но и для проповеди Евангелия в бывшем СССР.

Со значительными трудностями книга была вновь восстановлена. Глубоко осознаю, что сейчас она будет не так полезна, как тридцать или хотя бы

двадцать лет назад, в атеистическом режиме, но верно, что она поможет многим взглянуть по-иному на сущность земной жизни человека. Жизнь человека без Бога очень точно сравнивается с джунглями. Путешественники передают, что при виде джунглей человек два раза испытывает огромное наслаждение: первый раз – когда видит это великолепие природы и стремится туда, второй раз – когда бежит из этого ада и радуется, что остался жив. Вдумчивому читателю хочется посоветовать руководствоваться словами Л. Н. Толстого, который говорит: «Умный человек на слово поверит, что огонь горячий, а не умный попытается проверить сам».

Выношу сердечную благодарность сестрам, которые сняли и сохранили копии с некоторых моих тетрадей и своими молитвами побуждали меня к написанию этой книги. Хочется верить, что данная книга поможет многим принять Иисуса в свое сердце как личного Спасителя. Ему да будет слава во веки веков. Аминь.

12.12.2000 г. Е. Пушков

ЯЗЫЧЕСКИЕ ФИЛОСОФЫ ДРЕВНЕГО МИРА

Когда первые люди, поддавшись соблазну, вкусили от древа познания добра и зла, они были удалены от лица Бога. Они уже не могли непосредственно слушать голос Божий. Начался длительный путь человеческого познания – путь исканий. До наших дней плоды древа познания добра и зла ни на миг не дают людям покоя. Рисуя перед людьми заманчивые перспективы, диавол, враг душ человеческих, все дальше и дальше уводит людей от Бога, и, вместо обещанного блага, люди все глубже погружаются в пучину страданий. Диавол лишь сулит добро, но диавольское добро всегда обращается людям во зло. Не успевает человек разочароваться в одном, как диавол уже увлекает его другой химерной мечтой; маскируя от людей свою конечную цель, он облекает свои идеи в привлекательные формы. Таким образом, «добрыми намерениями» диавол вымостил дорожку в ад, чтобы людям удобнее было туда спускаться.

Заглядывая в историю философии, мы видим, что знаменитые умы древности (библейских пророков мы пока касаться не будем) много затратили труда, чтобы познать начало вещей. Некоторые из них

высказывали мысли, близкие к библейским истинам, но познать истину без источника истины они не могли. В. Гюго в предисловии к «Кромвелю», пишет: «Языческие философы искали истину вслепую».

Назовем ряд знаменитых мыслителей древности, стремившихся познать начало вещей, и посмотрим, как различны были их умозаключения. Считается, что Греция дала людям философию, Рим – право, Иудея – религию. Поэтому рассматривать мы будем, в основном, философию Древней Греции.

Греческий философ Анаксимандр (610 – 547 гг. до Р. Х.) учил, что существует «безграничное» начало всех вещей; его соотечественник Анаксагор (500 – 428 гг. до Р. Х.) утверждал, что мир образовался из вечных первичных телец (гомеомерий), приведенных в движение разумом и давших начало всему. Другой греческий философ Анакси-мен (род. ок. 566 г. до Р. Х.) учил, что началом всего является воздух; Гераклит (конец VI – начало V веков до Р. Х.) основой мира считал огонь, а все существующее, по его мнению, есть только вечное движение и проявление огня. Гераклит верил в бессмертие души. «Когда мы рождаемся, – говорил он, – наши души кладутся в гроб нашего тела. Гроб этот – наше тело – постепенно разрушается, и душа наша все больше и больше освобождается. Когда же тело умирает по воле того, кто соединил душу с телом, душа совсем освобождается».[1]

Философ Демокрит (ок. 460 – 360 гг. до Р. Х.) считается основателем атомистической теории, по которой все предметы и явления, как материального, так и духовного мира, состоят из материальных неделимых частичек, атомов, и их соединений. За эту теорию ухватились все те, кто отвергает существование души, так как здесь духовное возникает из материальных частичек, атомов.

В противовес школе Демокрита существовала идеалистическая школа Сократа (ок. 470 – ок. 399 гг. до Р. Х.). Учеником Сократа был один из величайших древнегреческих философов Платон (427 – 347 гг. до Р. Х.), а учеником Платона был великий философ и ученый Древней Греции Аристотель (384 – 322 гг. до Р. Х.), чьи труды охватывают все отрасли тогдашнего знания. На каждом из этих философов мы остановимся в отдельности, но прежде отметим еще одного мыслителя древнего Египта – Фалеса (ок. 625 – ок. 547 гг. до Р. Х.). Его умозаключение, что

[1] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956, с. 471.

началом всего является вода, привело в восторг Джордано Бруно, который увидел здесь поразительную аналогию с библейскими выводами. «Хорошо сказал Фалес, – пишет Бруно, – что вода – основа земли, чего не поняли наши соотечественники, но понял псалмопевец, говоря, что Бог основал землю на водах!»[2] В Священном Писании псалмопевец Давид за десять веков до Р. Х. сказал об этом: «Ибо Он [Бог] основал ее [землю] на морях и на реках утвердил ее» (Пс. 23:2). Еще конкретнее об этом говорит апостол Петр во 2 Пет. 3:5: «В начале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою».

Но вернемся к Сократу. Он родился в Афинах; сначала занимался ваянием, а затем посвятил себя философии. Свои мысли он излагал устно, ведя разговор с желающими. Беседы Сократа положили начало идеалистической философии. Первичным он считал духовное начало. Учение Демокрита Сократ не принял, так как оно совершенно не согласовывалось с его идеалистическими воззрениями. Когда его спросили, какого он мнения о взглядах Демокрита, то он иронически ответил: «Гениально все, что я понял, надеюсь, то, что я не понял, тоже гениально». Беседы Сократа записаны его учениками Платоном и Ксенофон-том. Знаменитое изречение Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю», – приводит нас к выводу, что он далек был от самодовольства и претензий на всеобъемлющее знание, хотя как раз Сократ был признан в свое время Дельфийским оракулом мудрейшим из людей. Сократ выносит уничтожающий приговор ученым и художникам того времени, претендующим на знание истины. «Я изучил, – сказал он, – поэтов и смотрю на них, как на людей, талант которых вводит в заблуждение их самих и прочих смертных, как на людей, которые выдают себя за мудрецов и считаются мудрецами, но на самом деле вовсе не таковы. От поэтов, – продолжает Сократ, – я перешел к художникам. Я знал искусства менее, чем кто бы то ни было, и никто более меня не был убежден, что художники владеют

[2] Бруно Д. «О начале вещей».

чудеснейшими тайнами. Однако я заметил, что тем и другим присущ одни и тот же предрассудок: так как наиболее искусные из них блистают на своем поприще, они и полагают себя мудрейшими из людей. Это самодовольство совершенно принизило в моих глазах их знание, так что, вопросив себя, как оракула, кем я предпочел бы быть – тем ли, кем являюсь я, или тем, кем являются они, – знать то, чему они научились, или знать, что я ничего не знаю, – я ответил и самому себе, и Богу: “Я хочу остаться самим собой”. ...Ни софисты, ни поэты, ни ораторы, ни художники, ни я – никто не знает, что

истинно, хорошо и прекрасно. Но между нами есть разница, состоящая в том, что все эти люди, хотя и ничего не знают, считают себя сведущими, тогда как я, ничего не зная, по крайней мере, не сомневаюсь в этом. Таким образом, все превосходство в знании, которое признал за мной оракул, сводится лишь к тому, что я твердо знаю, что ничего не знаю».[3]

Как полезно было бы почитать это изречение всем современным «мудрецам-всезнайкам», претендующим на знание истины, будучи очень далекими от нее. Со времен Сократа прошло более двадцати четырех веков. Может, он изменил бы свое мнение о мудрецах мира сего, если бы жил в наше время? Вот какой ответ дает Жан Жак Руссо: «Можно ли думать, что, если бы он (Сократ) воскрес в наше время, то наши ученые и художники заставили бы его изменить свое мнение? Нет, милостивые государи: этот справедливейший человек продолжал бы презирать наши пустые науки и отнюдь не приложил бы стараний к тому, чтобы увеличить вороха книг, коими нас засыпают со всех сторон, а оставил бы – как он это и сделал – в назидание своим ученикам и нашим потомкам лишь пример своей добродетельной жизни. Вот как надобно просвещать лю-дей».[4] Еще приведем общую оценку сократовского метода познания его учеником Ксенофонтом: «Сократ не имел обычной слабости толковать в своих беседах о всем суще-[3] Руссо Ж. Ж. «Избранные сочинения», т. 1, Москва, 1961, с. 50. [4] Там же, с. 51.

ствующем, отыскивать происхождение того, что софисты называют природой, и восходить до основных причин, от которых произошли небесные тела. “Неужели, – говорил он, – люди считают, что постигли все то, что важно человеку знать, если занимаются тем, что так мало касается человека?”.

В особенности удивлялся он слепоте тех ложных ученых, которые не сознают, что человеческий ум не может проникать в эти тайны. “Потому то, – говорил он, – все эти люди, воображающие, что смеют толковать о них (тайнах), далеко не сходятся в своих основных мнениях, и когда послушаешь их всех вместе, то кажется, что находишься среди сумасшедших. И действительно, какие отличительные признаки несчастных, одержимых безумием? Они боятся того, в чем нет ничего страшного, и не страшатся того, что действительно опасно».[5]

Сократ, склонявшийся к монотеизму (признанию единого Бога), был оклеветан софистами. Его обвиняли в непочитании богов, государства и в развращении юношества. Ареопаг (верховное судилище в Афинах,

собиравшееся на скате Марсовой горы) осуждает его на смертную казнь, но ввиду того, что Сократ был почетным гражданином Афин, ареопаг оказал ему «милость», разрешив ему отравиться ядом.

На 70-м году жизни Сократ в последний раз вел беседу со своими учениками. «Учитель, неужели ты не боишься смерти? – спрашивали его ученики. Ответ Сократа ученикам говорит о его вере в загробную жизнь. Он отвечал, что с его стороны было бы слишком высокомерно бояться смерти, так как бояться смерти – значит знать, что смерть является чем-то страшным, но о смерти он тоже ничего не знает. «Одно из двух: смерть есть полное уничтожение и исчезновение сознания, – говорил Сократ, – или же, согласно преданию, смерть – только перемена и переселение души из одного места в другое. Если смерть есть полное уничтожение сознания и подобна глубокому

[5] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956, с. 305.

сну без сновидения, то смерть – несомненное благо, потому что пускай каждый вспомнит проведенную им ночь, в таком сне без сновидений, и пусть сравнит с этой ночью те другие ночи и дни со всеми их страхами, тревогами и неудовлетворенными желаниями, которые он испытывал и наяву, и в сновидениях, и я уверен, что всякий не много найдет дней и ночей счастливее ночи без сновидений. Так что если смерть – такой сон, то я, по крайней мере, считаю ее благом. Если же смерть есть переход из этого мира в другой, и если правда то, что говорят, будто бы там находятся все прежде нас умершие мудрые и святые люди, то разве может быть благо больше того, чтобы жить с этими существами? Я желал бы умереть не раз, только бы попасть в это место. Так что и вам, судьям, и всем людям, я думаю, следует не бояться смерти и помнить одно: для добродетельного человека нет никакого зла ни в жизни, ни в смерти».[6]

Прощаясь с учениками, Сократ преподал им последний урок: «Человек, всю жизнь стремившийся к покорению своих страстей, в чем препятствовало ему его тело, не может не радоваться освобождению от него. А смерть ведь есть только освобождение. Ведь совершенствование, о котором мы не раз говорили, состоит в том, чтобы отделить, насколько возможно, душу от тела и приучить ее собираться и сосредотачиваться вне тела в себе самой, смерть же делает это самое освобождение. Так разве не было бы странно, что человек, всю свою жизнь готовящийся жить так, чтобы быть как можно свободнее от власти тела, в ту минуту, когда освобождение это готово совершиться, был бы недоволен им? И поэтому, как мне ни жалко

расставаться с вами и опечалить вас, я не могу не приветствовать смерть как осуществление того, чего я достигал в продолжении жизни».[7]

После такой речи Сократ спокойно выпивает чашу с настоем цикуты.

[6] Там же, с. 466.

[7] Там же, с. 472.

Основные положения сократовского мировоззрения были восприняты и развиты дальше Платоном. Платон был одарен чрезвычайной любознательностью. Еще в юности он изучил Гераклита и Анаксагора и проявил большой поэтический талант. В двадцать лет он встретился с Сократом и до самой смерти наставника оставался его другом и учеником. Путешествуя по Греции, Италии и Египту, Платон ознакомился со всеми философскими учениями того времени, а затем возвратился в Афины, где основал свою школу, которая называлась Академией.

Философское учение Платона подразделяется на три раздела:

а) диалектику, задача которой сводится к образованию общих занятий и идей, представляющих вечное и неизменное основание совокупностей, общих всем предметам или явлениям;

б) физику, объясняющую возникновение мира из идей и безграничного пространства;

в) этику, или учение о высшем благе.

Один из диалогов Платона («Федон») посвящен доказательствам бессмертия души. В своей философии Платон во многих пунктах приближается к христианской морали. Есть даже предположения, что Платон был знаком со Священным Писанием. Вот что говорит об этом церковная история. «Платон признавал, что существует высшая сила, сотворившая мир, что душа человека бессмертна и должна стремиться к совершенству. Его высокие понятия о добродетели, его стремление к уразумению божества, указание на бессмертие души – дают повод даже предполагать, что в Египте, где он жил некоторое время, он мог узнать Священное Писание».[8]

В философии Платона очень ярко выражена взаимосвязь категорий добра, красоты и истины. Они неотделимы одна от другой, вытекают одна из другой, дополняют одна другую, объединяясь в любви. «Любовь – это путь, – делает заключение Платон, – ведущий через созерцание красоты, отблески истины, к высшей добродетели».

[8] Бахметева А. Н. «Рассказы из церковной истории», ч. I, с. 60–61.

Ученик Платона Аристотель, восприняв основные положения философии своего учителя, развил их дальше. Но любовь к учителю не помешала Аристотелю отказаться от некоторых положений платоновской философии, так как дороже всего ему была истина. «Люблю Платона, – говорил он, – но еще более люблю истину». В Афинах Аристотель основал философскую школу Перипатетиков. В противоположность идеалистической философии Платона, Аристотель считается основателем реалистической философии и логики. Он первый произвел классификацию животных, является родоначальником сравнительной анатомии, эмбриологии, геологии. Во всех исканиях этим выдающимся мыслителем и всеобъемлющим ученым Древней Греции руководила любовь к истине. Вопросу бытия души он посвятил трактат «О душе». Вопрос о бытии Бога Аристотелем решен положительно. Бог существует реально, так как везде видно проявление высшего разума; отсюда вытекает аристотелевское определение жизни: «Реальность разума есть жизнь». Немецкий философ Гегель, о котором мы будем говорить позднее, в своих философских трудах, доказывающих бытие Бога, часто цитирует Аристотеля. Вот что пишет Аристотель в «Метафизике»: «И жизнь, без сомнения, присуща Ему (Богу); ибо реальность разума есть жизнь, а Он есть именно деятельность и действительность Его, как она есть сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь. Мы утверждаем поэтому, что Бог есть живое существо, вечное, наилучшее, есть достояние Его; ибо вот что такое есть Бог».[9]

Аристотель был наставником Александра Македонского, который почитал ученых мужей и мудрецов. Именно это почитание привело А. Македонского к Диогену (ок. 404 – ок. 323 гг. до Р. Х.), которого Платон назвал «беснующимся Сократом». Цель жизни Диоген видел исключительно в добродетели, воздержании и отречении от всех

[9] Гегель, т. 3, с. 366.

земных благ. Видя безнравственность языческого мира, Диоген часто ходил днем со свечкой. Если его спрашивали, для чего он это делает, то он отвечал: «Ищу человека». В знак протеста против нравов общества, он оставил город и поселился в бочке. Вот к этой бочке А. Македонский подъехал с пышной свитой в царском облачении. Великий завоеватель предстал перед мудрецом и гордо спросил его, чем царь может быть ему

полезен, но Диоген, выглянув из бочки, ответил: «Отойди, прошу тебя, в сторону! Не заслоняй мне свет солнца!».

О, если бы искатель истины так ответил всем тем, кто пытается внешним блеском затмить Солнце Правды, то Истина была бы к нему весьма благосклонна.

ЭПИКУРЕЙЦЫ И СТОИКИ

После триады выдающихся мыслителей – Сократа, Платона, Аристотеля – философская мысль Греции уже не блещет подобными светилами, хотя многие имена вошли в историю философии. Перед рождением Христа в древнем Риме существовали две философские школы: эпикурейцы и стоики. Последователей этих учений мы можем найти и в начале христианской эры, и в наши дни, хотя и под другими именами. Эпикурейцы и стоики отвергали Божество; в центре внимания у них был человек и его земная жизнь, поэтому их учения были восприняты теми, кто всю ставку сделал на жизнь мира тленного, без надежды на вечную жизнь. Хотя у эпикурейцев и стоиков было довольно много последователей, однако, в основном, языческие философы Древней Греции и Рима, пусть извращенно, но признавали Божество и душу. Даже те, кто сомневался в бессмертии души, все же не желали примкнуть к философским течениям, отвергающим существование души, так как не представляли счастья жизни без веры в бессмертие души. Выдающийся римский оратор, государственный деятель и писатель Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до Р. Х.) писал по этому поводу: «Если бы я даже ошибался, полагая, что души бессмертны, я был бы счастлив и доволен своей ошибкой, и, пока я живу, ни один человек не будет в силах отнять у меня эту уверенность. Уверенность эта дает мне спокойствие и полное удовлетворение».[10]

Остановимся кратко на учении эпикурейцев. Основателем этого учения был древнегреческий философ Эпикур (341 – 270 гг. до Р. Х.). Согласно его учению, смысл жизни человека заключается в вечном стремлении духа к счастью и добродетели и в вытекающем из этого стремления

[10] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956, с. 449.

удовольствии. Но может ли счастье быть подлинным без надежды на вечность и может ли человек быть истинно добродетельным без веры в

Бога? Такое счастье можно назвать лишь счастьем во сне; как обычно сейчас говорят молодые люди, счастья нет, счастье – это путь к счастью. О таком счастье говорил еще горьковский Лука, оставаясь в действительности «на дне»:

Господа, если к правде святой Мир дорогу найти не сумеет, Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой.

Да, счастье, испытанное во сне, еще не есть подлинное счастье. Жизнь пройдет, как сон, придется когда-то проснуться; разрушится карточный домик, рассеется туман розовой мечты, и будет, как говорит пророк: «Голодному снится, будто он ест, но пробуждается, и душа его тоща» (Ис. 29:8).

Хотя Эпикур отвергал загробную жизнь, но сам он все же был достоин уважения, так как счастье он видел в стремлении к добродетели, допуская лишь разумные наслаждения, вытекающие из добродетели. Последователи Эпикура совершенно забыли или не хотели помнить об этом. Они предались страстям и погоней за удовольствиями земной жизни. Для подлинной добродетели ни у самого Эпикура, ни, тем более, у его последователей не было необходимой почвы, так как основой всякой добродетели служит вера в справедливого Бога и в бессмертие души. Само слово «эпикуреец» у добродетельных людей стало нарицательным. Если мы откроем «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова 1910 года издания, то найдем такую запись: «Эпикуреец – в обыкновенном разговоре – человек, стремящийся только к удовлетворению страстей и удовольствий».

«Философия» эпикурейцев очень точно выражена словами: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем». Именно эти философы (и еще стоики) вступили в спор с апостолом Павлом в Афинах. Для них, разумеется, учение Христа было неприемлемо. В Книге Деяний мы читаем: «Некоторые из

эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним [Павлом]; и одни говорили: “что хочет сказать этот суеслов?”, а другие: “кажется, он проповедует о чужих бо-жествах”»(Деян. 17:18). Кто это «одни»? Это эпикурейцы, которые не поскупились на «эпитеты» для проповедника правды Христовой, назвав его «суесловом». Это и неудивительно, ибо «слово о кресте для погибающих юродство есть», «их бог – чрево, и слава их – в сраме».

Можно бы оставить в покое это учение, если бы мы не видели пагубного его действия в настоящее время. Как-то раз одному из эпикурейцев XX века,

буквально утопавшему в винном море, был задан вопрос: для чего все же он живет? Стихотворный ответ не замедлил себя ждать:

Все без любви обойдется,

Мы женщинам скажем: «Прости!»

Сегодня мы пьяны напьемся,

А там, хоть трава не расти.

И это был ответ талантливого молодого человека большой эрудиции, разбиравшегося, казалось, во всех политических вопросах, но не знавшего самого главного: зачем он живет. Его прекрасные таланты были загублены лжефилософским учением, это была очередная жертва «эпикурейского счастья».

Учение стоиков, на первый взгляд, было диаметрально противоположным эпикурейству, но неверие в бессмертие души сводило всю эту, казалось бы, красивую философскую систему на те же рельсы несбывшихся надежд и пессимизма. Основателем философии стоицизма считается греческий философ из Китиона, на острове Кипре, Зенон (ок. 336 – ок. 264 до Р. Х.). Учил Зенон в Афинах. Стоицизм – это философия гордого человеческого духа, смело смотрящего даже смерти в лицо. Вероятно, поэтому или же от сознания беспочвенности стоической добродетели сам Зенон и многие из его последователей заканчивали жизнь самоубийством. Вот что говорит о стоицизме церковная история: «Последователи Зенона назывались стоиками. Они учили, что высшая мудрость состоит в добродетели, в твердости и независимости духа, равнодушно встречающего и удары судьбы, и благополучие. Они не признавали Божества; почитая выше всего достоинство человека и непоколебимость духа, они отвергали необходимость для человека помощи свыше». [11]

К этому же философскому течению принадлежал и греческий философ Эпиктет (ок. 50 г. – ок. 140 по Р. Х.). Его проповедь доходила до самоотречения, но самым ярким представителем стоицизма был философ Сенека – свидетель первых гонений на христиан в Риме.

Луций Анней Сенека родился приблизительно в 4 году до Р. Х. В 49 году по Р. Х. Агриппина, жена императора Клавдия, поручила этому философу воспитание своего сына Нерона, будущего императора. Впоследствии Сенека был его советником. Из сочинений Сенеки известны «философские диалоги», или трактаты, в том числе «О счастливой жизни», «О

провидении», а также «Письма к Лу-цилию» и др. У Сенеки мы уже не встречаем традиционного для стоиков отрицания Божества. Его высказывания о жизни, о добродетели очень возвышенны, но его собственная жизнь вовсе не согласовывалась с теми правилами, которые он проповедовал. Ниже мы приведем некоторые высказывания Сенеки, при этом необходимо отметить, что ничего общего у христианства со стоиками нет. Напрасно враги Христа пытаются вывести истоки христианства то из философии иудейско-греческого философа Филона Александрийского, то из стоицизма Сенеки или Марка Аврелия. Истоки христианства и других моральных учений совершенно различны. Христос не только прекрасно учил, Он, будучи Богочеловеком, еще и жил свято, чего не смогли сделать никто из языческих философов. Коренное отличие христианства от учения моралистов, мудрствующих без Христа, заключается в том, что моралисты лишь подбеливают ветхого человека, желая подновить безнадежно обветшалое, а Христос повелевает родиться вновь, «родиться свыше» от Духа Святого, отречься от ветхой природы и быть «новым творением».

[11] Бахметева А. Н. «Рассказы из церковной истории», ч. I.

У Сенеки мы находим некоторую склонность к пантеизму (обожествление природы). «Что такое природа, - говорит он, - как ни Бог и ни Божественный разум, которым проникнут мир, как в целом, так и в отдельных час-тях».[12] Сенека учил дорожить жизнью, ценить каждое мгновение, достигая мудрости. Мы уже отмечали, что его жизнь не согласовывалась с его учением, поэтому, цитируя Сенеку, мы даем читателю такой же совет, какой Христос дал народу относительно фарисеев: «Что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Мф.23:3). «Люди часто жалуются, - пишет Сенека, - на недостаток времени и не знают, что делать со своим временем. Жизнь проводят в безделье, лени или делании того, что не имеет значения. Мы говорим, что дни нашей жизни не-многи, а поступаем так, как если бы этим дням конца не было».[13] «Какое безумие, - продолжает Сенека, - при таком недостатке времени изучать ненужное». Из этого весьма полезного поучения стоило бы многим извлечь урок. Хочется заметить, что дорожить временем нужно тому, кто знает цель и цену жизни, а для тех, кто запутался в греховном житейском водовороте, хочется привести слова Е. Евтушенко из стихотворения «Спешка»:

Остановись на полдороге, Доверься небу, как судьбе, Подумай, если не о Боге, Хотя бы просто о себе!.. Есть в нерешительности сила, Когда по ложному пути Вперед на ложные светила Ты не решаешься идти... О,

человек! Чье имя свято, Подняв глаза с молитвой ввысь, Среди распада и разврата Остановись! Остановись!

[12] Коменский Я. А. Избр. соч-я, Москва, 1955, с. 427.

[13] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», изд. «Христианин», с. 13.

У древних евреев по этому поводу есть мудрое изречение: «Торопится диавол, ибо дни его сочтены, а Богу некуда торопиться; у Него впереди вечность». Поэтому всем не познавшим истину мы можем дать совет: «Торопись остановиться перед пропастью и рассмотри путь свой!».

А вот другое поучение Сенеки: «Ужели важно, как скоро уйдешь оттуда, откуда тебе непременно нужно уйти. Жизнь продолжительна, если она полна впечатлениями. Будем заботиться о том, чтобы, подобно драгоценным камням, наша жизнь, не имея большой продолжительности, имела бы большую ценность. Будем измерять ее деятельностью, а не временем. Будем восхвалять и считать в числе счастливых того, кто хорошо воспользовался временем, как бы мало ему ни было его дано. Ведь он видел истинный свет, не был один из многих, он действительно жил и заслужил полное уважение. ...Как при малом теле человек может быть совершенным, так при кратковременности жизнь может быть совершенна. Продолжительность жизни есть высшее благо. Ты спрашиваешь меня, какая наибольшая продолжительность жизни? – Достичь до мудрости. Кто достиг ее, тот достиг не только самой отдаленной, но и величайшей цели».

Мы видим, что Сенека совершенно свободно говорит об «истинном свете», о мудрости. Возникает вопрос: может быть, его мысль достигла истины и мудрости? Но что есть истина, что есть мудрость? Сенека пишет: «Мудрость заключается в следующем: вернуться к природе и возвратиться туда, откуда нас низвергло общее заблуждение».[14] Любое поучение действенно лишь тогда, когда подкреплено примером личной жизни. Сколько угодно можно говорить о мудрости, об истине, но, указав на «общее заблуждение», нужно оставить это заблуждение и указать на путь, идя которым, «даже неопытный не заблудится». Вот этого-то и не смог сделать никто из стоиков, в том числе и Сенека, хотя сам ясно указывал на «общее заблуждение». Можно прямо сказать, что языческая философия дошла до тупика, дальше пути нет, надо возвращать-

[14] Коменский Я. А. Избр. соч-я, Москва, 1955, с. 194.

ся назад «к своей природе» и спрашивать правильную дорогу у Того, Кто сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

Во времена Сенеки уже взошло «Солнце Правды», но он не рассмотрел Его из развратного нероновского дворца, будучи воспитателем и советником чудовищного деспота Нерона. Прежде чем окончательно развенчать философскую систему стоиков, приведем еще одно поучение Сенеки: «Интересуйся не количеством, а качеством твоих почитателей: бывает неприятно не нравиться добрым людям, но не нравиться дурным – всегда хорошо».

С нашей стороны мы можем добавить, что лучше всего вообще не искать людской славы, трудиться и делать добро не ради почестей и славы, а ради любви к самому добру и истине. «Все течет, все изменяется», – говорил Демокрит. Действительно, все меняется на наших глазах, даже люди и их взгляды, меняется и их мнение о нас. Единственно верной и неизменной является лишь божественная истина. Как писал Иоанн Филадельфийский:

Розы полюбишь – их осень погубит, Арфу возьмешь – ветер струны порвет, Друга найдешь – он тебя позабудет, А не забудет, так помни – умрет, Время экспрессом летит по вселенной, Молодость старится, блекнет краса. Все на земле скоротечно и тленно. Верны, поверь, лишь одни небеса.

Мудрецы говорят, что у человека четыре лица: первое – то, что мы знаем о человеке по первому знакомству; второе – наше знание о нем, когда с ним очень долго были вместе; третье – это то, что о себе думает сам человек; четвертое – что о человеке думает Бог.

Да, поистине, только то имеет непреходящую ценность, что дорого в очах Божиих. Христос учил все распознавать «по плодам». Каковы же плоды стоического учения? Непреложный закон жизни, подтвержденный философией, гласит: подобное стремится к подобному, и подобное порождает подобное. Мы уже отмечали, что основатель стоицизма Зенон закончил жизнь самоубийством, та же участь постигла и самого выдающегося представителя стоической философии Сенеку. Если бы стоицизм был высокоморальным учением, то его последователи должны были бы быть людьми весьма добродетельными. Хотя некоторые из стоиков, например, Эпиктет, доходили до самоотречения, но ими руководили «гордый человеческий дух» и людская слава, жизнь же самого Сенеки не соответствовала его учению. Может быть, Сенека не смог исполнить своего учения в жизни, а старался как хороший воспитатель передать все лучшее ученикам и воспитать в них эти качества, оградив от собственных ошибок? Кто же был воспитанником Сенеки? – Нерон, которого можно сравнить лишь с кровожадным чудовищем. За «достойное» воспитание он сполна

«отблагодарил» своего воспитателя, заставив его покончить жизнь самоубийством. Вот они - плоды стоицизма! «По плодам их узнаете их», - учил Христос.

Господи! Как жалки все попытки человечества построить без Тебя Храм добродетели. Люди пытаются построить его на болотистой почве, без твердого основания, но, по мере увеличения тяжести строения, тинистое болото тотчас его поглощает. Да, действительно, языческие философы искали истину вслепую. Лишь немногим из них удалось издали, краешком глаза взглянуть на «отблеск истины». Политеизм (многобожие) не давал возможности философам найти истину, так как он-то и был главным врагом истины в то время. Что представлял из себя политеизм? Согласно греческой мифологии, миром управляли двенадцать великих богов. Главным был Зевс, или Юпитер, затем шли боги: моря, ада, солнца, или света, войны, искусства, торговли; богини: земли, мудрости, красоты и любви, огня и прочие. Кроме них было множество второстепенных богов и полубогов. Богам приписывались человеческие пороки, страсти и слабости - они представлялись коварными, безнравственными, несправедливыми. Почитание таких богов не могло внушить язычникам чистых и возвышенных правил; и хотя греческая мифология и указывала на воздаяние за гробом, но понятия о добре и зле оставались неопределенными.

Философам, не вышедшим из рамок политеизма, свет истины был недоступен: нельзя, сидя в подвале, наслаждаться светом и восхищаться звездами, нужно сначала выйти из подвала под своды прекрасного неба. Многих из философов политеизм привел к сомнениям и прямому отрицанию бессмертной души, а тех, которые, подобно Сократу, стремились выйти из рамок многобожия и склонялись к признанию Единого Творца, Зиждителя Вселенной, политеизм нередко обрекал на смерть. На этом мы закончим краткий обзор языческой философии и обратимся к христианству.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭРА. ПЕРВЫЕ МУЧЕНИКИ ЗА ХРИСТА

В то время, когда Древняя Греция и Рим были наводнены различными философскими учениями, на восточном побережье Средиземного моря

обитал мало известный в то время народ, занимавшийся, в основном, скотоводством. Это были евреи, обладавшие бесценными священными свитками. Позднее эти свитки были объединены в Книгу Библию, которая произвела настоящий переворот в умах людей всего мира, открыв им путь к познанию истины. У простого еврейского народа не было ни философского авторитета, ни способов распространения своего учения, ни даже права на его распространение, так как владычество Рима тяжким ярмом лежало на всех народах, в том числе и на Иудее. Почему же, спустя немного времени, почти весь мир заговорил о Едином Боге, совершенно позабыв о мифах Древней Греции? Потому что Автором этой Книги является Дух Святой, запечатлевший через святых пророков на вечные времени священные истины для всех. Вот почему Библия является достоянием всего человечества, а не одного еврейского народа. Это чудный Божий подарок людям. Древнейшие книги Библии написаны за пятнадцать веков до Рождества Христова. Среди языческого окружения еврейский народ сохранил в неприкосновенности бесценные свитки Священного Писания, испытав плен и рассеяние среди других народов. В неприкосновенном величии Единый и Вечносущий Бог возвышается над людскими вымыслами и всякому желающему познать истину готов открыться по Своему изволению во всей красоте. Возникает вопрос: почему же греческие и римские философы остались в стороне от Библии? Греческий перевод

ветхозаветных книг Библии был сделан в 275 г. до Р. Х. семьюдесятью двумя учеными евреями (72 толковниками) по приказанию Птоломея в Александрии. Хотя греческий язык был распространен тогда по всему Востоку, но кто из философов древней Эллады и гордого Рима захотел бы изучать творения малоизвестного пастушеского народа? Однако Бог избрал именно этот простой и малочисленный народ для посрамления великих умов мира сего.

Многие поколения библейских пророков предвозвещали о грядущем Мессии, Который избавит человечество от власти греха, тяготеющего над людьми со дня согрешения прародителей Адама и Евы. Он возвестит людям «суд и правду», избавит от смерти и ада. Эти пророчества, как золотая ленточка, переплетают все ветхозаветные книги Библии и соединяют их вместе с Новым Заветом в единый кодекс вечной истины. Языческий мир, пресыщенный философскими учениями, жаждал истины. Эту жажду можно выразить словами древнего сказителя Эзопа: «Свобода и истина – это единственное, для чего мы существуем». Но кто мог дать людям свободу? Кто мог открыть им истину?

И вот, на темном горизонте греховного мира восходит «светлая утренняя Звезда». Младенец Христос, рожденный в Вифлеемских яслях, осветил истинным светом всю вселенную, возвестив о начале новой эры в истории человечества. Как бы ни старались противники истины затмить этот новый чудный свет, им не удалось это сделать тогда, и сейчас не удастся. «Ладонью солнца не закрыть!»

Напрасно безбожье на всем земном шаре Под лозунгом «вера мешает нам жить» В каком-то безумном ужасном угаре Пытается Слово Христа задушить. В историю минуло много столетий, Стрелой промелькнет новых дней череда, Но Слово Христа, люди-братья, поверьте, Безбожье не сможет распять никогда!

Каждый новый год красноречивее всех Демосфенов и Цицеронов говорит, что столько-то лет прошло от Рождества Христова. Напрасно неверие пытается приложить ко Христу мифический ярлык: мифы никогда не меняли летоисчисления и не завоевывали умы людей всего мира. Каждый воскресный день календаря возвещает нам еще об одном чуде, о воскресении. Кто же это воскрес? – Иисус Христос, даже дети нам скажут об этом. Современное человечество выдвигает лозунги «свобода», «равенство», «братство». Откуда они? Кто первый принес их на землю? «Христос первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства, и мученичеством запечатлел, утвердил истину Своего учения», – отвечает В. Г. Белинский в письме Гоголю.[15]

Христос провозгласил торжество бытия, приблизив к нам небо, или, вернее, возвысив нас Собою до неба. Душа смертного в радостном восклицании теперь может слиться с хорами небожителей, постигая восхитительную гармонию творения. «Весь беспредельный, прекрасный Божий мир, – продолжает Белинский, – есть не что иное, как дыхание Единой Вечной Идеи (мысли Единого, Вечного Бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии. Только пламенное чувство смертного может постигать в свои светлые мгновения, как велико тело этой души вселенной...

Бог создал человека и дал ему ум и чувство, да постигает эту идею своим умом и знанием и да приобщается к ее жизни в живом и горячем сочувствии, да разделяет ее жизнь в чувстве бесконечной зиждущей любви! Гордись, гордись, человек, своим высоким назначением; но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала

тебе ум и волю, которые ставят тебя выше всего творения, что она в тебе живет, а жизнь – есть действование, а действование – есть борь-

[15] Белинский В. Г. Избранное, 1954, с. 525.

ба; не забывай, что твое бесконечное, высочайшее блаженство состоит в уничтожении твоего "я" в чувстве любви.

...Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное "я", дыши для счастья других, жертвуй для блага ближнего, Родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжким крестом выстрадай твое соединение с Богом, твое бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего "я", в чувстве беспредельного блаженства!..

...Сочувствуй природе, люби, изучай ее, твори бескорыстно, трудись безвозмездно, отверзай души ближних для впечатлений благого и истинного, изобличай порок и невежество, терпи гонения злых, ешь хлеб, смоченный слезами, и не своди задумчивого взора с прекрасного, родного тебе неба».[16] Иисус Христос явил Собой нам сущность Бога. В Нем мы познаем, что Бог есть беспредельная любовь. Христос принес людям Благую Весть, вечное Евангелие, которое отвечает людям на сокровенные вопросы смысла жизни и тайны счастья. Человеку, вооруженному Евангелием, диавол не сможет причинить никакого вреда. Для всех измученных, потерявшихся в этом мире есть выход, есть путь в небо чрез Евангелие Иисуса Христа. Это бесценная святая Книга.

«Есть Книга, – пишет Белинский, – в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, Книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни – Евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науке, в философии заключаются в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной Книги, в сознании ее живых, вечно преходящих глаго-лов».[17]

И эта Книга доступна простодушным, ибо ее истины постигаются любовью и верой.

«Любовь, – продолжает Белинский, – постигается только любовью: чтобы познать истину, надо носить ее в

[16] Белинский В. Г. «Литературные мечтания», т. 1, Москва, 1948, с. 14.

[17] Там же, с. 408.

душе, как предощущение, как чувство: вера – есть свидетельство духа и основа знания; бесконечное доступно только чувству бесконечного, которое лежит в душе человека, как предчувствие».[18]

Мы еще много раз вернемся к учению Иисуса Христа. В данном разделе нас будут интересовать следующие вопросы: 1) Является ли Христос, предвозвещенный пророками, действительной исторической личностью? 2) Воскрес ли Христос?

Можно было бы сразу начать со второго вопроса, так как второй вопрос исключает первый, но неверие сейчас настолько укоренилось в сознании людей, что библейским первоисточникам люди не хотят верить, а им подавай для свидетельства какого-нибудь, пусть третьестепенного, историка, которого наука не подвергла бы сомнению; для человека малосведущего понятия «наука» и «истина» являются сейчас чуть ли не синонимами. У нас еще будет возможность рассуждать конкретно по этому вопросу, а пока лишь ограничимся философским определением науки. Даже современная философия определяет, что наука – это система взглядов на природу, общество и другие сферы деятельности человека в данное время. Значит «система взглядов» относится только к «данному времени». Проходит время, меняются научные догматы, а истина остается неизменной. В этом отличие науки от истины. Вначале наука оперирует гипотезами (предположениями), наиболее вероятная гипотеза принимается и становится теорией, а утвердившаяся теория уже претендует на роль научной истины. Но если бы люди, слепо верящие науке (мы подчеркиваем слово «верящие», так как и научным догматам тоже необходимо верить), знали, сколько научных истин, теорий и гипотез кануло в область преданий, то от их «веры» не осталось бы камня на камне. Хотя люди, порвавшие с религией, не хотят и слышать о непреложной божественной истине, но все равно их сознание стремится к чему-то постоянному и авторитетному. Поэтому людям века сего

[18] Там же.

необходимо кого-то или что-то возвести на пьедестал неизменной истины, чтобы, пусть даже временно, иметь кажущуюся точку опоры в своих исканиях и умозаключениях. В этом потребность души человеческой, чтобы апеллировать в спорных вопросах к непреложным авторитетам. Но удивительно, что все человеческие авторитеты нуждаются в поддержке. По этому поводу один из выдающихся мыслителей современности (Солженицын) говорил, что авторитеты (это относится и к личностям, и к

учениям) нужно перестать поддерживать. Если они истинны, то будут способны стоять сами, без поддержки (ибо истина в защите не нуждается, она способна сама защитить себя). Но стоит убрать подпорки от некоторых авторитетов, как эти «подпертые чучела» тотчас рухнут.

Помнится, в беседе с одним из безбожников, который излагал свои убеждения, опираясь на человеческие авторитеты, верующий молодой человек задал вопрос: «А что, если ваши авторитеты ошиблись, утверждая, что Бога нет?». Собеседник ответил, что этого быть не может. Последовал второй вопрос: «А кто сказал, что не ошибается тот, кто ничего не делает?». Собеседник очень бойко ответил. Тогда молодой человек спросил: «Не можете ли вы нам при всех ответить, ошибся в чем-нибудь автор этого изречения или нет?». После паузы собеседник, уклоняясь от прямого ответа, только сказал, что за такие вопросы и ответы обоим придется отвечать. Отвечать, конечно, придется, обязательно придется, и, прежде всего перед престолом праведного Судьи, зачем же тогда опираться на шаткое основание человеческих авторитетов, возводя их в ранг абсолютной истины? Этим примером хотелось лишь показать, как люди склонны сами в себе возводить в «абсолют» человека, а тем более научные выводы.

Я. А. Коменский писал: «Даже великие люди кое о чем мыслили легкомысленно, и их почитатели ввели в обычай преклоняться перед такими воззрениями».[19] Разумнее всего помнить ответ Христа, который Он дал искушавшему

[19] Коменский Я. А. Избр. соч-я, Москва, 1955, с. 409.

Его диаволу: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4:10).

Возвратимся к нашей теме. Многих смущает вопрос: почему не все писатели и историки времен Христа пишут о Нем? Здесь речь идет прежде всего о римских историках, так как иудейский историк Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100 гг. по Р. Х.) в своем известном труде «Иудейская война», переведенном на русский язык, как раз пишет о последователях Иисуса Христа, упоминая и о Нем Самом. Об этом разговор пойдет несколько позднее.

Римские историки не могли упоминать о Христе по той причине, что повествование о «религии рабов» было противно «духу римских патрициев», а евреи как раз были порабощены римлянами, да и события, происходящие в Палестине, которая считалась у римлян провинцией, могли быть известны не всем историкам. Если даже сведения о Христе и доходили,

то, опять же, «римский дух» не позволял верить им. Зато о гонениях на христиан в Риме столько написано, начиная от историков I – II веков и кончая Ф. Энгельсом, что «да заградятся всякие уста» от обилия доказательств. Гонимых за веру в Иисуса в Риме называли не иначе как «христиане». От кого же идет это название, как не от Христа? Как-то спрашиваем неверующего: «Откуда идет название “марксист”?». Отвечает: «от Маркса». – «Могло ли это название появиться без Маркса?» – «Нет». – «А откуда идет название “христианин”?». – «От Христа». – «Могло ли оно появиться без Христа?». Отвечает: «Конечно, могло». Логика отвечающего просто поразительна. Но что поделаешь, как говорит шекспировский герой в «Короле Лире»: «Таков наш век: слепых ведут безумцы». ...Это век логики без логики, ибо само понятие «логика» происходит от греческого «логос», что означает «слово», а Слово есть Иисус Христос, как читаем в Евангелии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Значит, логики без Слова – Бога, без Христа, быть не может.

Исторических доказательств бытия Христа так много, что все их мы не сможем ни собрать, ни привести. Некто

академик Петушин уверяет, что число вполне надежных исторических свидетельств о Христе превышает цифру 210, а академик Белецкий доводит их количество до 230. Конечно, для искреннего искателя истины вполне достаточно одного из четырех евангелий, чтобы дать возможность «верою вселиться Христу в сердце», а после «любящим Бога» дано будет «знание от Него». Но начнем долгое повествование для тех, кто никак не может верить в Евангелие. Римский историк Гай Светоний Транквилл (конец I – начало II вв.), описывая жизнь и царствование императора Клавдия, отравленного своей второй женой Агриппиной, говорит, что Клавдий изгнал из Рима всех евреев, которые исповедовали своим вождем Иисуса и были причиной всяких беспокойств. Об этом же изгнании говорит и Священное Писание (Деян. 18).[20]

Приведем еще ряд свидетельств о Христе и о христианах.[21]

«Против апостола Иакова Зеведеева (Деян. 12) нашелся лжесвидетель. Апостол спокойно выслушал свой смертный приговор. Сила, мужество, спокойствие так поразили лжесвидетеля, что он сам обратился ко Христу. Когда апостола повели на казнь, обвинитель пал к его ногам, каясь в преступлении своем и моля о прощении. Святой апостол, обняв его, сказал: “Мир тебе, сын мой, мир тебе и прощение!”. Обвинитель, исповедав всенародную веру во Иисуса Христа, был казнен вместе с апостолом.

Церковь считала мученическую смерть за имя Христово равносильной крещению: она именовала мученичество крещением кровью».[22]

«Иаков, брат Господень, строго соблюдал закон Моисеев, хранил строжайший пост. Все звали его праведным и защитою народа; ему одному дозволялось во всякое время входить во Святое-святых храма. В 59 году он написал Соборное послание.

[20] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 182.

[21] Выписки сделаны из книги Бахметевой А. Н. «Рассказы из церковной истории», ч. I.

[22] Бахметева А. Н. «Рассказы из церковной истории», ч. I, с. 45-46.

...На Пасху книжники и фарисеи просили Иакова: “Просим тебя, праведный, скажи поучение народу. Он признает Иисуса распятого за Христа; выведи его из этого заблуждения: он тебе поверит, ибо всем известно, что ты свят и беспристрастен. Стань на кровлю храма и оттуда обрати речь к народу”. Собрав народ, они закричали: “Праведный! Тебе все должны верить, скажи же этому заблуждающемуся народу, какое понятие он должен иметь об Иисусе распятом?” Иаков громогласно отвечал: “Что вопрошаете меня об Иисусе - сыне Человеческом, Который добровольно пострадал и умер, и был погребен, и воскрес в третий день? Он ныне восседит на небесах одесную Бога и опять придет на облаках небесных судить живых и мертвых”.

Тогда верующие, находившиеся между народом, воскликнули радостно: “Осанна Сыну Давидову!”.

Фарисеи и книжники, взбежав наверх, столкнули святого апостола с кровли храма. Упав с такой высоты, он расшибся, но, собрав последние силы, встал на колени, поднял руки к небу и громогласно молился, говоря: “Господи Боже, прости им! Они не ведают, что творят!”.

Пока он молился, некоторые из народа, подстрекаемые фарисеями, стали бросать в него каменьями. Человек из племени Рехава (Иер. 35) поднял голос в защиту святого страдальца: “Перестаньте, что вы делаете? Праведный молится за вас, а вы его побиваете!”.

В это время один суконщик ударил Иакова тяжелым вальком и разбил ему голову. Это было в 63 году.

Иосиф Флавий, описавший ужасы иудейской войны, прибавляет: “Все это случилось с ними за смерть Иакова праведника, брата Иисуса, называемого Христом. Иудеи убили его, хотя он был человек святой”».[23]

«По смерти Иакова (который был первым епископом Иерусалимской церкви) христиане в Иерусалиме избрали в епископы Симеона, сына Клеопы, сродника Господня. Около этого времени пострадал апостол Матфий. Он про-

[23] Там же, с. 89-90.

поведовал в Иудее, Малой Азии, Эфиопии. Первосвященник Анан, по прибытии его в Иерусалим, обвинил его в богохульстве. Он был выведен за город и побит каменья-ми».[24]

«В Риме вошло в обычай воздавать божеские почести императорам. Тиверий, Калигула, страшные злодеи, были причислены к богам, в честь их воздвигались алтари и жертвоприношения; перед статуями их курили фимиам, как перед идолами».[25]

«...Христиане не приносили жертв, - и язычники, не понимая, какому Богу они поклоняются, звали их безбожниками. Христиане не соглашались совершать обряд в честь императора, - стали смотреть на них, как на непокорных граждан. Вскоре стали распространяться о них ужасные клеветы: рассказывали, что в ночных собраниях своих они предаются страшному бесчинству и совершают ужасные преступления, что они убивают младенца и вкушают его тело».[26]

«...Тацит, тогдашний историк, пишет: "Нерон стал страшным образом мучить этих людей, которые, известные под общим именем христиан, были и без того покрыты позором. Они ведут начало и имя свое от какого-то Христа, который в царство Тиверия был казнен по повелению игемона Понтия Пилата. На время это ужасное суеверие было остановлено, но потом оно опять усилилось и распространилось не только в Иудее, где эта вредная секта первоначально возникла, но достигла Рима, общего приюта того, что нечисто и преступно. Они (христиане) умирали среди ужасных истязаний. К истязаниям присоединились ругательства и насмешки. Некоторые из них были пригвождены ко крестам; другие зашиты в звериные шкуры и брошены на растерзание псам; иные, вымазанные смолистым составом, вместо факелов освещали ночную

[24] Там же, с. 91.

[25] Там же, с. 93-94.

тьму. Сады Нерона были местом этого ужасного зрелища; в это время происходил конский бег, на котором при огромном стечении народа присутствовал и император, одетый кучером. Преступления христиан, конечно, заслуживали примерного наказания, но общая ненависть заменилась сожалением, потому, что эти несчастные были казнены не столько ради общей пользы, сколько для удовлетворения жестокости Нерона"».[27]

Надо заметить, что римский историк Публий Корнелий Тацит (ок. 56 – ок. 117 гг.) смотрел на христиан глазами римского патриция, обвиняя их в пожаре Рима и ставя им в вину всю клевету, возводимую на них. При этом у Тацита с исторической достоверностью названо и место происхождения христианства – Иудея, что отрицают современные атеисты, и упомянут Иисус Христос как реально существовавшая личность. Продолжим повествование цитатой из «Церковной истории».

«Раздраженный Нерон приказал Петра и Павла (апостолов) заключить в Мамертинскую тюрьму. Апостолов осудили на смертную казнь. Петр был сперва свидетелем казни своей жены и напутствовал ее словами: "Жена, помни Господа!". Он был осужден на крестную смерть, считавшуюся у римлян самою позорною; но казнь, позорная в глазах людей, показалась еще слишком почетною смиренному апостолу. Он не счел себя достойным умереть, как умер Божественный Учитель его, и попросил, чтобы его распяли головой вниз.

Святой апостол Павел, огражденный как римский гражданин от позорной казни, был обезглавлен мечом. Некоторые писатели полагают, что оба апостола были казнены в один и тот же день в 67 году; другие думают, что апостол Павел умер ровно через год после Петра».[28]

«...Очень древнее предание говорит, что апостолы, помолившись, бросили жребий, кому куда идти. Древние писатели сообщают тоже, что перед своей разлукой они по

[27] Там же, с. 100–101.

[28] Там же, с. 102–103.

вдохновению свыше сложили символ будущей проповеди. Этот символ известен под именем Символа Апостольского, состоит из 12-ти пунктов: 1) Верую в Бога Отца Всемогущего, 2) Творца неба и земли. 3) Верую во Иисуса Христа, Сына Его, Единородного, Господа нашего, 4) Который зачат был от Духа Святого, рожден от Марии девы; 5) пострадал при Понтии Пилате,

распят, умер и погребен, 6) сошел во ад, в третий день воскрес из мертвых, 7) взошел на Небеса, сидит одесную Бога Отца Всемогущего, 8) оттуда придет судить живых и мертвых. 9) Верую в духа Святого, Святую Церковь соборную, 10) общение святых, 11) воскресение плоти, 12) жизнь вечную».[29]

«Святой апостол Андрей Первозванный благовествовал в Иудее, Греции, Малой Азии (Грузии, Абхазии). Проник в Россию (которую называли Скифией). Древняя летопись сообщает о проповеди Андрея в Херсонесе Таврическом (нынешний Крым). По Днепру поднялся до Киева, дошел до теперешнего Новгорода. В греческом городе Патрах положил жизнь за Христа. Он с радостью приветствовал крест: “О, крест, давно любимый, возьми меня от людей и отдай меня Учителю моему; пусть тобою примет меня Тот, Кто тобою меня спас”. Чтобы продлить мучения, апостола привязали ко кресту. Два дня и две ночи он висел на кресте, поучая народ, на третий день почил около 70-го го-да».[30]

«Апостол Филипп (не смешивать с диаконом Филиппом, о котором говорится в Деяниях апостолов) благовест-вовал в Греции, посетил Аравию, Эфиопию, Парфию, потом вместе с сестрой своей, девицей Мариамною, обходил Малую Азию, где встретился с Варфоломеем. С Варфоломеем пришел во Фригийский город Иераполь. Там Филипп был распят головою вниз близ идольского капища, Варфоломей тоже был распят в Иераполе вместе с Филиппом. Внезапно произошло страшное землетрясение. Испуганные граждане умоляли начальника снять распятых.

[29] Там же, с. 107.

[30] Там же, с. 109-110.

Филипп уже почил, Варфоломей был еще жив. Он поставил епископа, окрестивши уверовавших, предал земле тело Филиппа. Проник в Индию, где, спустя много времени, нашли оставленное им Евангелие от Матфея. Был в Армении. В арамейском городе Альбанополе жрецы возбудили против него народ. Его распяли, потом отсекли голову ме-чом».[31]

«Матфей проповедовал в Иудее. Написал Евангелие на еврейском языке. Некоторые полагают, что спустя 8 лет после вознесения, другие считают позднее. Оно было тотчас переведено на греческий язык, как полагают, Иоанном Богословом или Иаковом, епископом Иерусалимским. Посетил Сирию, Малую Азию, Персию, Индию, Эфиопию и принял мученическую смерть около 60-го года.

Иаков Алфеев проповедовал в Иудее, Сирии, Месопотамии, Египте. В Египте был распят на кресте.

Иуда Иаковлев проповедовал в Иудее, Самарии, Иду-мее, с Павлом и Силою был в Антиохии, посетил Персию и Армению, где, как полагают, был распят и пронзен стрелами около 80-го года. Послание написал около 67-го года.

Симон Зилот проповедовал в Месопотамии, Египте, Мавритании. Некоторые полагают, что вместе с Христову-лом (одним из 70 апостолов) он благовествовал в Британии, где скончался мученической смертью.

Лука был спутником Павла в Рим. Евангелие написал на греческом языке. Был епископом в греческом городе Солуни (Фессалоники). Был врач и живописец. Сподобился мученической смерти или в Ефесе, или в Патрах».[32]

«Марк сопутствовал Петру при первом путешествии в Рим. Под его руководством написал там Евангелие на греческом языке. Проповедовал в Италии, Египте, Ливии, Киренаике. Был первым епископом в Александрии, там положил начало училищу. Здесь же был замучен язычниками около 68-го года».[33]

[31] Там же, с. 111.

[32] Там же, с. 112.

[33] Там же, с. 113.

«Древние историки (Климент Александрийский, Евсе-вий) передают повествование об Иоанне Богослове: однажды, когда он обозревал церковь в одном городе, ему особенно понравился один юноша, которого он и поручил надзору тамошнего епископа. Епископ сначала усердно учил его и, наконец, сподобил святого крещения; но затем перестал иметь над ним надлежащий надзор. Юноша попал в общество порочных людей, которые увлекли его дурным примером...

И он сделался начальником шайки разбойников и жестокостью превзошел всех своих товарищей. Спустя некоторое время, Иоанну случилось быть в том городе, и он тотчас же осведомился об юноше. Со слезами рассказал ему епископ о случившемся. “Юноша погиб, – говорил он, – он умер для Бога и жизни вечной”.

Эта весть глубоко огорчила святого Апостола. “Так ли, – сказал он епископу, – следовало тебе заботиться о вверенной тебе душе брата? Дайте мне лошадь и проводника, я пойду за ним”.

Разбойники схватили святого старца и повели к начальнику своему. Юноша взял было оружие, но, взглянув на старца и узнав его, до того смутился, что убежал. Иоанн последовал за ним, восклицая: “Сын мой, зачем бежишь от отца? Сжалься надо мною, дитя мое; не бойся, есть еще надежда жизни; я буду ответчиком за тебя Христу, я готов отдать жизнь мою за тебя. Остановись и послушай меня; верь мне: я послан Самим Христом!”.

Побежденный любовью святого апостола, разбойник остановился; не смея взглянуть на Иоанна, он бросил оружие, прятал правую руку, совершившую столько преступлений, весь дрожал и заливался слезами. Иоанн подошел к нему, обнял его и, обнадеживая его милостью Божией, увел с собой. Он стал с любовью наставлять его, молился и постился с ним, читал Священное Писание и только тогда уже оставил его, когда раскаявшийся юноша мог быть опять принят в общество христиан...

Когда по старости и слабости Иоанн не мог предпринимать дальнего пути, он все продолжал посещать христиан-

ские собрания и наставлял учеников. Под конец жизни ученики на руках вносили его в собрание. Слабость голоса уже не позволяла ему произносить продолжительные поучения, и он только повторял: “Дети, любите друг друга!”. Однажды ученики спросили у него: “Учитель, почему ты повторяешь одно и то же наставление?”. “Это – заповедь Господа, – отвечал он, – в ней заключается все Его учение”.

Святой Иоанн почил в Господе в самом начале II столетия. Учениками Иоанна были: святой Игнатий Богоносец (по преданию, он был тем самым дитятей, которого Христос, взяв на руки, сказал: “Кто не умалится, как дитя”.), Папий и святой Поликарп».[34]

«Римский писатель и историк Плиний Младший (62 – ок. 114 гг.) был губернатором Вифинии. Он писал в письме к императору Траяну: «Они (христиане) собираются в известный день перед рассветом и поют Христу, как Богу, что в тайных собраниях их незаметно никакого преступления; но что они клятвенно обещают жить честно, не красть, не обманывать, не присваивать чужого, свято хранить обещания свои».[35]

«Поликарпу, епископу смирнскому (ученику Иоанна) было предложено отречься от Христа, но он ответил: “Я восемьдесят шесть лет служу Христу, и Он не сделал мне никакого зла. Как же я могу хулить Царя и Спасителя Моего”.

Его хотели приковать к костру, но он сказал: “Этого не нужно; Тот, Кто дал мне волю страдать за Него, даст и силу остаться недвижимым на костре».[36]

«Тертуллиан, живший в конце II века, написал “Апологию”, сочинение о свидетельстве души, о крещении, о зрелищах и другие.

В “Апологии” он обращался к гонителям: “Но терзайте нас, сколько хотите! Вы этим ничего не выиграете, мы раз-[34] Там же, с. 142-143.

[35] Там же, с. 173.

[36] Там же, с. 205.

множаемся по мере того, как вы нас пожинаете, и кровь мучеников делается семенем христианства...

Многие ваши философы убеждали к терпению, но дела и примеры христиан КРАСНОРЕЧИВЕЕ, чем поучения философов... Мы благодарим вас за ваши приговоры против нас. Вами мы осуждаемся, а от Бога получим прощение”».[37]

«Всмотритесь хорошенько в наши лица, - говорил мученик Сатурнин, - чтобы узнать их в день суда».[38]

«Ипполит, ученик Иринея, перед пыткой воскликнул: “Пусть они растерзают мои члены, а Ты, Христе, прими дух мой!”».[39]

Нам кажется, что делать какие-либо пояснения будет излишне, так как подтверждения историков и живая вера мучеников за имя Христа говорят об одном: истина во Христе, а за истину и жизнь отдать не страшно! Христиане не были врагами жизни, но, любя жизнь, Христа они ценили дороже жизни.

«Пионий, пресвитер смирнский, был распят, а затем сожжен. Его убеждали отказаться от христианского учения, указывая на красоту жизни. Он ответил: “Да, жизнь прекрасна: но жизнь вечная несравненно прекраснее земной жизни и свет незримый светлее солнца!”».[40]

Теперь обратимся непосредственно к Новому Завету и посмотрим, достойны ли внимания повествователи жизни Иисуса Христа. Можно ли верить христианским первоисточникам? Одновременно разрешим вопрос: воскрес ли Христос?

Откроем Евангелие от Луки. Выше было отмечено, что Лука был врачом и живописцем, человеком весьма образованным для того времени. В число двенадцати апостолов он не входил, но был в школе семидесяти учеников.

По каким же источникам писал он Святое Благовествование? Читаем Лк. 1:1–5: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событи–[37] Там же, с. 232.

[38] Там же, с. 239.

[39] Там же, с. 252.

[40] Там же, с. 267.

ях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителя Слова, – то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен».

Обратим внимание на выделенные мною слова «о совершенно известных между нами событиях», кроме того, эти события передали «очевидцы и служители Слова», то есть, Иисуса Христа. Но, может быть, Лука просто слышал и, не проверив, описал эти события? Нет. В стихе Лк. 1:3 мы читаем: «...по тщательном исследовании всего сначала», – эти слова говорят о глубоком изучении событий автором. Как известно, врачи, в силу своей профессии, не слишком склонны к экзальтации, но наоборот, склонны к тщательному анализу и умственному осмысливанию. Если бы все сказанное о Христе было лишь «мифом», как пытаются представить далекие от истины люди, то подобным «мифом» увлечь врача было бы совершенно невозможно, да еще побудить его описать все «по порядку» с такой тщательностью.

Кому посвящено это описание жизни Иисуса Христа? В стихе Лк. 1:3 мы читаем: «...достопочтенный Феофил». С одной стороны, под именем Феофила мы можем разуметь конкретную личность, с другой стороны – всякого человека, любящего Бога, так как в переводе с греческого «Феофил» означает «любящий Бога». Кто любит Бога, тому будет бесконечно дорого это Святое Благовествование, как сказал Христос: «...Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

А вот вторая книга Луки – Деяния святых апостолов. Она начинается следующими словами: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым по страдании Своем со многими верными доказательствами, в продолжении сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием».

Мы видим здесь ту же корректность строгого повествователя, вполне уверенного и в бытии, и в воскресении Иисуса Христа. Но строгий критик уже готовит вопрос: «Да, – скажет он, – может быть Лука и точно записал, но ведь он записал со слов, а что же пишут сами очевидцы?». Надо заметить, что и сам Лука был очевидцем воскресшего Христа, так как он входил в число 70 учеников и 500 братий, которым явился воскресший Христос (1 Кор. 15:6), но подробнее об этом мы будем говорить немного ниже. А сейчас приведем свидетельства апостолов, непосредственных учеников Христа.

Апостол Иоанн, часто бывший «у груди Христа», так начинает свое 1 Послание: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1 Ин. 1:1-2).

Вот свидетель, видевший «своими очами» воскресшего Христа. Но, может быть, мало и этого свидетельства? Вот еще свидетельство апостола Петра: «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия» (2 Пет. 1:16). Неужели можно сомневаться в этом свидетельстве?!

Помнится, при созерцании картины «Плач апостола Петра» (кажется, художника Н. Н. Ге) возник вопрос: кто же говорит правду о Христе, этот благородный простой старец или разутюженные лекторы атеизма? И внутренний голос совести уверенно ответил: в тысячу раз больше оснований верить свидетельству этого кроткого старца, отдавшего жизнь за Христа, чем разношерстной толпе дипломированных атеистических лакеев. Как пишет профессор Бе-текс: «Сердце в груди мне говорит: “Здесь истина!”». «Но ведь не все хотят слушать голос сердца», – скажет скептик. Да, многие совершенно отрицают наличие голоса сердца и совести. Конечно, совесть и сердце есть у всех; здесь, очевидно, вопрос заключается в том, какое сердце и

какая совесть. Если совесть порочная или же она сожжена, то о каком голосе может идти речь? Однако здесь мы имеем в виду тех, у кого совесть жива.

Постараемся обратиться к интеллекту и привести, как говорят, логические доводы. Многие критики Евангелия вынуждены были признать Христа за достоверную историческую личность, но они никак не хотят согласиться, что Христос – это Сын Божий, воскресший в третий день по Писанию. Они приводят различные «доводы», будто Христос не воскресал. Вот два из них.

Христос был, учил прекрасно и жил свято, гласит первый довод. Он был распят и положен во гроб; фарисеи же, боясь, как бы ученики не украли тело Христа, взяли и тайно перенесли его в другое место. Допустим. Но здесь налицо так называемая «логическая петля». Во-первых, Христа положили во гробе в «пятницу перед пасхой». Если иудеи, предававшие Христа Пилату, даже не захотели войти в языческую преторию, чтобы не оскверниться и иметь возможность вкусить пасху, то как же они могли решиться прикасаться перед пасхой к мертвому телу? В субботу же иудеи, согласно заповеди, должны были оставаться в покое. Но предположим, что фарисеи, поправ закон Моисея, все же спрятали тело Христа в другом месте. Это совершенно исключено по следующим мотивам: в Деяниях апостолов мы читаем, что к церкви в один день присоединилось около трех тысяч душ, потом пять тысяч, и весь Иерусалим заговорил о Христе. Синедрион обвиняет апостолов: «Не запретили ли мы вам накрепко учить об имени сем? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека» (Деян. 5:28).

Если фарисеи оказались в таком незавидном положении, когда Иерусалим был «наполнен учением Христа», и многие «примыкали к церкви», и если у них было тело Христа, то как просто было бы разубедить народ в том, что Иисус Христос воскрес, показав Его тело! Мысль о воскресении отпала бы сама собой. Но мы видим, что они этого не сделали, а Савл и ему подобные начали терзать церковь.

Всякому логически мыслящему человеку становится ясно, что этот довод несуществен.

А вот второй «довод». Собственно, это даже не довод, а попытка ухватиться за фарисейскую ложь, которая записана Матфеем в Мф. 28:11-15. Вот это место: «...Некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем [о воскресении Христа]. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово сие между Иудеями до сего дня».

Вот эту версию предлагают нам критики Евангелия принять за правду. Давайте будем снисходительны к мнению противников истины. Предположим, что ученики украли тело Иисуса. Что же получается? Получается, что один из учеников, «принимавших участие в краже», апостол

Матфей, на весь мир, для всех поколений вдруг начинает сам рассказывать об этом. Кто же будет сам выдавать себя?

Опять найдена логическая петля, а это значит, что данная версия тоже отпадает как не выдержавшая логической проверки. Далее: как могли римские воины уснуть, причем все сразу, да еще так крепко, что не слышали, как огромный камень, приваленный ко входу во гроб (гробом у евреев называлась пещера, высеченная в скале) и запечатанный, был отвален учениками и тело было похищено? Камень был большой, это несомненно, иначе зачем бы жены-мироносицы беспокоились о том, «кто отвалит камень» (Мк. 16:3). Ловкими взломщиками ученики тоже не были, это были люди мирных профессий. Но пойдем еще дальше и предположим, что ученикам все же удалось каким-то образом похитить тело Христа. Но зачем оно им? – «Чтобы скрыть свой позор, – отвечают критики, – ученикам было стыдно, что Учитель, на Которого они возлагали столько надежд, вплоть до восстановления Израильского царства, теперь лежит в гробу. Они решили украсть Его тело и всем объявить, что Он воскрес». Конечно, наши критики совсем не берут во внимание, что дело имеют не с гангстерами, а со «святыми Божьими человеками». Но и здесь нам придется проявить снисходительность, так как каждый мерит своей собственной меркой.

Если допустить последнее предположение, то выходит, что все апостолы проповедовали заведомую ложь, свидетельствуя, что Христос воскрес, тогда как на самом деле Он не воскресал. Конечно, иногда за большие деньги или ученую степень люди могут решиться покривить совестью и защищать неправду, но что получили в результате апостолы? А вот что: «Иные же замучены были... другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу. Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча...» (Евр. 11:35-37). Если прибавить еще нероновские пытки и смертные муки, перенесенные апостолами, о которых мы специально говорили выше, то возникает вопрос: можно ли за ложь терпеть такие пытки и добровольно идти на страшную казнь? Опомнитесь, дорогие критики, и не «мудрствуйте» сверх положенного над Святым Писанием! Только за истину можно отдать жизнь, только истина дает силы смело смотреть смерти в глаза, ибо смерть не властна над истиной!

Эта версия оказывается еще более нелепой, чем первая. Верующая душа на все ухищрения недругов Евангелия восклицает вместе с апостолом Павлом: «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор. 15:20).

Да, Он воскрес! Вы только подсчитайте количество свидетелей Его воскресения. В 1 Кор. 15:3–9 читаем: «Ибо я первоначально преподал вам, – пишет апостол Павел, – что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову (брат Господа), также всем Апостолам; а после всех явился мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию».

Если к «двенадцати Апостолам» мы прибавим «пятьсот братий», а к ним Иакова, брата Господня, и апостола Павла, то получим 514 свидетелей воскресения Иисуса Христа, не считая жен-мироносиц. Поистине, нужно только внять совету автора Послания к евреям: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех» (Евр. 12:1).

Друг мой, читающий эти строки, прими верою Иисуса Христа в свое сердце, Христа, Который пострадал за твои грехи и воскрес для твоего оправдания. Христа надо принять именно верою, познать Его прежде всего сердцем, а потом Он просветит и разум. Можно убедиться с помощью логических доводов в исторической конкретности Христа, но исторический Христос еще не спасает. Спасает Христос – личный Спаситель, пострадавший за твои личные грехи. Друг мой, ты можешь принять Христа немедля. Закончи чтение, встань пред Ним на колени, признайся Ему в твоих грехах, сложи с себя все сомнения у креста к Его ногам; Он обязательно услышит и простит тебя!

На этом можно было бы и закончить этот довольно обширный раздел, но хочется еще немного времени уделить вопросу о несомненной достоверности евангелий. Тому, кто «вкусил и увидел, как благ Господь», такими жалкими покажутся все попытки атеистов выискать так называемые противоречия в Священном Писании и посеять сомнения, что якобы евангелия написаны не в I веке, а много времени спустя церковниками, чтобы обмануть простодушных людей. Если бы евангелия писались с этой целью, тогда бы «церковники» написали одно, а не четыре евангелия, и все стороны жизни Христа имели бы одно истолкование. Но в этом-то как раз и истинность евангелий и всего Священного Писания, что никто не дерзнул

приложить к ним свою руку, чтобы что-то переправить. Как записали пророки и евангелисты, так и осталось. Они осве-

щали жизнь Христа всесторонне, и поэтому мы видим индивидуальный стиль письма каждого евангелиста. Время уже проверило истинность Священного Писания. Мифы не переделывают сердца людей, сердце покоряет лишь истина. Последние данные говорят, что Священное Писание, полностью или частично, издано более чем на 2000 языках и наречиях. Вот это настоящее чудо!

Помнится, в Эрмитаже помещены одиннадцать золотых чаш, принадлежащих какому-то влиятельному лицу. Среди них стоит двенадцатая – ржавая и погнутая. Все посетители спрашивают, для чего она здесь находится? Экскурсовод отвечает, что когда-то все эти чаши были одинаково красивыми и блестящими, но одна из них оказалась не из чистого золота, а подделкой. Время ясно показало, где золото, а где фальшивка.

Сегодня Священное Писание так же действенно и прекрасно, как и в первые века. Оно так же покоряет сердце людей и побуждает их для новой жизни во Христе Иисусе. Даже критики Евангелия вынуждены были признать, что прекраснее Иисуса никого не было и быть не может. Иисус – неподражаемый Идеал для человечества всех веков. Все человеческие мечтания о справедливых обществах и все выдающиеся деятели человеческих формаций в сравнении с Царством Христа и с Самим Христом подобны той самой двенадцатой изогнутой чаше, о которой шла речь выше.

Критик Священного Писания Штраус, тщательно изучив жизнь Иисуса, настолько был пленен высотой морального учения Христа, что вынужден был в итоге сделать следующий вывод: «Моральное учение Христа – основа человеческой цивилизации, а Сам Христос – образец морального совершенства».[41]

К такому же выводу пришел и французский ученый Эрнест Ренан (1823 – 1892 гг.), чье имя входит в число сорока бессмертных имен французской Академии наук. Можно сказать, что Ренан остался непонятым, некоторые его

[41] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», Изд. «Христианин», с. 185.

причисляли чуть ли не к безбожникам. Православная церковь при царизме даже запрещала читать его сочинения, так как видела в них лишь критику Священного Писания. Ренан блестяще окончил семинарию в г. Трегье, где ему были присуждены соответствующие награды, затем получил

философское и духовное образование в Париже, однако отказался принять духовное посвящение, а вступил на путь «критической критики». Но почему он вступил на этот путь? Кто был повинен в этом? Христос и Его учение? – Нет! Тысячу раз нет! Исследуйте тщательно биографию Эрнеста Ренана, и вы увидите, что причина кроется не в учении Иисуса, которое в глазах Ренана было всегда «Идеалом высшей нравственности».[42] Как выразился сам Ренан, причина заключалась в «противоречии между Священным Писанием и догматами католицизма». Веру в Бога он сохранил до конца своей жизни. «Я никогда не сомневался, – пишет Ренан, – что Мудрое и Благое Провидение управляет вселенной, управляет мной, чтобы вести меня к моей цели».[43] «Мое сердце, – продолжает он, – имеет потребность в христианстве: Евангелие всегда будет моей моралью... Я сожалею, что не родился в стране, в которой узы ортодоксии менее тесны, чем в стране католицизма; ведь что бы то ни было, я хочу быть христианином, но не могу быть ортодоксальным».[44] Христианство Ренан считал «общечеловеческой религией, религией духа, стоящей выше всяких каст, религии вечной и безусловной».[45]

В 1863 году вышла в свет книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса», за которую его лишили кафедры в Академии. Он был восстановлен лишь в 1870 году. В этой книге Ренан хотел остаться холодным, беспристрастным историком, не желая поддаваться обаянию личности Иисуса. В предисловии мы читаем: «Я написал книгу с абсолютной холодно-[42] Ренан Э. Собр. соч. Изд. Фукса, Киев, т. 1, с. 6.

[43] Там же, с. 8.

[44] Там же, с. 9.

[45] Там же, с. 12.

стью историка, задаваясь единственной целью: выяснить самые тонкие и самые непреложные оттенки истины».[46]

Однако при всей своей «холодности» Ренан не смог не поставить Иисуса выше всякого имени; хотя он многое подверг критике, но величие Иисуса оказалось неподвластным бренному разуму. «Возродится ли когда-нибудь великая оригинальная личность, – пишет Ренан, – или же мир, отныне удовлетворенный, в своем последующем поприще будет следовать по тем же путям, которые проложены великими творцами древних веков? Мы этого не знаем. Но как бы непредвиденны ни были явления будущего, выше Иисуса никого не будет: ...Его страдания всегда будут близки лучшим

сердцам и во все века будут гласить, что между сынами человеческими не рождалось никого более великого».[47]

Но Ренан, признав величие личности Иисуса, идет дальше. «Холодному историку» приходится стать восторженным певцом, чтобы правдиво передать все свои чувства и признать Божественность Христа. Заканчивая главу, повествующую о смерти Иисуса. Ренан восклицает: «Да будет вечная слава Тебе, Благородный Наставник! Твое дело окончено, и Твоя Божественность установлена. Отныне недосягаемый для нападений бренного мира, нашедший божественный покой, Ты взираешь на бесконечные последствия Твоего дела! Ценою нескольких часов страданий, не коснувшихся даже Твоей великой души, Ты купил полное бессмертие. В течение тысячелетий мир будет обновляем Твоим Именем. Обличитель наших противоречий, Ты будешь знаменем, вокруг которого пройдут самые пламенные битвы. Имя Твое, в тысячу раз более могущественное и более любимое после Твоей смерти, чем во дни Твоего временного пребывания на земле, будет для человечества краеугольным камнем, исторгнуть который было бы равносильно потрясению основ вселенной. Между Тобою и Богом не будет различия. Вполне победив смерть, владей Своим Цар-[46] Ренан Э. «Жизнь Иисуса», с. 6. [47] Там же, с. 164.

ством, куда последуют за Тобою, по начертанному Тобою царственному пути, бессменные ряды поклонников!».[48]

Оставляя свободу каждому иметь об Эрнесте Ренане свое собственное суждение, мы вовсе не собираемся его реабилитировать, а просто хотим сказать, что критики, свободные от партийности и предвзятости, не смогли найти у Иисуса ни одной темной черты.

В последние годы находки на берегах Мертвого моря, в пещерах Кумрана, заставили многих атеистов пересмотреть свое отношение к библейским повествованиям. Так, например, Зенон Косидовский в книге «Библейские сказания» допускает возможность многих библейских чудес, хотя и отрицает участие в них Бога. Библейские цари (Давид, Соломон и др.) уже стали не «мифическими», а конкретно-историческими личностями. Но, наряду с этими книгами, еще есть и такие «шедевры атеистической мысли», где авторы, не стесняясь, говорят, что «попы проповедуют, будто земля плоская и стоит на трех китах». Академик Белецкий нашел одиннадцать статей, где авторы ставят свои подписи под подобными заверениями. Мы не хотим ни защищать, ни порицать «попов», но должны сказать, что до сих пор не смогли найти ни одного священнослужителя, принадлежащего к

любому из существующих в христианстве течений, который проповедовал бы такие «истины». Подобное может «проповедовать» разве только тот поп, который в заведомо назначенный срок напишет статью о том, как он порывает с религией, а потом станет лектором общества «Знание», где сможет сколько угодно критиковать и опровергать то, что когда-то сам «намудрствовал». Каких только метаморфоз не бывает в жизни! Кто-то из французов сказал по этому поводу: «Все может быть, что может быть, лишь того не может быть, чего не может быть».

Какими жалкими на фоне зрелых мыслителей кажутся некоторые из современных критиков Евангелия, которые все еще никак не могут разрешить вопрос, на одном или на двух ослах Христос въезжал в Иерусалим. Видимо, им

[48] Там же, с. 157.

не дано перевести взгляд на Христа. Осел же вряд ли имеет какое-либо серьезное отношение к истине. Как писал Державин:

Осел останется ослом, Хотя осыпь его звездами; Где должно действовать умом, Он только хлопает ушами.

Оставим пока в покое всех критиков Священного Писания. С нашей стороны, мы считаем своим долгом напомнить им только одно высказывание: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7). Когда-то, и это случится очень скоро, наступит жатва, которая есть, по словам Самого Христа, «кончина века», тогда-то и будет воздаяние за всякое деяние.

Выясняя важные вопросы в данном разделе, мы несколько уклонились от хронологической последовательности повествования. Вернемся к первым векам после Рождества Христова.

ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД ОТ АПОСТОЛОВ ДО КОНСТАНТИНА

Первый век новой эры был веком утверждения истины Христовой на земле. Железный Рим с жестокими императорами был бессилен против христиан. Попытки потопить в крови Церковь Христову оказались тщетными. Гонимая церковь апостольских времен через ужасные пытки пронесла Истину

Христову, утвердив ее мученичеством. «Бедная, бросаемая бурею, безутешная» с одной стороны, церковь была «грозна как полки со знаменами» – с другой. Сила церкви заключалась в ее святости. Непобедимая римская армия была побеждена силою Христовой любви. Ф. Энгельс писал, что ко II веку почти половина римских воинов в душе была христианами. Не только простые люди исповедовали Христа, к церкви, подобно сотнику Корни-лию (Деян. 10), присоединялись высокопоставленные патриции. Этот период христианства правдиво отображен в замечательном историческом произведении польского писателя конца XIX – начала XX веков Генрика Сенкевича «Камо грядеши». Хочется привести хотя бы несколько эпизодов из жизни главного героя этого произведения, римского патриция по имени Виниций. «Какие добрые люди эти христиане, – размышляет Виниций, – а о них говорят столько скверного. Вот какая справедливость на свете! Люблю их учение за то, что запрещает убивать. А если оно запрещает убивать, то, вероятно, и запрещает красть и обманывать, и лжесвидетельствовать, а в таком случае не скажу, что оно принадлежит к числу легких. Оно учит, очевидно, не только умирать честно, как учат стоики, но и жить честно».[49]

[49] Сенкевич Г. Камо грядеши. ч. 1, с. 209.

А вот описание тайного христианского собрания: «Никогда в своей жизни Виниций не слыхал подобного пения. Та же грусть слышалась и теперь, только эта грусть была сильнее, глубже и постепенно становилась такой всеохватывающей, что, казалось, вместе с людьми загрустили и это кладбище, и эти холмы, и овраги, и вся окрестность. В этом ночном пении слышалась какая-то мольба о прощении, какой-то призыв о помощи среди мрака и заблуждений. Глаза, устремленные к небу, видели, казалось, кого-то там, высоко, а руки приглашали кого-то сойти вниз. Когда стихло пение, наступила минута точно какого-то ожидания, производящая до того сильное впечатление, что и Виниций, и его спутники невольно устремили свой взор к звездам с некоторой тревогой, как бы опасаясь, что сейчас действительно произойдет что-нибудь сверхъестественное, и что в самом деле кто-нибудь сойдет на землю

В Малой Азии, в Египте и в самом Риме Виниций видел много разных храмов, ознакомился с разного рода религиями, слышал много гимнов в честь богов, но только теперь первый раз увидел людей, обращающихся к Божеству не ради установленного порядка, а по искреннему влечению сердца, вследствие действительной тоски, как дети тоскуют по отцу или матери. Было видно, что эти люди не только почитают своего Бога, но и

любят Его всем сердцем своим. Этого Виниций не видал еще ни в одной стране, ни в одном храме. В Греции поклонялись богам, но делали это для снискания их расположения или из страха – любить же богов никому в голову не приходило».[50]

«Молодой патриций не мог разобраться в своих впечатлениях. Этот старец (ап. Петр) был таким простым и вместе с тем необыкновенным, а главное, его необычайность явилась следствием его простоты: этот рыбак произвел на него впечатление не верховного жреца, искусного в религиозных обрядах, а просто уважаемого старца, который пришел издалека оповестить, чему он был свидетелем,

[50] Там же, ч. 1, с. 217-218.

пришел сказать слово правды, в которое он верил, как верят в очевидность, и которое полюбил потому, что верил. На лице старца отражалась такая сила убеждения, какую дает только правда. Виниций-скептик не желал поддаться чарующему впечатлению, а между тем горел каким-то лихорадочным любопытством услышать, что скажет этот спутник таинственного Христа и каково Его учение...

А Петр стал сначала говорить как отец, который учит детей, как они должны вести себя в жизни, чтобы служить примером друг для друга и для неверных. О бессмертии он говорил, как о вещи несомненной, и ввиду такой будущей жизни добродетель получила особую цену, а жизненные скорби становились чем-то ничтожным, и кто любит правду и добро, тот любит Бога (ибо предвечная Правда и предвечное добро есть Сам Бог) и становится Его возлюбленным чадом.

Виниций невольно подумал, что в сравнении с таким Богом Юпитер, Аполлон, Сатурн, Юнона, Веста и Венера являются только ничтожным шумным сбродом».[51]

«Над всеми силами этого мира, к которому он (Вини-ций) принадлежал, стоял сумасброд, которого ни прихотей, ни лести предвидеть нельзя было. Не считаться с ним, не бояться его могли только такие люди, как христиане, которые весь этот мир, все его разлуки, страдания и даже саму смерть ставят ни во что.

...Он понял, что в такое время только одни христиане могут быть счастливыми».[52]

«Кто любит людей, тот исполняет величайший Божий завет. Но любить один свой народ недостаточно; Богочеловек пролил кровь за всех людей и среди неверных уже нашел таких избранников, как центурион Корнилий; недостаточно любить только тех, кто творит нам добро; Христос простил евреям, которые приговорили Его к смерти, и римским солдатам, которые пригвоздили Его ко кресту, –

[51] Там же, ч. 1, с. 221.

[52] Там же, ч. 2, с. 37–38.

следовательно, оскорбившим нас не только следует прощать, но и любить их и отплачивать добром за зло; недостаточно любить добрых, надо любить и дурных, потому что только любовью можно сделать человека хорошим.

Он (Виниций) понимал, что если бы он хотел сделаться последователем этого учения, то должен отказаться от прежних понятий, привычек, характера, от всей прежней жизни, переделать себя заново. Он чувствовал, что от него (учения Христа), как от луга, поросшего нардом, распространяется какой-то запах, и кто раз вздохнул этот воздух, тот должен забыть навсегда обо всем и жаждать его одного. Он вспомнил все, что старец (Петр) говорил о жизни, о правде, о любви, о Боге – и мысли его ослеплялись блеском всего того, как ослепляются непрерывно сверкающей молнией глаза».[53]

«И теперь при воспоминании об этих теплых минутах на глазах у старца (Петра) появились две слезы и скатились по седой бороде. Старая голова его тряслась, и голос замирал в груди: “Вдруг Он явился среди них, хотя двери не скрипнули, и когда они испугались, Он сказал: ‘Мир вам!’. И я видел Его, как видели все, а Он был, как свет и блаженство душ наших, потому что уверовали, что Он воскрес. Моря высохнут, горы рассыпятся в прах, а Слово Его не прейдет! Через восемь дней Фома клал пальцы в Его раны и трогал Его за бока, а потом упал к Его ногам и закричал: ‘Господь и Бог мой!’. А Он сказал: ‘Ты уверовал, потому что увидел Меня, блаженны те, кто уверуют, не видя’. И эти слова мы слыхали, и глаза наши видели Его? потому что Он был с нами”.

...Виниций сознавал, что нужно быть слепым и встать в противоречие с собственным рассудком, чтобы предположить, что этот человек, который говорит: “Я видел”, – лжет. В его волнении, в его глазах, во всей осанке, в подробностях событий, которые он описывал, было что-то, что устраняло всякое подозрение. Виницию казалось, что он

[53] Там же, ч. 2, с. 224.

видит сон... Слушателей охватило какое-то упоение. Им казалось, что какая-то нечеловеческая сила перенесла их в Галилею, что они ходят там вместе с учениками по рощам и водам. А на берегу, в утреннем тумане, стоит Христос, так, как стоял тогда, когда Иоанн, увидев Его с лодки, сказал: "Это Господь", – и Петр бросился в воду, чтобы поскорей припасть к возлюбленным стопам. У всех на лице отразилось бесконечное восхищение, полное отрешение от жизни, счастье и безграничная любовь.

По-видимому, во время длинного повествования Петра у многих были видения, а когда он стал рассказывать, как в минуту вознесения облака окутывали Его постепенно и скрывали от взоров апостолов, все невольно подняли глаза к небу и наступила минута какого-то ожидания, точно эти люди надеялись увидеть Его, надеялись, что Он сойдет с неба, чтобы взглянуть, как старый апостол пасет верных Ему овец, и благословить его стадо.

Для этих людей не существовал в эту минуту ни Рим, ни безумный кесарь, ни храмы с их богами, ни язычники – существовал один Христос, наполнявший Собою землю, моря, небо и весь мир».[54]

«Вот счастье христианского упования! Только христиане могут сказать такие слова: "Взгляни на нас: у нас нет разлук, нет мучений, нет страданий, а когда они приходят, превращаются в радость. И сама смерть, которая является для вас концом жизни, для нас есть только начало ее и переход к высшему, вечному блаженству"».[55]

Превосходство христианства над языческой философией было настолько очевидно, что в первые века к Церкви Христовой стали присоединяться и философы. Одним из них был философ Иустин. Изучая философию, он пришел в отчаяние, так как нигде не находил истины. Но однажды он встретил старца, который ему стал говорить об Иисусе Христе. «Где же найти истину, – спросил философ, – если ее нет и в учении Платона?».

[54] Там же, ч. 2, с. 226-227.

[55] Там же, ч. 2, с. 36.

Услышав, что для познания Бога недостаточно ни ума, ни науки, а нужно откровение свыше, что человеческий ум, не просвещенный Духом Святым, не может уразуметь истину, Иустин, после изучения Священного Писания, принял Иисуса Христа в свое сердце и стал пламенным проповедником

Евангелия. «Кто может возвещать истину и не возвещает, – говорил он, тот будет осужден Богом».[56]

В 166 году Иустин мученически закончил свою жизнь. Ему отсекли голову мечом. Церковь свято чтила память мучеников за истину, в то же время она не одобряла тех, кто в слепой и безрассудной ревности сами искали мученической смерти. Церковь считает человеческую жизнь драгоценным даром Божиим, данным на то, чтобы человек употреблял его с пользою, как и все дары Божии. Подвергать ее добровольно опасности грешно, равно как и стараться сохранить ее посредством неправды.[57]

Церковь первых веков была едина. Единство и сила церкви заключались в том, что только Священное Писание бралось за основу; никаким человеческим домыслам места в церкви не было.

Ириней, епископ Лионский, ученик Поликарпа, преемника Иоанна Богослова, так писал о единстве церкви: «Церковь рассеяна по всей вселенной, но соблюдает веру, как будто занимает один дом. Она одинаково верит, как будто имеет одно сердце, одну душу, проповедует единогласно, как будто одни у нее уста. Как солнце – творение Божие – одно и то же во всем мире, так одна и та же проповедуемая вера сияет повсюду, всех просвещает, приводя к познанию истины. Основаться на Божественном Писании, которое есть известная и несомненная истина, – значит созидать дом свой на твердом камне, основаться на каких-нибудь мнениях – значит готовить себе погибель».[58]

[56] Бахметева А. Н. «Рассказы из церковной истории», с. 187–189.

[57] Там же, с. 200.

[58] Там же, с. 224.

Таким образом, мы видим, что ставка врага церкви – диавола – на прямое физическое уничтожение христиан потерпела полный провал. Страдания очищали церковь, и многие, вдохновляемые подвигом мучеников, вставали в ряды борцов за истину. Но диавол может менять свою тактику. Этот древний змий может быть «прямо бегущим» и «изгибающимся» (Ис. 27:1).

Меняя свою тактику, диавол пытается наводнить церковь различными лжеучениями. Появляются так называемые гностики (от греческого «гносис» – знание). Они пытались с философских позиций обосновать учение о Боге и соединить христианство с языческой философией. Гностики имели притязание на высшее знание. Мир, по учению гностиков, не есть создание Единого Бога, а творение добра и зла, двух враждебных начал. Свое начало

гностицизм ведет от Симона волхва, который хотел получить дар Духа Святого за серебро (Деян. 8). История церкви передает, что, хотя в ответ на слова апостола Петра: «Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги; нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое не право пред Богом; итак покайся в сем грехе твоем и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысл сердца твоего», – Симон притворно попросил помолиться за него, но в сердце затаил страшную злобу и жгучую ненависть на апостолов.

Симон называл себя самим Богом, его ученик Менандр выдавал себя за Духа Святого и обещал бессмертие верующим в него. Называя себя христианами, гностики отвергали воскресение тела, одни отвергали Божественность, другие человечность Христа (впоследствии эти положения послужили истоками ереси монофизитов и монофелитов). Некоторые из гностиков хранили строжайший пост, воздерживались от брака, считая строгое воздержание почти единственной добродетелью. Они учили, что в человеке два начала – добро и зло. Началу добра нужно постоянно бороться с плотью. Другие из гностиков наоборот считали, что человеку все позволено; ибо, уступая злу, он уступает силе, которую не может победить. Одно ясно: это лжеуче-

ние, берущее свое начало не от Божественной мудрости, а от Симона волхва, не могло принести ничего доброго во всех своих ответвлениях.

«Древние писатели рассказывают много о прениях Симона волхва с апостолом Петром. Симон ложными чудесами приобрел влияние и над императором Нероном. Он оспаривал учение Христово и уверял, что он сам есть бог, нисшедший с неба, чтобы спасти мир от власти тьмы. Стараясь убедить римлян в своем всемогуществе, он обещал, что поднимется на небо на виду всего народа. Все собрались в назначенный день; среди толпы были апостолы Петр и Павел, которые молили Бога, чтобы Он рассеял заблуждения язычников и низложил вражью силу, помогавшую Симону. Волхв, как повествует предание, действительно поднялся на некоторую высоту, но вдруг упал и при падении переломил ногу. Затем, считая себя опозоренным, он сам лишил себя жизни. После этого апостолы были брошены в тюрьму».[59]

В I веке появляется также секта николаитов (есть предположение, что эта секта ведет начало от одного из семи диаконов Николая, так уверяет и знаменитый ученый Исаак Ньютон в своем толковании Апокалипсиса). Николаиты учили, что спасение уже совершено Христом, и что бы люди ни

делали, они свободны от закона и поэтому греха на них нет. На этом основании николаиты вели самую развратную жизнь.[60]

Слова Иоанна «Много лжепророков появилось в мире» (1 Ин.4:1) имели полное основание. В I веке появляется также лжеучение монтанистов. Монтан утверждал, что он есть утешитель (параклит), которого Господь обещал ученикам. Монтанисты называли себя духовными, а прочих христиан – душевными. У них были пророчицы, на которых по временам находили порывы какого-то дикого исступления, что они выдавали за действие духа, сообщавшего им дар пророчества и ведения. Совершившие тяжкий

[59] Там же, с. 101.

[60] Там же, с. 161.

грех в церковь не принимались, кто был ранее отлучен – тоже не принимался.[61] Отзвуки этого учения можно еще видеть и в наши дни.

Но всем этим учениям не удалось поколебать единство Церкви Христовой. Нравственная красота учения Иисуса Христа нашла отражение и в трудах философов, которые продолжали традиции Сократа – Платона – Аристотеля. Хотя эти философы оставались на позиции гностицизма, пытаясь философски обосновать и объяснить сущность бытия, но моральное превосходство христианства заставило их искать всевозможные пути сближения учения Платона с христианской нравственностью. Таким было учение неоплатоников. Основателем его был александрийский философ Аммоний Сакк,(конец II – начало III веков). Его последователями были философы Плотин (204 – 269 гг.) и Порфирий (232 – ок. 305 гг.). Порфирий даже написал сочинение против христианства, но сама жизнь доказала, что языческая философия пришла к полнейшему упадку. Учение Иисуса Христа, воздействуя на все сферы жизни человечества, находило отклик в сердцах многих людей.

Канули в вечность имена римских императоров, гнавших христиан. Христиане стали жить спокойно, не страшась угроз за исповедание веры в Христа. При Константине Великом, который был римским императором с 306 по 337 гг., христианство стало государственной религией. Торжество истины было, казалось, очевидным, но очень часто в тихом заливе таится опасность – подводные скалы, на которые может натолкнуться корабль. Вот что говорит церковная история об этой эпохе: «Долгая безопасность произвела равнодушие к вере. Когда за веру грозила ежедневная опасность,

когда христиане во всякий час ожидали смерти, они считали себя странниками на земле, не привязываясь к земным благам и стремясь всею душою к небесному отечеству, только в нем ожидали себе покоя и радости. В этой жизни, полной испытаний, вера была их единственной отрадою, и они шли охотно на смерть, храня

[61] Там же, с. 219.

до конца это единственное сокровище. Но теперь уже было не то. Сердца христиан принадлежали не одному Богу. Христиане приобрели земли и имущество, занялись торговлей, стали сближаться с язычниками».[62]

Очень точно сказал Мережковский по этому поводу: «Церковь не потому отступила от истины, что стала государственной, а скорее наоборот: церковь стала государственной, потому что отступила от истины».

Первоапостольскую церковь не смогли совратить с истинного пути ни жестокие пытки, ни смертные приговоры, ни прелести мира сего, так как эта церковь бодрствовала. Но как только мирская суета овладела сердцами христиан, то враг душ человеческих тотчас посеял свои плевелы. Государство без труда подчиняет церковь своему влиянию. Если раньше взоры христиан были обращены только к небу, то теперь их интересы начинают переплетаться с государственными. Христиане начинают превращаться в мирян. Появляется церковная иерархия, интересы которой полностью совпадают с правящей государственной верхушкой. Строятся красивые храмы или приспосабливаются для христианских богослужений старые языческие храмы. Прекрасное по форме христианство не таковым становится по духу. Тактика диавола как «змея изгибающегося» была непонята многими искренними христианскими сподвижниками, и они, ослепленные блистающей формой золотых куполов и прекрасными хорами в ущерб чистоте и святости, начинают «плыть по общему течению».

Постепенно христианство начинает уклоняться от заповедей Христа: забывает великий принцип Христовой любви, допускает неравенство, отходит «от простоты во Христе», не желая помнить слова Христа: «все же вы – братья» (Мф. 23:8). Появляется культ поклонения кресту, иконам святым мощам, деве Марии, позднее вводится крещение младенцев.

[62] Там же, с. 261.

Деление Римской империи повлекло за собой и деление церкви на Восточную во главе с Константином и Западную во главе с Римом. Надо сказать, что все отступления от истины Христовой на первый взгляд были

продиктованы «благими намерениями». Конечно, исследовать подробно, как происходило отступление, в рамках данной книги мы не сможем, так как этот вопрос требует специального анализа, но все же постараемся, хотя бы на примере появления икон и поклонения святым, рассмотреть тактику того, кто «принимает вид ангела света».

Сам Бог повелел избранному народу: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4–5). Мы видим, что эта заповедь свято соблюдалась учениками Христа. Христос утверждает ее, разъясняя самарянке, что «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». У первых христиан не было никаких изображений, предназначенных для поклонения. Защитники иконопок-лонения ссылаются на то, что в Ветхом Завете было изображение херувимов над крышкой ковчега. Конечно, в храме Соломона было много украшений, но ведь речь идет об изображениях, о которых Бог повелевает «не поклоняйся им и не служи им». Именно в этом заключается сущность заповеди. Хотя херувимы были изваяны, но им никто не поклонялся. Обычно задают вопрос: «Но это Ветхий Завет, а как быть с образом Иисуса?». Некоторые простодушные христиане, мало читавшие Евангелие, воспитанные на преданиях, даже уверяют, что Сам Христос оставил Свой образ и об этом написано в Евангелии. Всякий, прочитавший Евангелие, скажет, что этого в Евангелии нет; есть только предание, повествующее об одном из царей, который послал своего живописца, чтобы тот увидел Христа и запечатлел Его образ. Даже в этом предании говорится, что живописец, сколько ни старался, не мог нарисовать образ Иисуса (вероятно, в этом была воля Божия). Тогда Иисус, видя напрасный труд живописца, как говорит предание, попросил полотенце, утерся, и на полотенце остался

«нерукотворный образ». Некоторые церковные деятели хотят приписать это предание евангелисту луке. Но сам Лука писал Евангелие «по тщательном исследовании», а Книгу Деяний апостолов начинает словами: «Первую книгу [Евангелие] написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала». Таким образом,»тща-тельно исследовав» и описав «все сначала, по порядку» об Иисусе, Лука вовсе не упоминает ни о каком «нерукотворном образе». Если бы этот факт был очень важен для спасения, то забыть о нем Лука никак не мог бы, ибо он был «движим Духом Святым». Остается сделать заключение: или этот «нерукотворный образ» был не нужен для спасения души, или (что почти несомненно) это предание вовсе не принадлежит Луке. Кому же оно принадлежит? Мы этого не знаем и даже

не знаем, с доброй ли целью этот рассказ кем-то включен в предания. Хочется только напомнить всем желающим «право» «славить» Господа, что Христос сказал: «Исследуйте Писания» (Ин. 5:39), но вовсе не предания. Очевидно, между Писанием и преданием есть большая разница. Предания мы можем использовать для составления истории христианства, если они не противоречат Писаниям, но символ веры, основу христианской догматики, по преданиям составлять мы не можем.

Как же стали вводиться иконы? С греческого языка «икона» переводится как «образ». Если даже предположить, что предание об образе Христа правдиво, то откуда появились иконы Марии и святых угодников? На каком основании можно молиться Марии и угодникам, чтобы они были посредниками между молящимся и Христом? Священное Писание гласит со всей конкретностью: «Ибо если Бог, един и Посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5). Откуда появилось поклонение святым, обычай кланяться «батюшке в ноги» и «целовать руку»? Может быть, этому дали повод сами апостолы? Да нет... Вот что говорит апостол Петр, которому Христос поручил «пасти» и «агнцев», и «овец». Прочитаем Деян. 10:25-26: «Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, упав к ногам его. Петр же под-

нял его, говоря: встань; я тоже человек». Даже ангелу непозволительно поклоняться, и сами ангелы запрещают им поклоняться. Иоанн Богослов записал в Откровении: «И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца... Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужи-тель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись» (Отк. 19:9-10). Еще раз такое же предостережение мы читаем в Отк. 22:8-9.

Все эти отступления являются плодом государственной церкви, которая заимствовала иерархию и поклонение архиереям из ритуала почитания языческих императоров (которых даже приравнивали к богам). Поэтому-то император Константин занял самое почетное место на Вселенском соборе. Его седалище было поставлено в центре, а по обе стороны от него полукругом расположились служители церквей. Надо отметить, что Константин, признав христианство государственной религией, сам оставался еще язычником и даже считался жрецом бога Сераписа. Крещение Константин принял лишь перед смертью. И вот представьте себе картину: император-язычник главенствует на соборе отцов церкви. Наверное, диавол первый рукоплескал императору, когда тот проходил на свое центральное место и утверждал решения собора. Вот где скрывается причина

отступлений, ересей и последующих разделений! Вот почему к «лику святых» были позднее причислены и Константин, и князь Владимир, и даже Александр Невский, и подобные им! Вот откуда исходят «крестовые походы», инквизиции и прочие страшные деяния отступившей от истины государственной церкви! Вот почему столько страданий выпало на долю тех, «кто не преклонил колен перед Ваалом», оставаясь верными заветам Христа! Сколько раз приходится слышать заявление от душ, которые желали бы быть верующими, но не могут преодолеть подобные преткновения: «Почему церковь творила такие дела?». Хочется сказать вам, люди-братья, что это не Христовы деяния и не Его истинной страдающей Церкви, а

дела церкви государственной, во многом отступившей от учения Христа.

Мы не собираемся выносить приговор ни одной из номинальных христианских церквей, а только призываем искать в Священном Писании, а не в церковных канонах, спрашивать об истине Самого Иисуса, оставившего нам Свое Слово, а не наемных пастырей.

Еще несколько слов скажем о введении иконопочита-ния и закончим данный раздел. Первые христиане не имели храмов: местом христианских собраний были пещеры, кладбища, римские катакомбы. При Константине для богослужений стали отводиться специальные помещения, но строений, отвечающих христианским требованиям, еще не было; тогда стали приспосабливать для этой цели языческие храмы. Из них были выброшены все предметы языческого культа, остались голые стены. Обращенные в христианство язычники, веками привыкшие смотреть на изваянное божество, имели потребность созерцать что-то вещественное. Не находя ничего подобного в христианских храмах и будучи невозрожденными духовно, многие стали оставлять богослужения. Храмы стали пустовать, тогда там начали помещать, как видимые символы, изображения виноградной ветви (символ Церкви, пребывающей в учении Иисуса Христа) и голубя (символ Святого Духа). Но и это не удовлетворяло многих. Церковнослужители испытывали немалые трудности в том, как донести содержание Евангелия до простых слушателей, из которых большинство были совершенно неграмотными. Чтобы им было легче запомнить евангельские события, на стенах стали рисовать картины из жизни Христа. Многие, возрождаясь для новой жизни, с умилением целовали картины, которые помогали им познать Иисуса. При постройке новых храмов, предназначенных специально для христиан, картины из жизни Христа уже стали считаться совершенно необходимыми. Их писали лучшие художники, некоторые изображения помещались в рамку с золотой оправой. С течением

времени, из поколения в поколение, они освящались как предметы почитания любимых предков. По-

том в храмах начали помещать изображения святых мучеников, отцов церкви, Марии с младенцем. Пред этими изображениями стали зажигать светильники. Сначала светильники применялись при похоронах, а после зажигались перед образом усопших. Обратимся для подтверждения к истории церкви: «Похороны большей частью совершались по ночам (чтобы скрыться от преследования язычников). Верующие несли свечи или факелы; отсюда обычай сопровождать усопшего, держа в руках свечи».[63] Отсюда же взят культ почитания «святых мощей». Приведем еще историческое свидетельство: «От обычая совершать богослужение над гробницами мучеников возникло впоследствии обыкновение строить храмы на местах погребения и еще позднее – обыкновенно включать в антиминс частицы святых мощей».[64]

Таким образом, сами православные церковные историки свидетельствуют, что многие церковные обряды являются позднейшими нововведениями. На первый взгляд, они безобидны, но плоды от них горьки, поэтому лучше будем следовать словам Священного Писания: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей: и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде, и в том, что написано в книге сей» (Отк. 22:18–19). Будем же исполнять Писание, чтобы не постигла нас еще одна участь, о которой написано в пророчестве: «Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною» (Ос. 4:6). Это слово Самого Бога, а что сказал Бог, то непременно надо исполнить!

[63] Там же, с. 207.

[64] Там же, с. 207.

ХРИСТИАНСТВО ДО ЭПОХИ РЕНЕССАНСА, ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Отступление государственной церкви от истины происходило постепенно. Государственная власть исподволь брала под свое влияние многоразличные

сферы церковной жизни, но истина Христова все же проповедовалась многим народам.

Римская империя после Константина не представляла из себя единого государства. Она была поделена на сферы влияния между сыновьями Константина и в дальнейшем уже не имела единого монарха. В 395 году Феодосий Великий разделил Римскую империю между сыновьями на Восточную и Западную. В состав Восточной, или Византийской империи вошли Сирия, Малая Азия, Понт, Египет, Фракия, Мисия, Македония, Греция и Крит. Столицей Византийской империи был город Константинополь (Византия). В состав Западной вошли Италия, Африка, Галлия, Британия и Испания.

Выдающимися церковными учителями (в истории церкви они названы отцами) этого времени были Василий Великий (329 – 378 гг.), архиепископ Каппадокийский; Григорий Богослов, или Григорий Назианзин (ок. 330 – ок. 390 гг.), архиепископ Константинопольский, и Иоанн Златоуст, или Хризостом (347 – 407 гг.). Они особо почитаемы Греко-православной Восточной церковью и названы вселенскими учителями. Василий Великий написал много богословских трактатов, бесед, правил подвижничества. Он имел огромное влияние на формирование особенностей восточного обряда. Григорий Богослов был знаменитым проповедником своего времени, его изречения до сих пор украшают страницы книг, посвященных исследованию

библейской мудрости. Он известен также тем, что вел непримиримую борьбу с арианами (об учении ариан будет сказано ниже). На трудах Иоанна Златоуста хотелось бы остановиться немного подробнее, но прежде необходимо сказать о выдающемся деятеле Западной церкви – Августине.

Августин Аврелий Блаженный (354 – 430 гг.) также принадлежит к отцам церкви. Многие годы Августин блуждал по мирским стезям, потом впал в манихейскую ересь. Манихеи – это последователи учения Манеса. В 377 году манихеи были осуждены церковью как еретики. Это учение можно также отнести к гностицизму. В его основе лежит дуализм, предполагающий наличие двух начал – доброго и злого, между которыми происходит вековечная борьба. Эта борьба не ограничивается внешним миром, но происходит и в самом человеке между душою и телом; вот почему для победы добра, то есть души, необходимо строгое воздержание и умерщвление плоти. Мани-хеи не употребляли в пищу ни мяса, ни рыбы, и вообще ничего, что было связано с нарушением жизни. Даже плоды

деревьев употреблялись только те, которые сами падали, а срывать плоды не разрешалось. Мать Августина, благочестивая христианка, усиленно молилась, чтобы Господь вразумил ее сына, который уже подходил к 30-летнему возрасту. Она поделилась своим горем с епископом Амвросием Медиоланским (340 – 397 гг.), церковным писателем, защищавшим церковь от язычников и ариан. Слова епископа утешили скорбящую мать и вселили в нее глубокую веру. «Дитя многих молитв, – сказал ей Амвросий, – никогда не погибнет». Как дороги должны быть эти слова каждой матери-христианке, которая всеми силами стремится воспитать детей для Бога!

Вскоре Августин встал на истинный путь и до смерти был проповедником истины Божьей. Он разработал учение о Святой Троице и учение об отношении человека к божественной благодати. Его труды имели огромное влияние на последующие поколения богословов. В конце своей жизни

он написал «Исповедь», где отобразил весь свой путь искания истины.

Надо заметить, что у всех упомянутых отцов церкви догматического расхождения со Священным Писанием почти не наблюдается. Они старались сохранить чистоту учения, но это было очень трудно, так как церковь уже становилась государственной.

Теперь вернемся к Иоанну Златоусту. Он родился в Ан-тиохии, потом был епископом в Византии. Имя Златоуста он получил за выдающийся дар толкования Священного Писания – «золотые уста». Он подвергался гонениям, был несправедливо обвинен и сослан, но вскоре возвращен на свой пост. До нас дошло многотомное собрание сочинений Иоанна Златоуста. Эпиграфом ко всем сочинениям поставлены самые «золотые слова» из всего «золотого наследия» Иоанна Златоуста: «Слава богу за все. Аминь».

По словам редактора профессора Лопухина (С.-Петербург, 1899 г.), собрание сочинений Иоанна Златоуста «по богатству и разнообразию содержания составляет целую библиотеку богословской литературы ее золотого века». Почти все произведения Иоанна Златоуста представляют собой толкования отдельных книг Священного Писания. «Христовым Духом» проникнуто все творение Златоуста. Со страниц его произведений веет глубоким смирением, а также призывом к чистоте, святости, всепрощающей любви.

«Не должны ли мы, – пишет он, – больше всего молиться за гонителей наших, которые, доставляя нам столько неприятностей, как бы насильно

толкают нас в Царствие Божие. Добрый человек, делая нам добро, получает за него воздаяние – жизнь вечную, а злой, толкая нас в Царствие Божие, – муку вечную. Будем же больше всего молиться за гонителей наших!»

Как необходимо всем гонимым за истину Христову в наше время принять это поучение к исполнению! Мы видим, что и в то время были гонители, они будут всегда у истинных последователей Христа; их не будет только тогда, когда христиане перестанут жить благочестиво во Христе

Иисусе» (2 Тим. 3:12). Но во всех трудностях кротость должна украшать христианина. «Кто мстит, – пишет Златоуст, – тот поднимает меч на самого себя».[65]

С какой убедительностью Златоуст призывает христиан не поддаваться страсти накопления богатства, которое так захватило христиан, но быть милостивыми. «Кто, жалея пшеницу, – пишет он, – оставит ее лежать дома и не разбросает по нивам, тот отдает ее на съедение червям; а кто посеет, тот устроит обильную жатву».[66]

«Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни не может ничего принести туда (в небо), будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, – потому что он богат только во сне. Поэтому, если ты хочешь мне показать человека богатого, то покажи тогда, когда наступит день, в который мы отойдем в вечное отече-ство».[67]

«Не золото, не одежды, не деньги, но милостыня делает человека богатым».[68]

Златоуст призывает к свободе во Христе, которая возможна лишь при познании истины Христовой. Л. Толстой в книге «Путь жизни» приводит слова Златоуста: «Чем больше ты приучаешь себя к роскоши, тем больше подвергаешься рабству: потому что чем больше ты будешь нуждаться, тем больше сократишь свою свободу. Совершенная свобода в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею нуждаться в немногом».[69]

От увещания Златоуст переходит к обличению пороков. Острыми эпитетами, как иглами, он пронизывает клеветника и завистника. «Не носи помета во рту, – пишет он, – подобно жукам, – а так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, – но держись цветов, подоб-

[65] Полное собрание творений И. Златоуста, СПб., Санкт-Петербургская Духовная

Академия, 1899, т. 5, с. 270.

[66] Там же, т. 5, с. 167.

[67] Там же, с. 168.

[68] Там же.

[69] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956, с. 104.

но пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен».[70].

«О, зависть, сестра лицемерия, виновница коварства, сеятельница убийства, змеиное семя, губительный цвет. Что сквернее зависти? Ничто. И самую смерть что породило? Ничто другое, кроме зависти... Что хуже завистника? Ничто. К каким зверям причислить его? Если сравнить его со львом или барсом, ты найдешь в завистнике больше зла, потому что всякое животное любит подобных себе, а завистник брата своего ненавидит и его убивает».[71]

Мы не имеем больше возможности останавливаться на трудах И. Златоуста. Они настолько прекрасны, что если бы мы задались целью дальше цитировать Златоуста, то нам пришлось бы просто переписывать многие тома его сочинений. Очень жаль, что в настоящее время, когда полки большей части библиотек прогибаются под тяжестью книжной макулатуры, «золотые» слова истины так трудно отыскать!

Как же дальше протекала церковная жизнь?

В начале IV века появляется арианство. Это учение ведет свое начало от александрийского священника Ария, который учил, что Сын Божий не равен Отцу и не вечен, так как, по мнению Ария, Он не рожден, а сотворен Богом. Это учение, подрывавшее основы Священного Писания, принесло много болезней. Оно было осуждено на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) соборах. Арианами были готы, бургундцы, вандалы, лонгобар-ды. К концу VII столетия это учение начало исчезать, но в XVI веке возродилось вновь. Его последователи в Швейцарии и Польше уже стали отвергать Божественность Христа, догмат Троицы, первобытный грех, предопределение Божие и молитву. Они назывались социнианами, по имени Фауста Социна, возродившего это учение.

Все важные церковные вопросы решались на Вселенских соборах. Православная церковь признает семь Все-[70] Иоанн Златоуст, т. 5, с. 271. [71] Там же, с. 676-677.

ленских соборов: 1) 325 г. в Никее; 2) 381 г. в Константинополе; 3) 431 г. в Ефесе; 4) 451 г. в Халкидоне; 5) 553 г. в Константинополе; 6) 680 - 681 гг. в

Константинополе и 7) 787 г. в Никее. Христиане католического вероисповедания признают и некоторые другие соборы, собиравшиеся под руководством римского епископа, претендовавшего на роль папы.

Сейчас важно будет указать, как те «невинные» обряды, о которых мы упоминали (например, иконопочита-ние), настолько укоренились в церкви, что привели к прямому иконопоклонению. Освящались уже не только лица, изображенные на иконах, но и сами иконы. Это было прямым уклонением от Священного Писания, приведшем к кровопролитию.

В VIII веке возникает движение иконоборцев, которые не хотели поклоняться иконам. Это движение поддерживали византийские императоры Лев Исаврянин, Лев Армянин и Феофил. Была предпринята попытка вынести иконы из храмов, но возбужденные иконопочитатели жестоко избили тех, кому было приказано снять иконы; одного из них даже растерзали. Император приказал жестоко наказать учинивших избиение. Постепенно появились партии, которые, забыв заповедь Христа: «Любите друг друга!» – стали враждовать между собою. Когда императорский трон оказался в руках иконопочитателей, над иконоборцами была учинена страшная расправа. Тысячи из них были потоплены в озере. Вот к чему приводит отступление от истины.

Когда иконопочитатели расправились с иконоборцами, они добились, чтобы на 7-м Вселенском соборе в Никее иконоборчество было объявлено ересью. Так постепенно официальная церковь все больше и больше отступала от истины.

Происшедший в 395 году раздел Римской империи стал углубляться при последующих властителях. Когда политический разрыв между Константинополем и Римом окон-

чательно созрел, государственной церкви ничего не оставалось, как тоже разделиться, чтобы исполнять волю своих властителей. В 1054 году произошло окончательное деление церкви на римско-католическую и греко-католическую ортодоксальную (православную). Название католической (вселенской) церковь получила в эпоху Римской монархии, так как была в Римской всемирной монархии единой. Политический разрыв заставил церковных деятелей найти и догматические расхождения в своих воззрениях. Но эти расхождения настолько незначительны, что даже малосведущему в Священном Писании станет ясно, что причиной для разделения церкви эти расхождения послужить не могли, ее нужно искать в политическом разрыве Рима с Константинополем. Расхождение в догматах

выражалось в следующем: 1) по учению католиков, Дух Святой исходит и от Бога Отца, и от Бога Сына, у православных же – только от Бога Отца и «почиет на Сыне»; 2) у католиков при евхаристии (причащении) применяется пресный хлеб, у православных – кислый; 3) у католиков весь клир (церковнослужители) должен быть безбрачным (целибат), у православных дьякон, иерей и протоиерей могли вступать в брак, только высшее духовенство (епископ, архиепископ, митрополит и патриарх) должны быть из черноризцев, то есть монахов, принявших обет безбрачия.

Позднее противоречия между католиками и православными стали углубляться. У католиков появляется догмат непогрешимости папы, который, наследуя престол апостола Петра, якобы является наместником Христа на земле. Но история засвидетельствовала, что с этой «непогрешимостью» папы благословляли крестовые походы, предпринимавшиеся с конца XI до конца XIII веков, в которых огонь любви Христовой и меч духовный (Еф. 6:17; Евр. 4:12) были заменены натуральными огнем и мечом. Сколько было пролито крови! Конечно, здесь короли совместно с папами преследовали свои цели, прикрывая их религиозной мантией. Порождением папства была и инквизиция. Учрежденная в XII веке, она являлась церковным судилищем для еретиков, а еретиком мог быть объявлен каждый

не согласный с действиями папы. Сначала этот суд осуществлялся епископами, а потом (в XIII веке) был передан папой Григорием IX в исключительное ведение монашеского ордена доминиканцев, причем основатель этого ордена Доминик (у католиков святой) был первым генерал-инквизитором. Инквизиция прославилась редкой изобретательностью и жестокостью по части пыток и казней. Наибольшей жестокости она достигла с конца XV века в Испании, где только с 1481 по 1498 годы инквизиторами под управлением Торквемады было сожжено около 8860 человек и 6500 изображений спасшихся бегством, у 90 тысяч человек было конфисковано имущество и из Испании были изгнаны все евреи. В XVI веке инквизиция господствовала во всей Европе, кроме Англии, захватив в свои руки цензуру, сделавшуюся ее орудием и имевшую самое пагубное влияние на развитие Европы.

Плодом «непогрешимости» пап были и индульгенции. Индульгенция – это специальная грамота, которую можно было купить и которая прощала покупателю все грехи, служа как бы пропуском в Царство Небесное. В начале XVI века эти торги были открыты по всему католическому миру.

Таким образом, в средние века на Западе мы видим полное отступление официальной церкви от евангельских истоков. Мы будем в дальнейшем иметь возможность более подробно рассмотреть вопрос, кого преследовала католическая церковь, а сейчас обратимся к истории православной церкви и посмотрим, как возникло христианство на Руси.

Церковное предание говорит, что до Руси (которая тогда называлась Скифией) дошел апостол Андрей; он проповедовал на месте теперешнего Софийского собора в Киеве и даже дошел до Новгорода. Славянские народы жили во тьме грубого фетишизма, языческого идолопоклонства. В IX веке христианство из Греции проникает и в Россию. Иконопочитание, взяв верх над иконоборчеством, укоренилось в греко-православной церкви; в таком виде оно передалось и в Россию. Просветителями славян были Ки-
рилл и Мефодий. Через них свет христианства, хотя и в рамках православия, проник к славянским народам.

Кирилл (827 – 869 гг.), причисленный православной церковью к лику святых, был родом из города Солуни. Со-лунь, или Фессалоника, была столицей Македонии. Кирилл и его брат Мефодий были монахами. Когда Кирилл занял место архиепископа в Моравии, то там он вместе с Мефодием перевел некоторые богослужебные книги на славянский язык. Из Моравии христианство стало проникать и распространяться на Руси, где встречало сильное гонение со стороны идолопоклонников. 988 год считается годом принятия христианства на Руси. Как это произошло? Князь Владимир Святославович, будучи с 980 года великим князем киевским, завоевав Полоцк, Галичину, землю ятвягов и другие земли, приобрел могущество и славу среди соседних государств. Он решился просить руки греческой царевны Анны, но христианка никак не могла выйти замуж за язычника. Будучи наставлен в христианском учении, князь Владимир принимает христианство вместе с рукой царевны Анны и в 988 году провозглашает христианство, как оно исповедовалось греко-православной церковью, государственной религией. Всем жителям Киева, кому по вере, а большинству по воле князя, было преподано крещение в Днепре. Князь Владимир строил храмы, основал школы, положил начало новому законодательству. Умер он в 1015 году.

Если в католичестве мы наблюдали полное слияние церковной и государственной власти, причем часто власть папы была могущественнее власти короля, то на Руси православная церковь всегда находилась в полной зависимости от государства. Князь Владимир, причисленный к лику

святых, получил титул святого равноапостольского великого князя. Все последующие войны на Руси велись под лозунгом: «За Русь святую, за веру православную!». Позднее еще к этим словам стали прибавлять «за царя-батюшку». Наиболее отличившихся в войнах иногда тоже причисляли к лику святых (как, например, Александра Невского).

Более подробно вникать в историю православной церкви мы не будем, так как форма православия до сих пор оставалась неизменной. Забегая вперед, чтобы в дальнейшем не возвращаться к православию, отметим одно из важнейших событий в истории православной церкви. В XVII и первой половине XVIII веков в православной церкви произошел раскол. Это была отчаянная попытка разорвать ярмо государственной церкви. Реформы в церкви, производимые патриархом Никоном (1605 – 1681 гг.), который приобрел доверие и дружбу царя Алексея Михайловича (1629 – 1676 гг.) и во время отсутствия царя фактически был государем, произвели несогласие среди духовенства. Никон энергично работал над устройством церковного благочиния, смело приступил к исправлению богослужебных книг. При нем стало вводиться «партитное» пение на несколько голосов по отдельным партиям взамен унисонного пения по крюкам, или знаменам, представляющим собой примитивную форму нотной записи. Хотя эти новшества вводились с благой целью, но воспитанные на обрядах православные христиане воспринимали эти новшества как отступление от церковных устоев. Например, написание имени Иисус они считали неверным, утверждая, что надо писать «Исус» (одно «и»). Разногласие вызвала и форма складывания пальцев правой руки для осенения крестным знаменем. У поборников старого обряда большой, безымянный и мизинец соединялись в одно, указательный и средний пальцы полусогнуты; а у последователей Никона вместе складывались большой, указательный и средний пальцы. Подобные новшества вызвали полное разногласие среди духовенства и рядовых верующих. Его не возникло бы, если бы православная церковь не отступила от повеления Христа поклоняться в «Духе и истине».

В 1658 году Никон, вследствие несогласия с царем, отрекся от патриаршества; в 1666 году он был привлечен к суду собора и осужден, последние годы жизни провел в Кирилло-Белозерском монастыре.

Настоящего раскола, как мы видим, еще не было, тем более, что сам Никон был осужден. Разногласия могли бы

быть улажены, если бы политические мотивы не углубили их и не привели православную церковь к расколу. У царя Алексея Михайловича как известно, от первой жены остался сын Иоанн. Петр I был сыном второй жены царя Натальи Кирилловны Нарышкиной. После смерти царя Федора Алексеевича (1682 г.) десятилетний Петр был единогласно провозглашен царем, но родственники Иоанна по матери не могли с этим смириться. Вот здесь и начинается борьба за царство двух дворянских родов, послужившая основной причиной раскола. Сестра Петра Софья настояла на том, чтобы признать двоецарствие обоих братьев, Иоанна и Петра, причем сама приняла царство за несовершеннолетнего брата Иоанна. Она царствовала семь лет, опираясь на стрельцов и других поборников старины. Петр, достигнув совершеннолетнего возраста, старался привлечь на свою сторону всех не согласных со старыми традициями. Непримиримая политическая вражда двух дворянских родов породила вражду в православной церкви.

В 1689 году Петр женился на Евдокии Лопухиной, сторонница старых традиций. Придя к власти, Петр стал жестоко расправляться со своими противниками. К этому времени брат Петра по отцу Иоанн умер (1696 г.), и Петр сделался единовластным царем, но вражда между двумя родами не прекратилась. В 1698 году стрельцы подняли бунт. Петр жестоко расправился с ними, приказав казнить всех участников восстания. Сестры царя Петра I Софья и Марфа и даже жена Евдокия были пострижены в монахини, так как они были поборницами старых традиций. Войну с русской стариной Петр I начал указами, предписывавшими бритье бород и изменение костюма. Как известно, в православии бритье бород не допускалось, это было равносильно отречению от веры, в противоположность католикам, где все мужи брились, после того как обрился один из римских пап. Сторонники старины отказались выполнять этот указ Петра I, тогда с них стали брать, кроме общей для всех дани, еще большой налог за бороду. Поэтому старообрядцев до сих пор иногда называют двоедана-ми. Петр I упразднил патриаршество и учредил синод.

Войны, которые вел Петр I, требовали много оружия, и он приказал снимать колокола с храмов и переливать их на пушки. Многие благочестивые православные христиане были глубоко возмущены. Один из настоятелей собора писал царю: «Батюшка царь, что ты делаешь, богородица всю ночь плакала о твоих деяниях!». Царь на это ответил: «Святой отец, если богородица к утру не перестанет плакать, то ты заплачешь!».

Все эти и подобные им действия привели к тому, что в первой половине XVIII столетия от православной церкви отделилась большая часть верующих (не

считая отделившихся в XVII столетии). Их стали называть старообрядцами, или староверами, сами же старообрядцы считали себя истинно православными, а других – отступниками. Среди них появилось множество толков и произошли новые деления. Потеряв доверие к попам, многие из них стали совершать служение без священников. Их называли «неприимыши священства», беспоповцы, или беглопоповцы. Некоторые из них бежали от преследований на берега Белого моря (поморцы), в Поволжье, на Дон, Терек, Урал, Кубань, в Сибирь, даже в Польшу и Пруссию. Гонения настолько укрепили многих в своей правоте, что появились ревнители добровольной смерти, например, самосжигате-ли, красносмертники (удушение по желанию), замарива-тели себя голодом, закапыватели себя живьем в землю. К 1910 году староверов насчитывалось до десяти миллионов. В настоящее время староверы отличаются от официального православия обрядами и неподчинением православной иерархии, имея свой духовный центр. Хотя все староверы были ревнителями старого обряда, то есть формы, но в форме они старались сохранить неприкосновенность веры.

Когда современный русский человек, отступивший от веры в живого Бога, критическим взглядом смотрит на всю эту борьбу, то ему очень легко сделать вывод, что все равно истину узнать невозможно.

Бедный русский человек! Трудно тебе за обрядовой завесой узреть истину! Сколько соблазнов поставлено на твоем пути; порой этому способствовали даже сами священни-

ки, так как некоторые из них, потеряв веру, исполняли свои обязанности формально и сами жили греховной жизнью. Выдающийся психолог души русский писатель Ф. М. Достоевский с глубокой скорбью, предвидя падение веры в России, писал: «Легко сделаться атеистом русскому человеку, легче, чем всем остальным во всем мире! И русские не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак того не замечая, что уверовали в нуль».[72]

Всякому искателю истины, особенно из русского народа, мы можем дать единственно верный совет: не копайся в обрядах, а, смотря сквозь них, пей воду живую из евангельского водоема, а не из худых человеческих колодцев!

Пышная форма православия почти совсем заслонила собой живого Бога, Христа и глубину Его учения. В настоящий век атеистического нашествия только «поклонники духа и истины», а не формы и обряда останутся

невредимыми от ядовитых атеистических стрел. Это прекрасно понял даже отступивший от православия и сделавшийся атеистическим слугой магистр богословия, бывший профессор Ленинградской духовной академии Осипов (ум. в 1962 г.). Семнадцать лет он считался верующим, а затем решил порвать с православием. Почему мы пишем «считался»? Да потому, что, исследуя его биографию, можно сделать прямой вывод, что живой веры в Бога он, вероятно, не имел, а если имел, то весьма слабую веру, которую вытеснили обрядовые православные догматы. Давайте познакомимся с его биографией.

Родившись в буржуазной Прибалтике, Осипов обнаружил к зрелым годам хорошие ораторские данные и поступил в духовную семинарию. Окончив ее, он мог быть лишь служителем низшего ранга. Когда советские войска вступили в Прибалтику, то «святой отец» решает вдруг переменить священническое облачение на солдатский мундир и идет добровольно в действующую армию. Дослужившись

[72] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», изд. «Христианин», с. 179.

до старшины, он был демобилизован, так как, по его словам, «некому было отпевать покойников». И тут быстро произошла еще одна метаморфоза: он опять становится церковнослужителем, только уже не низшего ранга, а добирается до Ленинградской духовной академии, становится магистром богословия и профессором. Просуществовав несколько лет на вершине, Осипов решил испытать еще одно чудесное превращение: он отрекся от веры в Бога и стал лектором атеизма. Помнится, на одной из таких лекций, вход на которые стоил довольно дорого, ему поступила записка, где ему предлагалось прочитать отрывок Мф. 26:14–15: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников». Но лектор, зная содержание этих стихов, не стал читать, а только ответил: «Я не предавал Христа». Вскоре после этой лекции его поразила неизлечимая болезнь. Последним его трудом была брошюра «Христианство и страдание», в которой он, отмечая, что страдание является движущим стимулом христианства, делает следующий вывод: «В настоящее время многие религии отмирают, это всем известно; только один баптизм, всем на удивление, упорно набирает число своих членов потому, что у них (баптистов) каждый член церкви – священник». Слава Христу, что это вынуждены признать даже отступники от истины! Дитя Божье должно не только свято верить и жить, но и другим сказать об истине. Такие требования предъявляет к христианам Священное Писание. «Но вы – род

избранный, царственное священство, народ святый, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2:9).

В этой же брошюре «Христианство и страдание» редакторы поместили фотографию Осипова: он сфотографирован за несколько дней до смерти на больничной койке, радостно улыбающимся. Эта улыбка трактовалась редактором как торжество атеистического «света» над религиозной «тьмой». Но совсем недавно нам пришлось вести беседу с

православным священнослужителем, настоятелем одного из соборов. Пение гимнов христианской молодежью так умилило священника, что после записи нескольких гимнов на свой магнитофон он решился на откровенную беседу. После ответа на некоторые догматические вопросы, его спросили об Осипове, и он рассказал историю фотографии, о которой шла речь. Оказывается, незадолго до смерти Осипов просил прибыть митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима, чтобы исповедоваться перед ним. Митрополит поставил условие, чтобы Осипов, как публично отрекся, так публично и покаялся. В причастии Оси-пову было отказано, но через несколько дней, видя скорый трагический исход болезни, ему все же дали возможность причаститься. Именно в тот момент, когда он с радостной улыбкой лежал после причастия на больничной койке, его сфотографировали – и придали его видимой радости совершенно противоположное толкование. Конечно, некоторые могут этому не поверить, но мы в точности передали рассказ православного священника, который сам слышал эту историю, заканчивая Загорскую духовную академию.

КАТОЛИЧЕСТВО В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА, ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вернемся к истории католической церкви. Римские епископы, претендовавшие на наследство престола святого Петра и главенство над другими епископами, постепенно упрочили за собой это положение. Хотя восточные патриархи не признали главенства римского папы за римским епископом. При Григории Гильдебранде папство окончательно упрочило свое положение духовного главенства, распространяя свое влияние и на

светскую власть. Власть за папами сохранялась и в средние века, и в эпоху Ренессанса.

Под эпохой Ренессанса, или Возрождения, подразумевается перелом в мировоззрении Европы в начале XV – конце XVI веков, стремление к возрождению античного искусства в связи с изучением античных образцов. Основная черта этой эпохи – возвеличивание человечности и утверждение всех прав человека. Центром этого литературно-художественного движения была Флоренция. Поэты этой эпохи – Петрарка, Бокаччо, художники и ваятели – Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело известны всему миру. Можно смело сказать, что Леонардо да Винчи, Рафаэль и Микеланджело в области живописи и скульптуры не превзойдены до сих пор. Их творения считаются образцами, достойными подражания. Но, превознося прекрасные достижения этой эпохи, люди иногда склонны недооценивать достижения предшествовавших веков. Мы уже упоминали о мрачных сторонах папства, но мы не имеем права все перечеркнуть, применяя к эпохе средневековья стандартные слова: «Век вонючих монахов и черных ряс». Если бы не было средневековья, то не было бы и Ренессан-

са. «Нет дурных веков, – пишет Белинский, – и ни один век не хуже и не лучше другого потому, что он есть необходимый момент в развитии человечества или общества».[73] От Константина Великого до Реформации три стиля, византийский, романский и готический, без слов возвещают о величии христианского искусства. Не следует думать, что католическая церковь в средние века препятствовала развитию вообще всякого искусства и философии, просто вся общественная жизнь сосредотачивалась вокруг церкви. Возьмем, к примеру, знаменитого средневекового схоластика и богослова Фому Аквинского(1225 – 1274 гг.). Схоластическая философия представляла собой соединение греческой философии, преимущественно аристотелевской, с теологией отцов церкви. Фома Аквинский цитировался многими мыслителями, включая и Льва Толстого. Его мысли и поучения до сих пор представляют большой интерес для тех, кто не мудрствует без Бога. Аквинский вовсе не отрицал искусства. Подразделяя все искусства на семь видов и определяя ценность каждого из них, он отдавал предпочтение музыке, так как, зарожденная у подножья алтарей, она была неотъемлемой частью богослужения. «Музыка занимает первое место среди семи свободных искусств, – пишет Фома Аквинский, – и является наиболее благородной отраслью человеческого звания».

Но кто-то скажет: одно дело Фома Аквинский, а другое – католическая церковь, что у них общего? Но как раз Фома Аквинский в 1323 году был

канонизирован католической церковью, которая долгое время придавала его произведениям каноническое значение. На его произведениях воспитывались многие поколения церковных деятелей. Он учил схоластической философии в Риме, Париже, Пизе и Болонье.

В средние века созданы прекрасные образцы христианского искусства, которое ничего общего не имеет с искусством древней Эллады. В противовес эллинской, обнаженной, телесной красоте, христианство создало идеал скромной, внутренней, духовной красоты. И эта духовная кра-

[73] Белинский В. Г. Избранное, Москва, 1954, с. 150.

сота неизмеримо выше внешней. Идеалом такой красоты проникнута вся Библия. Вот некоторые из библейских изречений о красоте: «Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы» (Песн. 1:4); «Вся слава дщери Царя внутри» (Пс. 44:14), – вот эту внутреннюю красоту Церкви Иисуса Христа стремилось отобразить церковное искусство.

Апостол Петр дает такое пожелание христианам: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3:3–4). Как жаль, что эту красоту просмотрели в христианском искусстве многие критики.

В эпоху Возрождения библейская тематика преобладает во всех областях искусства. Меняется только форма, заимствованная из греческого искусства. Даже краткий перечень картин Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеландже-ло убедит нас в этом. Картины «Тайная вечеря», «Святое семейство» Леонардо да Винчи; «Преображение», «Святое семейство», «Несение креста», «Сикстинская мадонна» Рафаэля; замечательные фрески Микеланджело в Сикстинской капелле, изображающие главнейшие библейские сцены от сотворения от сотворения мира до потопа, его «Страшный суд», «Моисей» – все они говорят сами за себя. Всмотритесь хорошенько в картины «Святое семейство, «Тайная вечеря», «Сикстинская мадонна» и вы увидите, что при всем изяществе формы, там ничего общего нет с греческими Венерами, Бахусами, Амурами. Целомудренность, небесная чистота, внутренняя углубленность – с одной стороны, и обнаженная плотская страстность – с другой еще раз подтвердят нам, что многие образцы произведений искусства эпохи Ренессанса заимствованы из Священного Писания, а не только из греческих мифов.

Но каково было мировоззрение художников этой эпохи?

Микеланджело настолько был проникнут созерцанием

небесной жизни, что готов был отречься от всего, что было

сделано не для Бога. Он отвернулся от земного искусства со словами: «Пусть станет мне ненавистью жизнь этого мира, его красота и почитание лишь бы мне перед смертью вкусить вечную жизнь».[74]

Какой скромностью и любовью к Богу проникнуты высказывания Леонардо да Винчи, который был не только художником, но и архитектором, замечательным механиком, ученым. У него есть трактаты, посвященные живописи, математике, анатомии. Некоторые заводы, построенные по проектам Леонардо да Винчи, существуют до сих пор. В вопросе познания он руководствовался следующим принципом: «Познай, человек, что доступно твоему познанию, и смиренно склонись ниц перед непознаваемым». «Малое знание, – говорил Леонардо да Винчи, – дает людям гордыню, высокое – дает смирение, так пусть пустые колосья поднимают к небу надменные головы, а полные зерном склоняют их к земле, своей матери».[75]Подобно шведскому ученому Карлу Линнею, оставившему спустя четыре века такое изречение: «Вечный, Вездесущий Бог прошел мимо меня. Я не видел лица Его, я только тут и там замечал следы ног Его. Какая сила, какая мудрость, какое совершенство!» – Леонардо да Винчи во всем изучаемом видел Бога. «Да не смущается сердце ваше, друзья мои, – говорил он, – изучать явления природы есть Господу угодное дело. Это все равно, что молиться... Великая любовь к Богу проистекает из великого познания. Кто мало знает, тот мало любит».[76]

Необходимо заметить, что деятельность всех этих художников осуществлялась в рамках католической церкви. Где-то горели костры инквизиции, а где-то изящно оформлялись купола Сикстинской капеллы и храма Святого Петра. Как же нам дать объективную оценку данной эпохе? Очевидно, единственно верным здесь будет следующий вывод: не все католики – инквизиторы, и не все инквизиторы – католики. Мы вовсе не хотим затушевать злодеяния

[74] Бетекс, «Песнь творения», с. 38.

[75] Мережковский Д. С. «Леонардо да Винчи».

инквизиции, оправдать папство, но хотим сказать, что Бог силен проявлять и в мертвой форме Свое чудное действие во свидетельство всем людям.

В нашем повествовании нам часто приходится отступать от хронологии, принимая во внимание справедливый вывод, что не все, ушедшее вперед по времени, ближе стоит к истине. Поясним эту мысль ответом глубоко верующего старца, который на циничный возглас молодого человека: «Дедушка, как ты отстал от жизни!» – коротко ответил: «Сынок, это не я отстал, это ты убежал, только не в ту сторону!».

Речь пойдет о чешском реформаторе Яне Гусе. Хотя началом Реформации официально считаются 1518 – 1520 годы, но убеждения и действия Яна Гуса полностью отвечали духу этого движения.

Пламенный проповедник истины Христовой Ян Гус (1369/1371 – 1415 гг.) для многих поколений христиан был и остается примером беспредельной преданности евангельской истине. Он проповедовал в Праге и был духовным наставником чешской королевы. В своих проповедях он призывал христиан жить святой жизнью, исполнять все заповеди Христа. Ян Гус обличал католическое духовенство, которое жило далеко не евангельской жизнью, восставал против злоупотреблений католической церкви. Он открыто проповедовал, что Главою церкви является только Иисус Христос, но не папа. В 1414 году Ян Гус был вызван на собор католического духовенства в Констанце, куда отправился под прикрытием короля Венцеслава и охранительной грамоты императора Сигизмунда, но больше всего он полагался на Иисуса Христа и был покорен Его воле. Поведение Яна Гуса на соборе – это образец убежденности, преданности и, в то же время, кротости. Обвиняемый собором в еретическом уклоне, Ян Гус кротко, но твердо ответил, что если он в чем уклонялся от истины, то пусть высшее духовенство на основании Священного Писания убедит его, и тогда он охотно оставит свое заблуждение; если же само духовенство отступило от заповедей

Христа, то он предпочитает, несмотря на крайний исход дела, остаться верным Христу. Он смело отказывается от исполнения тех приказаний, которые не согласуются с волей Божьей, не взирая на то, что они могут исходить от самого высокопоставленного духовного или светского лица. «Хороший христианин, – учил Ян Гус – не должен повиноваться слепо, всегда надо сообразоваться с характером полученного приказа»... Он требовал, чтобы люди повиновались властям, как духовным, так и светским, но лишь в пределах дозволенного, то есть в тех случаях, когда приказ не

противоречит заповедям Божиим, учению Христа. Если же приказ не согласуется со всем этим, то его «не только не должно выполнять, но даже и грешно подчиняться ему, и христианин обязан воспрепятствовать такому приказу».[77]

Как точно здесь разъяснено место из Священного Писания: «Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим. 13:1). До какого же предела покорна? – «В пределах дозволенного» словом Божиим, – таков прямой ответ Яна Гуса.

Вывод Яна Гуса полностью подтверждается словами Иисуса Христа, определяющими точную грань повиновения: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Но что делать, когда кесарь начинает претендовать на Божию часть? Тогда ему уместно будет еще напомнить слова апостолов Петра и Иоанна: «Судите, справедливо ли пред Богом – слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4:19).

На соборе в Констанце Ян Гус был объявлен еретиком. Он отказался отречься от своих убеждений, так как основывался на истине евангельской. На долгие времена всем верным поборникам правды оставлены идущие от сердца слова Яна Гуса: «Раз познанной правде нельзя изменить, нельзя от нее отречься – это было бы предательством и отрицанием жизни... Посему, верный христианин, ищи правду, слушай правду, учись правде, поддерживай прав-

[77] «Ян Гус». Москва, 1953, с. 49.

ду, защищай правду, хотя бы и ценой собственной жизни, ибо правда освободит тебя».[78]

Верный воин Иисуса Христа Ян Гус до последнего биения сердца оставался в духовном строю. Приговоренный к сожжению на костре, он не имел ненависти к своим гонителям; уже привязанный к столбу и обложенный дровами, он со слезами смотрел на старушку, которая, думая, что угождает Богу, по своему усердию тащила охапку дров, чтобы «жарче было еретику». «Святая простота», – промолвил он. Поистине сбылись слова Христа: «Всякий, убивающий вас будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16:2). Когда пламя охватило Яна Гуса, он запел псалом, и долго еще из огня, постепенно затихая, доносилось прощальное пение страдальца за истину Божью.

Хотя Гус, будучи исповедником закона Христовой любви и всепрощения, ни в одном из своих поучений не призывал к восстанию, но его смерть

возмутила многих и была сигналом для начала кровопролитных Гуситских войн. После казни Гуса религиозно-национальное движение в Богемии быстро росло. В 1419 году началось открытое восстание под предводительством Николая из Гусинца и Яна Жижки. Гуситы были уверены в своей правоте. Это подтверждает их девиз: «О смерть! Как горестно вспоминать о тебе злым людям, но с каким спокойствием думает о тебе тот, кто поступает справедливо, памятуя о своей кончине». В дальнейшем гуситы разделились на две партии: одна (чашники) требовала причащения и хлебом, и вином, как заповедал Христос (у католиков прихожане причащались только хлебом), и церковных реформ; другая крайняя партия (табориты) требовала не только церковных реформ, но и политико-социальных. Выбор короля Георга Подебрада (1456 г.) торжественно, признавшего все притязания утраквистов (чашников), вызвал усиленную католическую реакцию. Тем не менее, в Богемии воцарилась религиозная свобода совести, которая была подтверждена в 1485 году Куттенбергским религиозным миром.

[78] Там же, с. 58.

НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ XVI ВЕКА. РЕФОРМАЦИЯ

Для дальнейшего исследования поставленного перед нами вопроса: что есть истина? – обратимся к научным открытиям эпохи Возрождения. На каких позициях стояли ученые в это время? Признавали они бытие Бога или нет? Эти вопросы очень важны для формирования мировоззрения современного человека, так как тенденциозные атеисты в наши дни, делая упор на противоречия между средневековой метафизикой, извращенно представляющей картину мироздания, и научными открытиями этой эпохи, пытаются доказать, что будто бы передовые ученые подрывали авторитет Священного Писания и разрушали веру в Бога. Но так ли это?

Выдающимися учеными эпохи Возрождения были Николай Коперник, Джордано Бруно, Галилео Галилей. Чтобы правильно понять, против чего восставали эти ученые, нам нужно несколько слов сказать о Птолемее.

Клавдий Птолемей (ок. 87 – 165 гг.) – греческий астроном, математик и географ – жил в Александрии. Его труды, переведенные в 327 году на

арабский язык под названием «Альмагест», служили единственным источником астрономических знаний вплоть до конца средних веков. Его именем названа система мироустройства, представляющая собой неподвижную Землю, вокруг которой вращаются семь планет. Приняв эту систему, католическая церковь спустя несколько веков канонизировала ее, как и труды Фомы Аквинского. Естественно, что всякий, кто не соглашался с этой системой, являлся отступником от церковных канонов, а инквизиция, стоявшая на страже католицизма, объявляла его еретиком. В XVI веке, в связи с новыми научными открытиями, выяснилось, что система Птолемея

является антинаучной. Начало новым открытиям в астрономии положил польский ученый Николай Коперник.

Николай Коперник (1473 – 1543 гг.) считается основателем современной астрономии. Сначала он преподавал математику в Риме, потом занимал место каноника в польском городе Фромборке. Каноник – у католиков лицо, занимающее должность церковного старосты и отправляющее некоторые церковные службы. Этот титул давался в награду католическим священникам. Говоря проще, Николай Коперник был священником, настоятелем храма. Надо заметить, что священником он остался до конца своих дней. В этом же храме наверху он соорудил маленькую обсерваторию, где занимался научной деятельностью, которую охарактеризовал словами: «Созерцаю откровения Творца!». После глубокого изучения Священного Писания и анализа научных наблюдений Коперник пришел к выводу, что Земля вращается вокруг Солнца и является одной из планет, что она круглая. Он создал «гелиоцентрическую систему» (от слова «Гелиос» – Солнце), в которой Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца. Вот здесь-то и разрешаются многие вопросы. Первый из них: как мог Коперник остаться священником, делая такие открытия? Конечно, безбожникам это очень трудно понять. Да они и не хотят принимать того, что восставать против догматов католицизма – это еще не значит разрушать веру в Бога. Николай Коперник до конца остался глубоко верующим в Бога Творца и Христа Искупителя. Это подтверждают его слова, которые он завещал сам себе: «Не той благодати, которую получил Павел, не той благосклонности, с которой Ты простил Петра, лишь милости, дарованной разбойнику на кресте, прошу у Тебя». Что же это за милость, о которой просит Коперник? Разбойник, распятый на кресте с Иисусом, просил Его: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23:42). Только в этом состояло желание смиренного сердца великого

корифея науки Николая Коперника. И после этого некоторые безбожники хотят причислить его к своему полчищу! Как только они решаются на это?!

Открыв новую систему, Коперник предвидел, что будет много возражений, но, глубоко исследовав Священное Писание, он мог твердо заявить, что если кто-то захочет опровергнуть его систему с точки зрения Священного Писания, то эта попытка будет напрасной. Что же в Священном Писании дало уверенность ученому столь твердо заявить о своей правоте? Изучая Священное Писание, Коперник видел, что для Птолемеевой системы в Библии нет никаких оснований. Очень точно сказал Иоанн Златоуст, что «от незнания Священного Писания происходят ереси и превратная жизнь».

Обратимся конкретно к Священному Писанию. В Книге Иова читаем следующие слова, заставляющие не только Коперника, но и многих ученых утвердиться в истинности такой системы: «Он [Бог] распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем» (Иов 26:7). Камня на камне не остается после этих слов от выдуманных кем-то сказок, что земля держится на китах или на черепахах. Это антибиблейские сказки. Библия не говорит ничего подобного. При Копернике еще не был открыт закон всемирного тяготения, но Библия ясно говорит, что никаких неподвижных основ у земли, которые делали бы ее неподвижным центром, нет. Премудрость Творца утвердила землю «ни на чем».

Но есть ли в Библии подтверждения, что земля круглая? Безусловно, есть. Приведем два места из Священного Писания. В Книге Притчей Соломон, который с 965 по 928 годы до Р. Х. был царем Израиля, писал, по вдохновению Духа Святого, о премудрости Божьей, которая открывает перед нами картину творения: «Я родилась, когда еще не существовали бездны... когда Он [Бог] уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, ...тогда я была при Нем художницею, и была ра-достию всякий день, веселясь пред лицем Его во все время, веселясь на земном кругу Его» (Пр. 8:25-31). Тут упоминаются и «круговая черта по лицу бездны», и «земной круг». Для подтверждения приведем еще один отрывок:

«Он [Бог] есть Тот, Который восседает над кругом земли» (Ис. 40:22). За 750 лет до Р. Х. пророк Исаия еще раз подтвердил истину, до открытия которой наука дошла лишь при Магеллане, Колумбе, Копернике, Бруно, Галилее. И после этого кто-то еще пытается вымучивать умозаключение, что Библия противоречит науке. Конечно, Библия не может подтвердить тех «научных» гипотез, над которыми сами ученые посмеются через некоторое время, а

критиковать Библию решаются обычно лишь те, кто не достиг в познаниях глубин истины. В то же время, подлинные мужи науки всегда с восхищением отмечали совпадение научных открытий с библейскими истинами. Еще раз отступая от хронологии, мы считаем нужным привести здесь высказывания некоторых знаменитых мужей.

Немецкий историк и публицист Вольфганг Менцель (1798 – 1873 гг.) сказал: «Священное Писание – это Книга книг, источник вечной жизни, утешение, подкрепление для всех несчастных и искушаемых, щит и оружие невинности, пробудитель духовно спящих, путеводитель из лабиринта грехов. Книга, которой нет равной на земле; содержание которой, как образ Святого Бога, так глубоко проникает в душу, насквозь; истина мудрее всех книг, законов, богаче всех учебников, красивее всего в мире, более проникает в сердце, чем слова матери, и между тем, с такой глубиной, что и самый ученый не может исчерпать ее, доступна простодушным и приподнимающая образованнейших, стоящая во главе всех, Слово о том свете, перед которым замолк и ослеп Павел; Слово связывающее и развязывающее, умерщвляющее и оживляющее».

Известный немецкий астроном Иоганн Генрих Медлер (1794 – 1874 гг.) сказал: «Истинный естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога; естественный и Божественный закон одно и то же».

Английский мыслитель и естествоиспытатель Роджер Бэкон (1214 – 1294 гг.), открывший увеличительное стекло, сказал: «Отрицает Бога тот, кому выгодно, чтобы не было Бога».

Знаменитый русский ученый М. В. Ломоносов (1711 – 1765 гг.) сказал: «Природа есть некоторое Евангелие, бла-говествующее неумолчно творческую силу, премудрость и величие Бога, и не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Бога».

Знаменитый английский астроном Вильям Гершель (1738 – 1822 гг.) сказал: «Все научные открытия допущены, вероятно, с одной целью, а именно: подтвердить то божественное откровение, которое дано нам в Библии».

Французский писатель Фенелон (1651 – 1715 гг.) на вопрос, что он видит в природе, ответил: «Господи! Ты проявляешь Себя повсюду, и всюду рассеянные люди пренебрегают созерцанием Тебя. Что я вижу в природе? Бога! Бог повсюду и только один Бог!».

Знаменитый астроном Иоганн Кеплер (1571 – 1630 гг.), открывший законы движения планет, заканчивает свой труд такими словами: «Благодарю Тебя,

Создатель мой и Господь, за то, что Ты дал мне счастье восхищаться делами рук Твоих! Я возвещал людям славу дел Твоих, насколько мой конечный разум смог постичь славу дел Твоих, насколько мой конечный разум смог постичь Твою бесконечность, и если я мыслил греховно, прости милосердно меня!».

«И что это за Книга, Библия! – воскликнул Генрих Гейне (1797 – 1856 гг.), – величественная и обширная, как мир, укоренившаяся в глубинах вселенной и восходящая до таинственной лазури небес! Воистину – это Слово Божие, тогда как все другие книги мира выражают только свое человеческое искусство».

И. В. Гете (1749 – 1832 гг.) дал такую оценку Библии: «Пусть мир прогрессирует и развивается сколько ему угодно, пусть все отрасли человеческого исследования и знания раскрываются до высшей степени, ничто не сможет заменить Библию; она – основа всякого образования и всякого развития».

Великий писатель Вальтер Скотт (1771 – 1832 гг.), умирая, просил, чтобы ему прочитали что-либо из Книги.

На вопрос, из какой книги читать, он ответил: «Есть только одна Книга – Библия».

Нам не хватит времени приводить подобные прекрасные высказывания о Библии. Приведем еще хотя бы краткий перечень имен великих людей, благоговевших перед Богом: Данте, Эразм Роттердамский, Петрарка, Коперник, Колумб, Шекспир, Кеплер, Декарт, Мильтон, Паскаль, Локк, Лейбниц, Пирогов, Суворов и многие другие. Особо хочется упомянуть о гениальном ученом Исааке Ньютоне (1643 – 1727 гг.), который настолько благоговел перед Богом, что при одном слове «Бог» спешил снять шляпу. Он глубоко изучил Священное Писание. До нас дошла уникальная книга Исаака Ньютона «Апокалипсис», которая представляет собой глубокое толкование «Откровения» Иоанна Богослова. В своем толковании великий ученый ни на йоту не отступает от священных строк «Откровения» и в исторических событиях дает точное подтверждение богодухновенных строк.

Перечень имен великих людей, благоговевших перед Богом, мы закончим на самом выдающемся из ученых современности, Альберте Эйнштейне (1879 – 1955 гг.). Он открыто заявил: «Я верю в Бога как в личность и по совести могу сказать, что ни одной минуты моей жизни я не был атеистом. Еще

будучи молодым студентом я решительно отверг взгляды Дарвина, Геккеля и Гексли как взгляды беспомощно устаревшие».[79]

Сколько толков вызывает сейчас знаменитая «теория относительности» Эйнштейна. Наверное, для многих будет интересно знать, что на вопрос: «Для чего вы создали теорию относительности?» – Эйнштейн ответил: «Чтобы развеять безумный туман атеизма».

Прежде чем вернуться к нашему повествованию, мы отметим, что еще одна библейская истина только в наше время была подтверждена американскими астронавтами. Когда они стали бурить поверхность Луны, то были поражены ее твердостью, чего ученые и не предполагали. Библия

[79] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 93.

же за десять веков до Христа говорит об этом. В псалме 88 твердость праведника сравнивается с луной (Пс. 88:38). Откуда псалмопевец мог знать, что Луна твердая? – Только от божественной Премудрости. Один из американских астронавтов, побывавших на Луне, Джеймс Ирвин в журнальной статье заявил на весь мир, что с Библией он не расставался даже в космосе, где еще яснее увидел мудрость и еще более почувствовал близость Создателя. В настоящее время он является проповедником Евангелия и желает остаток своей жизни посвятить Богу.

Итак, вернемся к нашему исследованию.

Н. Коперник не был привлечен к суду инквизиции за свою систему, так как она стала широко известна лишь после его смерти, зато ее защитникам Джордано Бруно и Галилео Галилею пришлось испытать всю жестокость инквизиции.

Джордано Бруно (1548 – 1600 гг.) был итальянским монахом, занимался философией и поэзией. Заподозренный в ереси и всюду гонимый, с 1576 года он скитался по Европе, читал лекции в Швейцарии, Франции, Англии, Германии, проповедуя свободу мысли. Он открыто поддерживал систему Коперника и восставал против враждебных ей схоластики и церковной метафизики. В 1592 г. Бруно вернулся в Италию. За свои воззрения, шедшие вразрез с католицизмом, он был заключен в тюрьму в Риме и, после семилетних мук, сожжен инквизицией. Вопреки безбожникам, которые пытаются доказать, будто бы Бруно был сожжен за то, что высказывался против веры в Бога, мы категорически заверяем, что вера в Бога Бруно не подлежит сомнению. Его представление о Боге подобно тому, которое мы видим в оде русского поэта Г. Р. Державина «Бог»:

О ты, пространством бесконечный, Живой в движенье вещества, Теченьем времени предвечный, Без лиц в трех лицах Божества! Дух всюду Сущий и Единый, Кому нет места и причины,

Кого никто постичь не мог, Кто все Собою наполняет, Объемлет, зиждет, сохраняет, Кого мы называем – Бог!

Измерить океан глубокий, Сочесть пески, лучи планет Хотя и мог бы ум высокий – Тебе числа и меры нет!

....

Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает, –

В Твоем величье исчезает,

Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну Из бездн Ты вечности воззвал, А вечность, прежде век рожденну, В Себе Самом Ты основал: Себя Собою составляя, Собою из Себя сияя, Ты свет, откуда свет истек. Создавый все единым словом, В Творенье простираясь новом, Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!.

Безначальная сущность Бога и бесконечность вселенной ярко выражены Дж. Бруно в его основном труде «О бесконечности, вселенной и мирах».

Написанная в форме платоновских бесед, книга вызывает большой интерес. Бруно отмечает, что свои воззрения он высказывает, выступая в книге под именем Филотей. Сам перевод этого имени («фило» – «люблю», «Теос» – «Бог») – «любящий Бога» – красноречиво свидетельствует об отношении Бруно к Богу. Но пусть никого не смутит тот факт, что любящий Бога сгорел на костре церковной инквизиции. Это скорее закономерно, чем случайно, так как истина всегда была и до пришествия Христа будет в поношении.

Посмотрим, как Бруно представлял себе вселенную и Бога. «Я называю вселенную, – пишет он, – целым бес-

конечным; ибо она не имеет края, предела и поверхности; но я говорю, что вселенная не целокупно бесконечна, ибо каждая часть ее, которую мы можем взять, конечна, и из бесчисленных миров, которые она содержит, каждый конечен. Я называю Бога целым бесконечным, ибо Он исключает из Себя всякие пределы и всякий его атрибут един и бесконечен, и я называю Бога целокупно бесконечным, ибо Он весь во всем мире и во всякой своей части бесконечным образом и целокупно в противоположность бесконечной вселенной».[80]

Эта же мысль кратко выражена у теолога Николая Ку-занского: «Бог все сворачивает, так как все в Нем, Он все разворачивает, так как Он во всем!».

Бруно высказывается также за единство теологии и философии, в высоком смысле этого слова. Напомним, что «философия» переводится как «любомудрие» («фило» - «люблю», «софия» - «мудрость»). Именно истинное любомудрие, то есть истинная философия, должно быть неотделимо от теологии, то есть от богословия («Теос» - «Бог», «Логос» - «Слово»). Это и есть единство истинной науки и истинной религии.

«Теологи, - пишет Бруно, - не менее ученые, чем благочестивые, никогда не осуждали свободу философов, а истинные, нравственные и хорошо воспитанные философы всегда благоприятствовали религии».[81]

Надо заметить, что многие благочестивые души, в своей простоте принявшие Христа и свято ходящие пред Ним, напуганы словом «философия». Они правы, так как значение этого слова извратилось людьми. Сейчас даже атеизм претендует чуть ли не на звание философии, но Бруно имеет в виду истинную философию, далекую от заблуждений. В Послании к колоссянам апостол Павел предостерегает христиан: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек нас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Здесь как раз мы видим, что «философия и пустое оболь-

[80] Бруно Д. «О бесконечности, вселенной и мирах», с. 70-71. [81] Там же, с. 75.

щение» могут быть «по преданию человеческому, по стихиям мира». Всякое мудрствование вне Бога и, тем более, отводящее от Бога, только носит вид мудрости, настоящая же мудрость сокрыта лишь в Боге и во Христе. Такую Христову мудрость мы должны любить, «потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею» (Пр. 8:11). Это будет истинное любомудрие, как сказал Августин: «Только христианство есть истинная философия». Да поможет нам Господь среди множества иных голосов распознавать Его голос.

Другим защитником и продолжателем дела Коперника был знаменитый итальянский ученый Галилео Галилей (1564 - 1642 гг.). Он открыл законы падения тел, качания маятника; применил телескоп в астрономии; открыл горы на Луне, спутники Сатурна, создал первый микроскоп. За подтверждение и популяризацию системы Коперника он подвергся гонению со стороны католической церкви. Под пытками Галилей формально отрекся от своих убеждений, но в глубине души был твердо уверен в правильности выводов Коперника. «А все-таки она (земля) вертится», - сказал он,

оказавшись на свободе. О вере Галилея можно судить по его благоговейному отношению к Священному Писанию. «Священное Писание, – утверждал он, – ни в коем случае не может ни ошибаться, ни говорить лжи, все утверждения Его абсолютно и беспрекословно истинны».

Таким образом, ни Коперник, ни Бруно, ни Галилей не помышляли даже отвергать Бога; их научные открытия противоречили не Священному Писанию, а лишь устаревшим традициям католицизма.

Еще горели костры инквизиции, а в Германии и Швейцарии созревало движение, разрушавшее католические устои. Мы имеем в виду Реформацию. Реформация – это эпоха религиозного движения XVI века, направленная против жестокости и мертвых форм католицизма. Результатом Реформации явилось новое христианское вероисповедание – протестантизм, в двух формах – лютеранской и реформатской церкви. Возврат к первоапостольской церкви, упразднение прибавлений к учению Христа, протест против крайнего формализма и безжизненности, против жестокого деспотизма над умами, против насилия и денежных вымогательств со стороны папской власти – вот основные требования Реформации.

Началом этого движения считается сожжение папской буллы Лютером в Германии в 1520 году и решительный протест против продажи индульгенций в Швейцарии в 1518 году. Во главе реформационного движения в Швейцарии был Цвингли. Из Германии и Швейцарии движение Реформации распространилось по другим странам. Оно проникло в Данию, Швецию, Нидерланды, Англию, Шотландию и Францию. И всюду оно встречало сильную реакцию со стороны католицизма. В Италии, Испании, Португалии и Польше Реформация была вытеснена католицизмом. Во Франции последователи учения Кальвина, который после убийства Цвингли в 1531 году встал во главе реформатов в Женеве, сплотились в одну общую группировку под названием «гугеноты». В ночь с 23 на 24 августа 1572 года (Варфоломеевская ночь) гугеноты были жестоко избиты католиками. Преследование гугенотов со стороны католической церкви и королевской власти продолжалось около трех веков, и лишь в 1757 году Людовик XVI уравнял их гражданские и политические права с католиками.

Что представляла собой реформатская церковь? Когда в 1518 году по настоянию Цвингли из Цюриха (Швейцария) был изгнан продавец индульгенции Бернгард Самсон, за этим последовал ряд реформ: были упразднены иконы, алтари, обедни, уничтожены монастыри; епископат

(иерархия) был заменен пресвитериями и синодами; признавались только два таинства: крещение и евхаристия (хлебо-преломление, или причастие); в таинстве евхаристии освященные хлеб и вино не признавались пресуществившимися в Тело и Кровь Христа, но только символами, или образами Тела и Крови Его. Практически – религиозная цель преобладала над церковно-догматической. В обрядах, служении и обращении верующих между собой наблюдалась простота, близкая к евангельской.

Главой Реформации в Германии был Мартин Лютер (1483 – 1546 гг.). Он родился в Эйслебене, Саксония, в семье рудокопа. В 1503 году Мартин Лютер получил степень магистра, а два года спустя постригся в августинские монахи. В двадцатилетнем возрасте он уже был профессором философии в Виттенбергском университете. В 1511 году Мартин Лютер посетил Рим. Поднимаясь по традиции на коленях по ступеням храма Св. Петра, он был озарен мыслью, что спасение даровано Христом не за какие-то подвиги, не по изволению папы, а по вере в Иисуса Христа как Спасителя. Только лишь личная живая вера, действующая любовью, спасает, а не церковь с папой во главе. Там же, в Риме Лютер лично убедился в сильном нравственном упадке духовенства и горячо восстал против злоупотреблений церкви. В 1512 году Лютер получил звание доктора богословия, а через пять лет прибил к дверям храма, где он проповедовал, 95 тезисов, в которых выражался протест против продажи индульгенций и излагались основные догматы спасения по вере. Единственным Главой церкви Лютер признавал Христа, а не папу, единственным авторитетом – Священное Писание. «Есть только одна Книга, – говорил Лютер, – это Библия, и только одна личность – Иисус Христос». Видя Библию, прикованную к алтарю в храме, недоступную для прихожан, Лютер задался целью перевести Библию на родной язык и сделать Священное Писание достоянием каждого верующего христианина. В 1520 году папа отлучил Лютера от церкви. Лютер всенародно сжег папскую буллу об отлучении и в 1521 году явился на Вормсский сейм, где собрались государственные чины Германии (по желанию папы) для обсуждения вопроса и ереси Лютера. Друзья предостерегали Лютера, что исход сейма может быть трагичным для него, но им руководила горячая вера. По несколько часов ежедневно Лютер проводил коленопреклоненно в молитве. Он часто повторял, что у него так много дел, что ему необходимо ежедневно не менее трех часов пребывать в молитве. Живая вера помогла Лютеру принять решение явиться на сейм, так как от исхода сейма во многом зависела судьба

Реформации. Друзьям же он ответил, что «хотя бы на нем (сейме) было столько диаволов, как черепиц на этой крыше, то и тогда он должен явиться». Лютера обвинили в ереси, а на обратном пути он был арестован. Приказ об аресте дал покровительствующий Лютеру Фридрих Мудрый, чтобы на два года укрыть бесстрашного реформатора от инквизиции в Вартбурге. Там Лютер перевел Библию на немецкий язык. Вернувшись в Виттенберг, Лютер возобновил свою деятельность. В 1523 году он оставил монашество, а в 1525 году женился на бывшей монахине Екатерине фон Бора. Жена Лютера всю жизнь была ему верным другом и помощником, разделяя с ним и радость, и горе. Как-то раз Лютер сидел, подавленный тяжелыми думами, жена, видя его состояние, вошла к нему и неожиданно объявила: «Лютер, Бог умер!» – «Что ты говоришь, – удивленно спросил Лютер, – разве может это быть?» – «Тогда перестань печалиться, – ответила она, – раз Бог жив, то все заботы возложи на него».

Лютер вел обширную переписку с друзьями, знатными людьми и учеными, известно много его рассуждений на религиозную тему. Ему приходилось преодолевать много трудностей. Когда была упразднена католическая форма богослужения, то встал вопрос: как приобщать к служению всех христиан? Не было ни музыки для гимнов общего пения, ни духовных стихов. Тогда стали распространяться вновь написанные духовные стихи, а петь их предлагалось всем на мотив народных песен. До нас дошел сборник духовных песнопений XVI века с таким предисловием: «Народные песни с подставленными к ним духовными стихами, чтобы искоренить вредную привычку петь светские песни и заменить их душеспасительными гимнами». Интересно отметить, что органные хоралы И. С. Баха как раз и есть те гимны, которые пелись при Лютере, впоследствии обработанные Бахом для органа. Сам Лютер очень любил музыку и считал музыкальное воспитание необходимым для юношества. Приведем высказывание Лютера: «Музыка делает людей лучшими, смягчая их нравы, она самый целительный бальзам для скорбящих. Нет со-

мнения, что в душе, любящей музыку, находится зародыш всех добродетелей. Кого же она не трогает, тех можно сравнить с куском дерева или камнем. Юношей должно воспитывать в этом искусстве, которое поможет стать мужами и внушит им любовь к добродетели. Я сердечно люблю ее. Как часто она ободряла и утешала меня в горе и в отчаянии».

Считая веру основой спасения, Лютер писал: «Все во власти неба, кроме нашего желания служить Богу или себе. Нам нельзя мешать птицам пролетать над нашей головой, но мы вправе не дать им на ней гнездиться.

Точно так же нельзя нам возбранить дурным мыслям промелькать в голове нашей, но в нашей власти не давать им свить себе там гнездо, чтобы высиживать и выводить злые поступки».

Всепрощенье Божье в жертвенной Крови Иисуса, дарованное всем людям, – вот основа лютеранского катехизиса. Но живую веру христианин получает как дар Святого Духа. «Я верю, – свидетельствует Лютер в своем кратком катехизисе, – что не собственной силой и разумом могу верить в Иисуса Христа моего Господа и прийти к Нему, но что Дух Святой призвал меня посредством Евангелия и просветил Своими дарами».

О Лютере пишут, что в ночном видении к нему явился сатана с длинным списком грехов. Предъявил Лютеру этот список, сатана спросил Лютера, как же он думает оправдаться только верою при таком множестве грехов. Лютер, прочитав список, сказал сатане, что тот еще пропустил некоторые грехи. Когда сатана торжествующе дописал остальные грехи, Лютер заявил ему: «А теперь пиши поперек: “Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха”!».

Свою реформу до конца Лютер довести не смог, но все же сделано было очень много. Инквизиция все еще свирепствовала, но начало борьбы с ее бесчинствами было положено. В наше время еще можно встретить тех, кто склонен – по незнанию, разумеется, – поставить инквизици-

онные костры в вину верующим протестантского вероисповедания. Мы ответим таковым, что никакого отношения к инквизиции не имеем, и даже более того, один из вождей анабаптистов, 47-летний Валтасар Губмайер, подобно Яну Гусу и Дж. Бруно, после страшных пыток был сожжен на костре инквизиции в Вене 10 марта 1528 года.

Анабаптисты (перекрещенцы) не признавали детского крещения, а крестили взрослых по вере, в соответствии с повелением Иисуса Христа: «Итак, идите, научите все народы, крестя их». Следовательно, крещаемый должен быть научен начаткам учения и по личной вере принимать крещение, чего нельзя спросить с младенца.

Какой вывод можно сделать из всего, сказанного в данном разделе?

Если со времен императора Константина церковь шаг за шагом отступала от евангельских заповедей, то теперь заметна тенденция возвращения к первоапостольскому церковному устройству и стремления, упраздняя все вековые наслоения, исполнить заповеди Христа. Хотя после Лютера появилось много течений, но все они стремились жить по Евангелию,

которое для всех являлось неоспоримым руководством, и лишь различное толкование некоторых мест привело к разномыслию и разделению. Река всегда чище в истоке, а не в устье, поэтому для решения вопроса об истинности религии нужно обращаться к христианским истокам, то есть непосредственно к Евангелию, и кто хоть раз напьется из чистого евангельского источника, тот никогда не захочет пить из иных водоемов.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

Большое значение для познания истины имеют труды знаменитого чешского педагога-дидакта Яна Амоса Комен-ского (1592 - 1670 гг.). В своих работах он наглядно показал, что только библейская мудрость может служить основой воспитания молодого поколения и познания истины. Коменский принадлежал к моравским братьям.

Моравские, или богемские братья - это секта, образовавшаяся из гуситов. Жил Коменский в Чехии, Польше, Пруссии, Венгрии, Швеции, Англии и Голландии. Сейчас он известен, главным образом, как реформатор в системе школьного образования, который предложил основать преподавание на наглядности. Но еще большая заслуга Ко-менского состоит в том, что он указал всем ищущим истину путь в храм Пансофии (всеобщей мудрости), без которой познание истины невозможно. Его труды помогут и нам в ответе на поставленный перед нами вопрос, поэтому исследованию его сочинений необходимо уделить достаточное внимание. Ключом к пониманию трудов Коменского послужат его собственные слова: «Евангелие, данное Иисусом Христом, для меня священно и дороже самой жизни, и я не хочу ничего и не стремлюсь ни к чему, кроме как к тому, чтобы быть верным истолкователем Его тайн».[82]

Приступая к разъяснению евангельских тайн, Комен-ский не желает заслонить собой самого лучшего Учителя и Толкователя, Духа Святого, Который незримо живет в сердце глубоко верующего, повинующегося Богу христианина. Всем искателям истины Коменский дает следующее напутствие: «Будь счастлив, милый христианин, и пусть путеводитель солнца Дух Святой укажет тебе лучше, чем

[82] Коменский Я. А. Избр. соч-я, Москва, 1955, с. 441.

я могу, и суету этого мира, и славу избранных, соединенных с Богом сердец, утешение и радость».[83]

В произведении «Лабиринт мира и рай сердца» Комен-ский показывает величие человека, когда он стремится к небу, и его ничтожество, когда он занят только суетой земной. Как верна картина, изображающая ангела, держащего венец над челом человека, который, не замечая венца, устремил свой взор к земле и копается в мусоре. Жаль, что человек часто забывает, Чьи образ и подобие он призван носить. «Смертных, – пишет Коменский, – подобными бессмертному Богу делает то, что они всеведущи, все исследуют, что есть на земле, на небе, в глубинах, что было или будет; все знают, хотя ими и не все в одинаковом совершенстве достигается».[84]

Познание должно приводить человека все к большему и большему восхищению делами Создателя, а не уводить от Него. Как часто человек, пользуясь всеми благами Божьими, доходит до самого низкого состояния, до отрицания Творца. От людей мы можем ежечасно слышать гордые заявления: «Мы нашли», «мы открыли», «мы научились добывать» и им подобные. Но кто же это, люди, «потерял» для вас столько драгоценностей, как на поверхности земли, так и в ее недрах, откуда взялись эти несметные сокровища, которые не истощаются? Вспоминается простой пример, приведенный одним из проповедников Евангелия. У его матери в сенях стоял ларь, разгороженный на множество отсеков. В каждый из отсеков засыпали определенный продукт питания, всегда один и тот же. Мать, зная, где что лежит, открывала ларь и, не глядя, черпала лотком то, что ей было нужно. Проповедник особо подчеркнул, что, прежде чем зачерпнуть, необходимо было кому-то наполнить отсеки этого ларя, и если они не будут заполнены, то бесполезно будет скрести лотком по пустому дну. О, если бы люди подумали о Небесном Отце, Который, даровав им жизнь, дал и все необходимое для жизни! Но

[83] Там же, с. 75.

[84]

часто в жизни бывает, как в мифе о древнегреческом скульпторе Пигмалионе. Скульптор, гласит миф, изваял прекрасную статую. Он залюбовался своим творением, и от его любви дух жизни вошел в холодный мрамор. Статуя ожила. Изумленный скульптор вжался в угол; гордая статуя прошла мимо него и, вдруг указывая пальцем на своего творца, сказала: «Какое ничтожество!».

Иногда приходится только удивляться бесконечному милосердию и долготерпению Божьему. Богу стоит только отнять Свою благодеющую десницу, и человек погибнет. Вот такого человека необходимо направить на правильный путь. По мнению Коменского, это должны сделать философы, причем философы в лучшем смысле этого слова, а к таковым Коменский относит и пророков, и апостолов.

«Обязанность философов, – пишет Коменский, – отыскать средства к исправлению человеческих недостатков и указывать, в чем заключается истинная мудрость. Они имеют друга Бога и проникают своею мудростью в Его тайны».

«...Подошел к нам, – продолжает Коменский, – кто-то в философском одеянии (назвался Павлом Тарсянским) и шепнул на ухо: "Если кто считает себя мудрым в этом свете, пусть станет глупым, чтобы стать мудрым. Мудрость этого света у Бога считается глупостью, ибо написано: знает Бог мысли мудрых, что они суетным».[85]

Благородное сердце Коменского скорбит при виде низкого состояния, до которого опустился человек. Он рисует следующую картину жизни мирского человека: «Все превратным и беспорядочным образом или лежит в развалинах, или разрушается. Вместо разумения, которым мы должны были бы равняться ангелами, у большинства такая глупость, что они, наряду со зверями, не знают того, что знать особенно необходимо. Вместо предусмотрительности, благодаря которой мы предназначены к вечности, полное забвение не только вечности, но и смертности. Так

[85] Там же, с. 103.

что большинство отдается делам земным и преходящим и даже немедленно угрожающей им смерти. Вместо небесной мудрости, благодаря которой нам дано познать Лучшего из лучших, почитать Его и испытывать от этого сладчайшее наслаждение – самое позорное забвение того Бога, в Котором мы живем, движемся, существуем, и самое безумное оскорбление Его святейшей воли. Вместо взаимной любви и справедливости – взаимная ненависть, вражда, войны и убийства. Вместо справедливости – несправедливость, обиды, угнетение, воровство, грабежи. Вместо целомудрия – бесстыдство и непристойность в помышлении, речах и делах. Вместо смирения – гордость, надменность одних по отношению к другим. Горе тебе, несчастное поколение, которое так выродилось!».[86]

Интересно, что бы сказал этот благочестивый муж, скорбящий о пороках поколения, жившего в XVII веке, о поколении XX века? Наверное, вместе с пророком он взывал бы: «О, кто даст... глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь!» (Иер. 9:1).

Коменский считает необходимым обратить внимание прежде всего на воспитание молодого поколения, чтобы направить его взор от земли к небу. «Наш долг, – пишет он, – помышлять о средствах, которыми бы вся христианская молодежь все с большим пылом побуждалась бы к силе ума и любви к небесному. И если мы этого достигнем, то увидим, что Небесное Царство, как это было некогда, расширит свою мощь. Это великий труд, но "отчаиваться в успехе – бесславно, пренебрегать чужими советами – несправедливо"».[87]

Коменский призывает к труду, но только чтобы никто не приписывал себе успеха. «Если кому-либо, – наставляет он, – блеснет незамеченный ранее свет, да воздаст он хвалу Богу и пусть не скрывает этого нового света от нового века».[88] Если человек за все будет благодарить Бога, то этим он нисколько не унижает своего достоинства, го-[86] Там же, с. 172.

[87] Там же, с. 181.

[88] Там же, с. 179.

раздо больше он унижает себя, когда у него отсутствует благодарность к Даятелю жизни и всех благ. В отличии от гордого самовозвышения, Коменский так определяет место человека в мироздании: «Человек есть самое высшее, самое совершенное и самое превосходнейшее творение».[89]

Познавая Бога, человек глубже познает себя. В этом заключается радость человеческой жизни и совершенная гармония личности. Но человек склонен на первое место ставить свое «я», и тогда гармония нарушается. Процесс познания определен у Коменского так: «Познай, о человек, Меня (Бога), и ты познаешь себя. Меня – источник вечности, мудрости и блаженства, себя – Мое творение, Мой образ, Мое наслаждение».[90] Интересно заметить, что одна из греческих мудростей (дельфийская) тоже гласит: «Познай себя!». Но в ней исходной точкой является именно гордое «я», от чего происходит ложное самопознание, тогда как евангельское «вникай в себя и в учение» предполагает в исходном пункте познание Бога. При евангельской последовательности познания удаляются самодовольство и гордость, мешающие человеку правильно взглянуть на самого себя.

«Итак пойми, – призывает Бог, – что ты есть полное завершение Моих творений, удивительный микрокосм (малый мир) и наместник Бога, венец Моей славы». Исходя из такого высокого положения, определяется и цель жизни человека: «Высшее из творений должно иметь и высшую цель!».[91] Цель жизни не оканчивается на земле, она простирается в небо. Очень образно это выражено у французского поэта Ламартина (1790 – 1869 гг.). «Не является ли наша жизнь рядом прелюдий, – пишет он, – к неведомому гимну, первую торжественную ноту которого возьмет смерть». Эти слова служат тематической канвой для симфонической поэмы Ф. Листа «Прелюды». Да, счастлив тот, кто умирает, чтобы жить, для кого смерть возьмет лишь «первую ноту» чудного гимна вечности, но

[89] Там же, с. 184.

[90] Там же, с. 184.

[91] Там же, с. 185.

как жалок тот, кто живет для того, чтобы умереть; для него смерть возьмет последний трагический аккорд, после которого раскроются адские врата. Поэтому основная цель жизни определяется подготовкой к вечности. «Счастлив тот, – пишет Коменский, – кто из чрева матери вынес хорошо образованные члены, в тысячу раз счастливее тот, кто унес отсюда хорошо образованную душу... ...Есть три ступени приготовления к вечности:

а) познание себя (и вместе с собой всего, что доступно познанию);

б) управление собой;

в) стремление к Богу».[92]

Из цели жизни вытекает требование к человеку: 1. Научное образование. 2. Добродетель, или нравственность. 3. Религиозность или бесчестие. «В этих трех качествах, – пишет Коменский, – заключается все превосходство человека, так как только они являются основой настоящей и будущей жизни: остальное (здоровье, красота, богатство, знатность и др.) есть ни что иное, как добавление и внешнее украшение жизни... Кто обращает большее внимание на приятное, чем на полезное, тот неразумен, но бесконечно более гибельно неразумие того, кто, желая быть человеком, обращает большее внимание на украшения человека, чем на его сущность...

Мы настолько двигаемся к нашей конечной цели, поскольку мы прилагаем старания в этой жизни к приобретению добродетелей и благочестия».[93]

Большое внимание Коменский уделяет системе воспитания. Этот вопрос разрешается в труде Коменского «Великая дидактика», имеющем мировую известность. Под дидактикой Коменский подразумевает науку, обучающую тому, как успешнее преподавать различные науки. Он приводит изречение Платона, указывающее на важность правильного воспитания. «Человек, – утверждает Платон, – есть существо самое кроткое и самое божественное,

[92] Там же, с. 191.

[93] Там же, с. 193–194.

если он будет укрощен настоящим воспитанием, если же его не воспитывать или дать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».[94] Здесь же приведем высказывание Аристотеля о воспитании: «Детство – это чистая грифельная доска, на которой можно написать все, что угодно». Но за пять веков до Платона и Аристотеля эти мысли уже были выражены на страницах Библии. «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет» (Пр. 22:6).

Коменский показывает образец самой высшей школы, поступившие в нее и окончившие ее получают, непременно, диплом мудреца. «Христос, вечная Божия мудрость, – пишет Коменский, – сынам Божиим в Своем Доме уготовал школу, где правителем и духовным дидактом является Сам Дух Святой, а профессорами и наставниками – пророки и апостолы, все обладающие истинной мудростью, все словом и примером ясно показывающие путь истинной мудрости и спасения... Счастливы те, кто взирает на лицо Божие, внимает Его уставам, воспринимает сердцем Его слова, так как это один единственно непреложный путь истиной и вечной мудрости, вне которой иной нет. Ведь только уста Божии есть тот источник, откуда текут все ручьи истинной мудрости, только лицо Божие есть тот светильник, откуда распространяются лучи истинного света, только Слово Божие есть тот корень, откуда пробиваются ростки истинной мудрости».[95]

Но что же делать с мудростью человеческой? Может быть, можно достичь мудрости, изучая труды мудрецов мира сего? Как-то ученик-еврей спросил раввина, можно ли ему заниматься изучением эллинской философии в свободное время. Раввин сначала задал ему вопрос: «Сколько времени надо тратить для изучения Закона Божьего?». Тот ответил: «День и ночь». «Так вот, – сказал раввин, – если ты найдешь время, которое не относится ни

[94] Там же, с. 206.

[95] Там же, с. 340.

ко дню и ни к ночи, то его можно употребить для изучения языческой философии».

«Утверждают так, – пишет Коменский, – высшая мудрость сокрыта в книгах философов, ораторов, поэтов. Отвечаю: достойны тьмы те, кто отвращают глаза от света... О, суетный человек, ты во тьме человеческого рассуждения ищешь яркого света? Подними глаза вверх! С неба истекает свет истины от Отца светов...

Если они (мирские философы) рассуждают о природе, то они слегка касаются поверхности, не затрагивая сущности. А в Священном Писании Сам Владыка природы повествует великие тайны о своих делах, выясняя первые и последние причины всех творений... Какая польза в том, чтобы преуспевать в делах мирских и быть слабым в делах Божественных?».[96]

Мы опять приходим к тому выводу, что существует как бы две мудрости, две философии: мудрость мира сего и мудрость Божия. Но как истина одна, так одна и мудрость, остальное только подделки под истину и мудрость.

Коменский пишет: «Источник премудрости – Слово Бога Всевышнего (Сир. 1:5). Истинная философия есть ни что иное, как истинное познание Бога и дел Его, которой ниоткуда не научишься, как из уст Божиих... Прекрасная мудрость Соломона заключается в том, что он закон Божий низвел в дома, школы, дворцы».[97]

Истинная философия ведет к правильному пониманию прекрасного. Истиной определяется ценность прекрасного; кто далек от истины, у того искажен критерий прекрасного. Мы уже упоминали о непреложном законе: подобное стремится к подобному. Отсюда же вытекает вывод: подобное находит красоту лишь в своем подобии. У простого народа этот тезис выражен очень просто: каждый кулик свое болото хвалит. Но если для кулика прекрасно свое болото, то это еще не значит, что оно прекрасно с точки зрения человека, даже, наоборот, чем прекраснее болото в своем

[96] Там же, с. 343.

[97] Там же, с. 344.

роде или чем совершеннее, предположим, жаба и гадюка, тем они отвратительнее для нас. Эти выводы сделаны и Чернышевским в диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности». Отсюда вытекает следствие, что с точки зрения Божественной мудрости не

все то прекрасно, что человек и даже общество в целом считает прекрасным. Священное Писание учит нас, что и «сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11:14). О, сколько раз мы с сожалением отмечали, что на пьедестал прекрасного люди часто возводили безобразное, лишь облеченное в нарядную форму. Как же нам, людям, найти совершенный критерий прекрасного? Поистине, только божественная мудрость поможет нам различить, где прекрасное, а где безобразное. Поэтому единственно верным определением прекрасного будет следующее: прекрасно то, что прекрасно в очах Божиих.

«Тупы те уши, – пишет Коменский, – которым лира Орфея, Гомера, Виргилия звучит приятнее, чем гусли Давида. Только подслеповатый считает, что Олимп, Геликон, Парнас (горы языческой мифологии) представляют более прекрасное зрелище, чем Синай, Сион, Ермон, Фавор, Масличная гора».[98]

Как же быть тем, у кого извращено восприятие прекрасного? – Внять голосу Божественной мудрости. «Любящих меня я люблю, – говорит Премудрость, – и ищущие меня найдут меня» (Пр. 8:17).

Коменский делает вывод, что сначала человеку надо полюбить мудрость, то есть, стать философом, в истинном смысле этого слова, а потом избирать поприще служения и деятельности. «Никто не должен быть, – пишет Коменский, – богословом, юристом, медиком, не ставши ранее философом... Света, рук, правил лишает себя тот, кто устраняет от себя что-нибудь из познаваемого».[99]

В век классицизма (эпоха абсолютных монархий) была популярна идея о том, что справедливость на земле насту-[98] Там же, с. 346. [99] Там же, с. 406.

пит тогда, когда «короли будут философами, а философы – королями». Это человеческая мечта так и не осуществилась, потому что, как говорит Ренан, «действительность всегда есть царство посредственности». Когда развеялся розовый туман классических мечтаний, поэты и художники, вместо того, чтобы развенчать мудрецов, мудрствовавших без Бога, стали строить иллюзии счастья, уводя своих поклонников от практического искания истины в Боге в мир несбыточных грез и мечтаний. Это направление принято называть романтизмом. Но немного было пользы для человеческой души от тех, кто призывал «уйти в себя».

Заключись в святом уединенье, В мире сердца, чуждом суеты. Красота цветет лишь в песнопенье А свобода – в области мечты, –

писал Шиллер в стихотворении «Начало нового века». Эти по-своему прекрасные стихи вызывают в душе только беспредельную тоску, так как, вскрывая «прозу жизни», не приводят к «поэзии веры». Сколько тысячелетий человечество пытается построить «рай на земле»! Вкушение плода от «древа познания добра и зла» обещало людям очень многое и самое высшее – «будете как боги». Сколько сменилось общественных формаций, сколько политических деятелей отошло в область предания, сколько разочарований пережило человечество, оказавшись опять вместо «рая земного» в царстве посредственности»! Но не успевали люди освободиться от одной химерной мечты о справедливом обществе, как им предлагалась другая, более заманчивая. Бедные люди, оставившие Бога, как ловко вами жонглирует диавол, «уловивший вас в свою волю!» (2 Тим. 2:26). Когда же вы, люди, перестанете, наконец, гоняться за розовыми химерами, когда вы поднимете взор к небу, ибо только в этом ваше спасение?! Поэт С. Надсон, высказывая светлую мечту человечества, пишет:

Пусть разбит и поруган Святой Идеал, И струится невинная кровь, – Верь, настанет пора, и погибнет Ваал И вернется на землю любовь!

....

Мир устанет от мук, захлебнется в крови, Утомится безумной борьбой – И поднимет к любви, к беззаветной любви, Очи, полные скорбной мольбой!

Но очи надо поднять к небу сейчас, пока еще есть время, пока «день спасения» не сменился ночью погибели. Поздно будет поднимать очи для того только, чтобы узреть Того, «Которого пронзили», грядущего во славе. Люди, люди, ни один общественный строй, ни один гений человеческой мысли вам не даст и даже не пообещает вечной жизни, без которой все ваши мечты о счастье напрасны; ваша душа жаждет жить не только сегодня, но и завтра, и в следующем году, и в следующем столетии, то есть вечно! Люди, берегите душу! Но о вечности и о душе, люди, вам ничего не скажут ни газеты, ни журналы, ни кино, ни телевидение. Ваша душа никогда не согласится питаться этим суррогатом вместо «небесной манны» и «воды живой». Неправду говорят поэты, что «красота только в пес-нопенье». «О, Ты прекрасен, Возлюбленный мой! – (Песн. 1:15) восклицает церковь, ожидая Спасителя Иисуса, а Он поистине «прекраснее сынов человеческих». (Пс. 44:3). Неправда, люди, что «свобода только в области мечты». Христос обещает и дает свободу. «И познаете истину, – говорит Он, – и истина сделает вас свободными!» (Ин. 8:32). Кроме Христа никто другой не даст

вам избавленья, так как сам остается «рабом тления» (2 Пет. 2:19). Один Христос, будучи безгрешен, не увидел тления.

Но как же найти истину на практике? Вот что желает знать истомленная тщетными поисками душа. Самый простой путь познания истины – это смирение перед Творцом. Склонись, человек, перед Его величием, попроси о прощении грехов во Имя Того, Кто сказал: «Я есть путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). Возлюби Господа «всем сердцем твоим,

и всею душою твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22:37) – и тогда исполнятся слова апостола Павла: «Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8:3). Поверь, дорогая душа, что ты непременно получишь полное познание истины, сокрытой во Христе Иисусе.

О, сердце, не смущайся, верь, Прими Христа теперь!

«Вкусите, – предлагает Давид, – и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33:9).

Система познания истины, по Коменскому, состоит из трех ступеней. «И ее (истину) – пишет Коменский, – может открывать только приведение в единство принципов познания, которые могут быть только тройственными: чувство, разум и Божественное откровение».[100] Такую же систему познания мы позднее увидим и у Гегеля. Комен-ский надеется, что в истинном свете исчезнут все разногласия и, тем более, все безбожные учения. «Ибо после восхождения солнца истины, – пишет он, – должен исчезнуть дым бесконечного числа мнений и, наконец, должен быть разгромлен с Божьей помощью и сам туман ате-изма».[101]

Подтверждая слова Августина, что «только христианство есть истинная философия», Коменский призывает начать поиски истины, причем истины не абстрактной (отвлеченной), ничего не дающей душе, а истины незыблемой, вечной. Он пишет: «Мы доказываем, что нам надо искать христианской философии (или, скорее, Пансо-фии – всеобщей мудрости), в которой все восходило бы от незыблемых принципов к незыблемой истине и было бы согласовано между собой при помощи постоянной гармонии... Там, где ощущений недостаточно, надо применять разум, действующий по определенным нормам так, чтобы он не мог ошибаться. И, наконец, там, где разум бессилен, должно прийти на помощь божественное откровение».[102]

[100] Там же, с. 408.

[101] Там же, с. 408.

[102] Там же, с. 409.

Только такая философия с тройственной системой познания приведет к истине, так как высшей ступенью системы познания является божественное откровение, а Бог не ошибается. Участь же всех мудрствующих без Бога жалка и печальна. Христианской философии (Пансофии) Коменский противопоставляет языческую философию и все безбожное мышление, обреченное на вечное блуждание во тьме. Основанием для подтверждения своих выводов Коменский берет отрывок из Послания к Римлянам – Рим 1:21–24. Он пишет: «Вот почему апостол говорит, что языческие философы истощились в своих размышлениях и, думая стать мудрецами, сделались глупцами, ибо служили они творению больше, чем Творцу, благословенному вовеки».

«Большинство мудрецов наших, – продолжает Комен-ский, – мудрствуют без Бога... Возносятся они в делах своих, забывая о Боге; только себя самих и прочий тлен почитают, только себе и ему служат. Себя назвал Бог альфой и омегой, началом и концом всех вещей, из Него же, Им же и в Нем вся суть. Но кто из Него черпает свою мудрость? Кто в Нем (то есть, и себя, и все дела свои посвящая Его славе) хочет вместить свою мудрость? Закрывают на все это глаза многие. От себя самих мы начинаем, сами по себе продвигаемся вперед, сами для себя являемся целью. Окрыленные собственной уверенностью, мы начинаем на собственные силы опираться, собственным светом руководимся, собственной выгоды и славы добиваемся и к себе же возвращаемся, увлекаемся мирской суетой, пока и сами не истощимся до конца. Таков скорбный путь всякой плоти, на блуждание по которому неизбежно обречены и самые мудрые, как только они отходят от Бога».[103]

Всякий сын, уходящий от своего Небесного Отца, первоначально имеет некоторое богатство, опять-таки взятое у Отца (сюда можно отнести здоровье, знание, красоту и все таланты), но как только он разлучается с Отцом, сразу начинается медленный или быстрый процесс, приводящий

[103] Там же, с. 411.

к полной духовной нищете. Сын же, оставшийся при Отце, с возрастом все более и более входит в наследование имения Отца. Если концом мудрствующих без Бога является духовная нищета, то всех, основывающихся на божественном откровении, ожидает полнота в Боге. Источник жизни, мудрости и радости сокрыт только у Отца Небесного. «Христианскую Пансофию, – продолжает Коменский, – так надо составить, чтобы она была ничем иным, как непрестанным побуждением к богоисканию, точным руководством к нахождению Бога. Пусть она будет

лестницей к высочайшему Божьему величеству, к конечному успокоению в Нем, как в неподвижной цели покоя и в цели всех желаний, к погружению для вечного блаженства в этот источник жизни, из которого исходят источники радости».[104]

Иного источника радости и мудрости нет; все истинные мудрецы и пророки черпали из него. Приводя места из Священного Писания, Коменский продолжает: «Где же находится мудрость? И где место разумению? (Иов 28:12). Один Бог разумеет путь ее и познал ее.

...И Моисей не мог построить Божией скинии, пока не получил указаний от Бога. "Воззри, – сказал Бог, – и сделай по образцу, который был показан тебе". (Исх. 25:40). Слава Тебе, Боже, показавший и нам образец для построения храма Мудрости – Пансофии!».[105] По-человечески кажется невозможным построить такой духовный храм, но «сила у Бога» (Пс. 61:12). «Не надо отчаиваться, – успокаивает Коменский, – всякое отчаяние есть оскорбление Бога, Который обещал помочь просящим».[106]

О, если бы мы всегда обращались к Богу, источнику силы, а не в себе искали ее, то унынию и отчаянию в нашем хождении пред Богом не было бы места. «Разве ты не знаешь? – вдохновляет пророк, – разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? – разум Его неисследим. Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость. Уто-

[104] Там же, с. 411.

[105] Там же, с. 413.

[106] Там же, с. 436.

мляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут, пойдут и не утомятся» (Ис. 40:28-31).

Для достижения всеобщей мудрости необходимо прилагать усилия, стремиться все природные дарования усовершенствовать, дать им возможность проявиться в полной мере. Господь хочет, чтобы мы не зарывали данный нам талант, но пустили его в оборот и на него приобрели другие таланты. Этот вопрос разбирается Коменским в разделе «О культуре природных дарований».

В ветхозаветные времена Богу приносили в жертву первородное, лучшее, не имеющее порока, Господь сотворил человека для Своей славы и желает, чтобы «человек Божий был совершен» (2 Тим. 3:17). «Будьте совершенны,

как совершен Отец ваш Небесный», – призывает Христос. (Мф. 5:48). Поистине, только совершенный во Христе человек может прославлять Творца достойной хвалою, когда небесное вдохновение, нисходящее на него, делает его чудным инструментом для прославления Бога, но как мало порой люди прилагают усилий для этого и довольствуются тем, что приносят в жертву Богу «хромое и слепое». Господь призывает человека быть в должном состоянии. «Дети мои! не будьте небрежны; ибо вас избрал Господь предстоять лицу Его, служить Ему и быть у Него служителями и возжигателями курений», – читаем мы во 2 Пар. 29:11. Как хочется для тех, кто желает всегда быть вдохновенными, привести слова композитора П. И. Чайковского: «Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых».

Для совершенства человека необходимо образование. Коменский утверждает, что божественные гармония и красота более доступны человеку образованному. «Образованных, – пишет он, – услаждает лира Орфея, и они охотно предаются божественной музыке, чтобы, пленяясь сладостью чудной гармонии, всюду ей внимать по примеру Давида и Соломона. Необразованные же ослы в музыке, если услышишь между ними какие-либо звуки, то разве

нестройный гам пьяных или дикие гиканья неуклюжих плясунов».[107]

Все приобретение знаний должно служить единой цели, прославлять Творца, и если христианин, находясь в безбожном окружении, для получения образования вынужден жертвовать святостью или применять полученные знания для славы мира тленного, то таковым Коменский дает следующий совет: «Лучше вовсе не приобрести знание, чем приобрести его для мирских сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия, лучше остаться народом грубым, но простым и богобоязненным... Однако и грубое невежество влечет за собой незнание Бога... тогда как истинное познание всех вещей есть путь к познанию Бога».

Христианину, не имевшему возможности получить светское образование, утешением должны служить слова апостола Павла: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4:6). Поистине, познание Христа есть вышнее образование.

«Что такое христианство? – пишет Коменский. – Разве оно не есть ясный свет в наших сердцах, озаряющий нас, дабы просветить нас познанием славы Бога. Разве оно не дела Бога, открывающее глаза слепым, чтобы они

обратились от тьмы к свету» (Деян. 26:18). Коменский не согласен с теми, кто, неправильно понимая слова Христа «блаженны нищие духом», сознательно остаются во тьме невежества, да еще и гордятся своим незнанием. Христианское нищенство духом – это познание кротости и смирения Христа, это полное отсутствие чувства гордости, это сознание ничтожества своего «я» перед Творцом, это бесконечный процесс прошения и приобретения, стремления к «цели и почести высшего звания во Христе Иисусе», это великое богатство познания без «почитания себя достигшим совершенства». Вот что пишет Коменский по этому поводу: «...и пусть никто не говорит: “Христос учил нас возрождаться, а не заниматься науками, искусствами, языками”. Ибо этого Он не воспрещает, а предпосылает в

составе того света, который, как сказано, “просвещает каждого человека”. Разве Он не послал с неба Духа Святого как учителя языков; разве не заповедал, чтобы божественный свет постоянно передавался от одного народа к другому в церкви? Поэтому нельзя представить себе ничего более христианского, чем всем нам заботиться о распространении царственного, то есть, Христова света».[108] Этот вывод Коменского полностью согласуется с мыслями профессора Бетекса, который пишет: «Есть христиане, которым недостает горы и моря, которым достаточно утлой плоской равнины, которые самодовольно думают, что не стоит спрашивать о высоте и глубине, они довольствуются детской простотой и думают, что это считаемое столь блаженным Христом нищенство духа.

Но истинная христианская нищета духа противоположна самодовольной духовной скудости. Как бедный стремится к добру и владению, а лань к потокам воды живой, так истинно нищий духом жаждет полноты и мощи духа и алчет справедливости, действительной правды. Он вздыхает не о собственном только спасении и приобретенной Христом праведности, но и всего мира, и чувствует, что алчет Бога и испытывает ревность по Боге, которая ищет Его во всем творении. Ему нет покоя, пока этот Бог не станет всем во всем. “Все, – говорит Паскаль, – содержит какую-нибудь тайну. Все вещи – покрывало, за которым Бог. Все христиане должны во всем признавать Бо-га”».[109]

Коменский мечтает о том времени, когда в лучах света истины все отрасли человеческого знания будут служить одной цели. «Справедливо, – пишет он, – чтобы науки, искусства, языки и сама религия, которые до сих пор росли

по частям, после были соединены воедино, дабы быть совершенным человеком во Христе».[110]

Согласно Коменскому, для получения совершенного образования необходимо подняться по следующим ступеням:

[108] Там же, с. 483.

[109] Бетекс «Песнь творения», с. 152.

[110] Коменский Я. А. Избр. соч-я, с. 484.

«Три универсальные объекта, – пишет он, – совершая которые, мы потом открываем в себе мудрость, суть: Бог, мир, человек. Ибо эти три объекта содержат все, вне их нет ничего. Кто знает их, тот знает все. Это есть Бог, сокрытый в глубинах Своей вечности, Который, однако, открылся трояким образом: 1) сотворением видимого мира, сделавшись видимым в творениях Своего могущества;

2) созданием человека по образу и подобию, откуда исходят бесконечные образы Его могущества; 3) откровением Своего Слова, где Он дает нам указание Своей воли и Своего к нам благорасположения, – то, выходит, существуют три божественные книги, из которых все познается: 1) книга мира, или природы; 2) книга ума, или познания;

3) книга Закона, или Писания. Для совершенного образования человека в них ничего не может отсутствовать».[111] В эти же книги Коменский включает и искусство, так как «природа есть образ гармонии божественной, а искусство – образ природы».[112] Читать эти книги можно посредством чувства, разума и откровения; он пишет: «Посредством трех орудий (чувство, разум, откровение) все можно понять, ибо весь внешний мир подчинен чувствам, творения ума исследуют разумом, а откровение воспринимается верой».[113]

В какой последовательности должны читаться эти три книги? «Движение нашей мудрости, – пишет Комен-ский, – должно начинаться книгой природы, продолжаться книгой ума и заканчиваться Книгой Писания».[114]

Таким образом, откровение в системе познания у Ко-менского, как и у Гегеля, поставлено на высшую ступень. Почему так? «Откровение и вера, – пишет Коменский, – выводят наружу из бездны вечности тайны, которые иначе были бы скрыты вечностью».[115]

[111] Там же, с. 618.

112 Там же, с. 427.

113 Там же, с. 618.

114 Там же, с. 620.

115 Там же, с. 620.

Если разум возвышает человека над животным миром, с которым мы имеем общие чувства, то вера возвышает христианина над прочими людьми, живущими мирской суетой. «Вера иногда исправляет разум, – заканчивает Коменский, – чтобы он не заблуждался, а разум – чувство, чтобы оно не обманывало».

Закончив изложение системы познания Коменского, хочется искренне посожалеть, что многие из тех, кого современный мир готов считать мудрецами, на самом деле стоят лишь на средней ступени познания. Пусть даже вторая ступень познания освоена ими в совершенстве, но без веры они никак не достигнут вершин познания. С этой точки зрения целесообразно поразмыслить над вопросом, что значит «быть образованным человеком».

Припоминается беседа, происходившая между преподавателем философии одного из педагогических вузов и молодым человеком, который, получив высшее светское образование и не найдя утешения в мире, пришел к ногам Христа, принял крещение, открыто исповедав веру в Бога. На вопрос преподавателя философии, которого мы будем именовать просто атеистом, какое у него образование, молодой человек ответил: «Начальное». Атеист удивленно заметил: «А мне говорили, что у вас высшее образование». – «Да, – ответил христианин, – но я же пояснил, что поступил в первый класс школы Иисуса Христа, и это начальное образование я предпочитаю высшему». Атеист выразил сожаление, что христианин «опустился в необразованную среду». Тогда христианин задал вопрос: «Вы считаете, что простые верующие – необразованные люди?». – «Безусловно», – ответил атеист. «Но поясните, пожалуйста, от какого слова произошел термин “образованный”?» – спросил христианин. «Вероятно, от слова “образ”», – последовал ответ. «Так, значит, – продолжал христианин, – быть образованным – это преобразиться в соответствующий образ, а кто не преобразился в определенный образ, то есть, остался без образа, того называют безобразным, или необразованным, так как он не имеет определенного образа?». – «Допустим, это так, и что же

дальше?» – согласился атеист. «Так вы уверяете, что необразованные не имеют образа? – опять последовал вопрос. «Я готов подтвердить это сто

раз», – был ответ. «Но скажите, – продолжал христианин, – вы-то сами образованный человек или нет?». – «Я преподаватель вуза и скоро получу научную степень, – возмутился атеист, а вы задаете мне такой оскорбительный вопрос». «Простите, я вовсе не хотел вас обидеть, – продолжал христианин, – мне просто хотелось бы узнать: если вы образованный человек, то чей же образ вы тогда носите? Ваше высшее образование стремится к тому, чтобы всех желающих его получить наделить образом атеистического мировоззрения. Вы преобразились, а теперь преображаете других в антиевангельский образ». – «Что вы хотите этим сказать?» – повысил тон атеист. «Только то, – продолжал христианин, – что мы по-разному расцениваем слово “образование”. Тот образ и то образование, которые вы предлагаете верующим, их вовсе не прельщает. Ни одна наша старушка не захочет перевоплощаться в атеистический образ. Они носят образ Божий, хотя испытывают много поруганий. О них апостол Павел пишет: “Посмотрите, братия, кто вы призванные; не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее”. У них есть другой Идеал, другой образ, другое образование. Они учатся в школе небесного Учителя, который сказал: “Придите ко Мне все, труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим”. Если бы вы не были тенденциозны, то согласились бы, – продолжал христианин, – что они очень, очень, высокообразованны, в них отражается образ кроткого смиренного Агнца, закланного за грехи мира Иисуса. По-своему вы, конечно, правы, так как образ мира сего их не прельщает. С вашей точки зрения, они необразованны, зато с библейской точки зрения и относительно Идеала не-

бесного вы, со всеми вашими будущими научными степенями, относитесь к разряду совершенно необразованных. Если позволите, то я хотел бы вам на память оставить слова Льва Толстого: “Человек по своей природе есть дробь, числитель которой есть то, что он есть на самом деле, а знаменатель – то, что он о себе думает, и чем больше знаменатель, тем меньше дробь«». Так закончилась эта беседа.

Подтверждение такому выводу мы читаем у Коменско-го: «Мудр тот, кто мудр для вечности... Только одни христиане знают, потому что они говорят от Бога, а остальные же болтают вздор, так как говорят от себя... Прибавлю,

что Пансофия есть правильный путь к святому познанию: она одна может нас научить тому, что вся наша наука есть ни что иное, как тень, если ее сравнить с блеском той светлой мудрости, какая есть в Боге».[116]

Приведем еще одно из изречений Коменского, которое буквально окрыляет христианина, указывая на ту «драгоценную жемчужину», найдя которую, каждый готов все отдать за нее.

«Пансофия, открывая тройственные христианские тайны, – поучает Коменский, – служит Вечному, Триединому Иегове (Богу), Единому, Всесильному, Мудрому и Благому и посвящена поклонению Ему. Мы знаем Единого Пансофа, Единого мудрого Бога.

Во Христе сокрыты все сокровища мудрости и науки (Кол. 2:3). ...Мы вместе со Христом передаем истинное и спасительное знание всех вещей. Пользоваться Пансофией прилично именно нам, а не кому-либо другому, так как вне христианства Пансофии нет и быть не может».[117]

На этом мы заканчиваем исследование трудов выдающегося мыслителя Яна Амоса Коменского, которого изучает весь цивилизованный мир.

[116] Там же, с. 440.

[117] Там же, с. 439.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философская мысль Германии в первой половине XIX века достигает огромной высоты. Классиками немецкой философии являются Кант, Фихте, Гегель. Все они философы-идеалисты, считающие духовное начало первичным, а материю вторичной.

Труды этих философов очень обширны, даже краткое ознакомление с ними требует много времени. Несколько подробнее мы остановимся лишь на философии Гегеля, так как его справедливо называют учителем философов; философию Канта рассмотрим в аспекте исследуемого нами вопроса.

Знаменитый немецкий философ и замечательный натуралист Иммануил Кант (1724 – 1804 гг.) был профессором в Кенигсбергском университете. Кант доказывал, что сущность вещей недоступна для нас и нет возможности

узнать ее (отсюда название одного из положений идеализма – агностицизм; «а» – отрицание, «гносис» – знание). Наше знание, по Канту, обуславливается не столько вещами и явлениями, сколько общими законами и приемами нашего ума. Эти законы и старался выяснить Кант. Его идеи произвели полный переворот в философии и даже в других науках. Наиболее известны следующие сочинения Канта: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Пролегомены», «Антропология», «Религия в пределах только разума». Нас больше всего интересует отношение Канта к Богу, к Библии, ко Христу и к жизни вечной. Полностью исследовать его сочинения для выяснения поставленного перед нами вопроса, вероятно, и нет надобности, так как, по словам самого Канта, необходимо из всего извлекать главное. «В наше время, – пишет

он, – накопляется огромное количество знаний, достойных изучения. Скор наши способности будут слишком слабы, а жизнь слишком коротка, чтобы усвоить хотя бы только одну, наиболее полезную часть этих знаний. К нашим услугам полное изобилие богатств, но, восприняв их, мы должны снова отбрасывать многое как бесполезный хлам, было бы лучше никогда не обременять себя им».[118]

Этими словами Кант подтверждает вывод, давным-давно сделанный премудрым Соломоном: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого Пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела. Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо» (Ек. 12:11-14).

Веру в Бога Кант основывает на логическом осмыслении окружающей нас природы и самих себя. Эпиграфом к одному из своих сочинений он ставит слова из Библии: «Небеса проповедуют славу Божию» (Пс. 18:2).

«Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением, – пишет он, – две вещи наполняют мою душу: звездное небо надо мною и закон нравственности внутри меня».

Звездное небо... Сколько людских взоров за многие тысячелетия обращалось к нему. Одних небо приводило в восхищение, благоговение и бесконечное смирение перед мудростью Творца, других же оно пугало своей беспредельностью. Как необходимо иногда человеку побыть наедине со звездным небом, чтобы правильно определить свое место в мироздании. Небо о многом может сказать, как пишет поэт:

Полночное небо огромным шатром Таинственно смотрит на землю. Природа безмолвна, все тихо кругом. Небесному гласу я внемлю.

[118] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956, с. 306.

Какое величье, какая краса

В гармонии неба ночного!

Поют симфонический гимн небеса

О славе Творца всеблагого.

Кто Ты, так искусно соткавший ковер

Из яхонта звезд многоликих?

Как мудро его Ты кругом распростер

В пространствах вселенной великих!

О Ты, несравненный Ваятель миров,

Безвременный, Ветхий веками,

Тебе землянин поклониться готов;

Сраженный мой разум смолкает.

Если бы на свете не было ни одной книги, подтверждающей или отрицающей бытие Бога, то, созерцая только звездное небо, душа благородного человека несомненно пришла бы к признанию Высшего Творческого Разума, то есть, Бога.

«Наблюдения и вычисления астрономов, – пишет Кант, – научили нас многому, достойному удивления; но самый важный результат их исследования, пожалуй, тот, что они обнаружили перед нами бездну нашего невежества: без этих знаний человеческий разум никогда не мог бы представить себе всю огромность этой бездны, а размышление об этом может произвести большую перемену в определении конечных целей деятельности нашего разу-ма».[119]

Другим неопровержимым доказательством бытия Бога является «закон нравственности внутри нас». На чувствах благородной души Кант основывает веру в загробную жизнь. Он пишет: «Опыт учит нас тому, что многие люди, знакомые с учением о загробной жизни и убежденные в ее существовании, тем не менее, предаются порокам и совершают низкие

поступки, придумывая средства, как бы хитрее избежать грозящих им в будущем последствий их поведения. И в то же время вряд ли существовал когда-нибудь на земле хотя бы один нравственный человек, кото-[119] Там же, с. 303.

рый мог бы примириться с мыслью, что со смертью все кончается, и чей благородный образ мыслей не возвысился бы до надежды на будущую жизнь. Поэтому, мне кажется более соответствующим человеческой природе и чистоте нравов обосновывать веру в будущую жизнь на чувствах благородной души, чем, наоборот, основывать ее благородное поведение на надежде на будущую жизнь».[120]

Иммануила Канта не пугало наличие других вероисповеданий. Его разум и сердце подтверждали, что «может быть много разных ложных вер, но истинная вера только одна».[121]

Кант ясно видел, что истинная вера должна быть основана на учении Иисуса Христа, так как оно отвечает всем запросам бессмертной человеческой души, оно неизменно и не подвластно течению времени. Если это учение начинают приспосабливать к различным человеческим формациям, чтобы им оправдать свои деяния, то оно перестает быть учением Христа, а становится учением человеческим. Этот вывод устраняет все затруднения, встречающиеся часто у неутвержденных в Евангелии как единственной истине и смущающихся при виде разногласий в различных христианских течениях. Кант отчетливо показывает, что для познания истины нужно обратиться к Самому Христу, а не к духовным чиновникам. Он пишет: «“Да придет Царствие Твое”, – этого желают все люди. Христос приблизил к нам это царство, но люди вместо Царства Божия устроили царство духовенства, и Царство Божие не приближается».[122]

Но при виде всех несправедливостей человек не должен роптать на Творца.

«Часто поверхностный человек, – продолжает Кант, – задумываясь над несчастиями, которые так сильно угнетают человеческий род, теряет надежду на возможность улучшения жизни и испытывает недовольство Провидением, управляющим мировым порядком. В этом большая

[120] Там же, с. 455.

[121] Там же, 20.

[122] Там же, 275.

ошибка. Быть довольным Провидением (хотя бы оно предназначило нам сейчас в нашей жизни самый трудный путь) в высшей степени важно и для того, чтобы не терять среди тягостной жизни мужества, и, главное, для того, чтобы, не сваливая вины на судьбу, не упускать из виду нашей собственной вины, которая и есть единственная причина всех зол». («Путь жизни».[123]

Считая Библию великим сокровищем и ставя ее выше всех книг, вместе взятых, Кант делает такое заключение: «Все книги, которые я читал, не дали мне такого утешения, которое мне дало Слово в Библии».

Проблему счастья жизни Кант решает неотрывно от закона нравственности, он категорически утверждает: «Нельзя сделать людей счастливыми, не сделав их нравст-венными».[124] Сколько людей – и великих, и простых – нашло утешение в Священном Писании! Как Господь «вчера, сегодня и во веки тот же», так и Его Слово неизменно. Всякий жаждущий может прийти к этому источнику воды живой и пить из него даром.

Огромная роль в развитии философской мысли принадлежит немецкому философу Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю (1770 – 1831 гг.). Влияние Гегеля на последующих философов было очень велико. Почти у всех философов после Гегеля можно найти его выводы; по сути дела, последующие философы только придавали субъективное толкование его философским положениям, разрывая на части его единую стройную философскую систему.

Согласно философии Гегеля, все существующее, как в мире материальном, так и в духовном, есть развитие и проявление Вечного Абсолютного Духа, и все возвращается к тому же Духу, так что он оказывается в начале и в конце процесса развития. Здесь мы видим полную аналогию со Священным Писанием: «Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (Отк. 1:8). В Послании к римлянам мы читаем: «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36). Можно смело сказать, что вся философия Ге-[123] Там же, с. 441.

124

геля, в ее целокупности, есть подтверждение библейских истин. Такое определение дает ей Л. Фейербах, один из крайне левых гегельянцев. «Учение Гегеля, – пишет он, – что природа, реальность положена идеей, есть лишь рациональное выражение теологического учения, что природа сотворена Богом, что материальное существо создано нематериальным».[125]

Гегель – объективный идеалист. Бог, по Гегелю, есть объективная (существующая независимо от нас) реальность. Процесс развития

совершается диалектически, то есть, Бог (Абсолютный Дух) все более и более раскрывает Себя. Вся философская система Гегеля разбита на триады. Почему так? На этот вопрос Гегель отвечает очень просто, не отходя от Слова Божия. Он говорит, что, если Триединый Бог проявляет Себя в трех лицах (Отец, Сын и Дух Святой), значит и все Его творение, то есть проявление Духа, должно состоять из триад. В процессе развития обязательны следующие этапы: 1) тезис (положение), 2) антитезис (противоположение) и 3) синтез (соединение). Бог Творец, по Гегелю, Безначален, Всеведущ и Всемогущ. На основании этого Гегель делает вывод: «Все разумное – действительно; все действительное – разумно». Материалисты, отвергая бытие Бога, но утверждая, что их учение тоже основано на диалектике Гегеля, признают лишь первую часть этого положения (все разумное – действительно). Право на действительное существование они дают лишь тому, что проверено человеческим разумом и практикой, руководствуясь принципом: увижу – поверю. Вторую же часть этого неделимого вывода (все действительное – разумно) материалисты признать не могут, так как этим выводом опровергается вся их безбожная система. Если все действительное – разумно, то, значит, во всем наличествует разум, творческий Дух, оживляющий мертвую материю; но тогда приходится отказаться от основного материалистического положения, что неразумная материя первична (не говоря уже о том, откуда взялась материя) и что она при помощи различных случайных пертур-

[125] Овсянников М. Ф. «Философия Гегеля», Москва, 1959, с. 153.

баций дошла до человеческого сознания. Несколько ниже мы будем иметь возможность познакомиться с некоторыми положениями философии Гегеля более подробно, сейчас же назовем основные философские труды Гегеля. К ним относится: «Феноменология Духа», «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», «Философия истории», «Эстетика», «Философия религии».

У Гегеля было очень много последователей, в том числе и в России. Гегельянская школа впоследствии распалась на три партии: правую (Гешель, Розенкранц и др.) левую (Михелет, Штраус и др.) и крайнюю левую (Бруно Бауэр, Людвиг Фейербах и др.). Причиной разделения было различное отношение к Богу. Одни, как и Гегель, признавали Бога объективной реальностью и признавали необходимость Его личного принятия верой (личное Божество), другие отождествляли Бога с природой (пантеизм), третьи (крайне левые) совершенно отрицали Бога. К крайне левым принадлежали К. Маркс и Ф. Энгельс. До тридцати лет они не отходили от

основных положений философии Гегеля. У Энгельса имеются даже труды по богословским вопросам «Шеллинг и раннее христианство», «Шеллинг – философ во Христе» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс «Из ранних произведений). Затем, после неудачной попытки подвизаться на поэтическом поприще, они уклонились в социологию и дошли до атеизма. Правда, по некоторым данным, существуют труды Энгельса, не переведенные на русский язык, где он под конец жизни приходит к признанию личности и даже воскресения Христа, но мы этого утверждать не можем.

Восприняв диалектический метод Гегеля, материалисты не признали Бога как движущую силу в процессе развития. Им показалось, что «философия Гегеля стоит на голове», так как у него все исходит от разума, то есть, от Бога; они решили ее «поставить на ноги», то есть, за исходящую точку взять материю. Остается только повторить вопрос, заданный материалистам одним из современных

мыслителей: в каком состоянии они сами находились, когда ставили гегелевскую философию с головы на ноги?

Теперь рассмотрим некоторые положения философии Гегеля несколько подробнее. Исследователь философии Гегеля М. Ф. Овсянников делает такое замечание: «Задача философского рассмотрения природы, по Гегелю, состоит в том, чтобы показать, что природа есть процесс становления Духа, снятие Духом Своего бытия; задача философии природы – показать, что в каждой ступени развертывания природы наличествует Дух. Отчужденная же от этой идеи природа, по словам Гегеля, есть труп, которым занимается лишь рассудок».[126]

Отсюда можно сделать следующий вывод: тот, кто хочет иметь дело с живой природой, не может отрицать Бога, а кто отрицает, – имеет дело лишь с трупом. Сам Гегель говорит об этом еще конкретнее: «Если человек не хочет погибнуть, то он должен признать, что мир существует самостоятельно и в основном закончен. Мир – это осуществление божественного разума: игра неразумных случайностей царит лишь на его поверхности».[127]

Гегель в своих сочинениях часто обращается к трудам богослова, философа и выдающегося проповедника Фридриха Шлейермахера (1768 – 1834 гг.). Его основными трудами являются «Христианская вера», «История философии» и «Речи о религии». Цитируя Шлейермахера, Гегель подчеркивает неполноценность человеческой жизни без религии. «Определенное признание человека – говорит Шлейермахер, – есть как бы

лишь мелодия его жизни, которая остается простым и бедным рядом тонов, если религия не вторит ей бесконечным разнообразием гармонизирующих с нею звуков и не превращает простое пение в многоголосную и величественную гармонию».[128]

По Гегелю, ничего не происходит без воли Всемогущего бога. Его воля простирается на все народы и государства.

[126] Там же, с. 152–153.

[127] Там же, с. 174.

[128] Там же, с. 201.

«Существование государства, – пишет Гегель, – это шествие Бога в мире, его основанием служит сила разума, осуществляющего себя, как волю».[129]Триадой, раскрывающей проявление Абсолютного Духа, у Гегеля являются искусство, религия и философия. Искусство является как бы младшим братом, религия – средним, философия – старшим. Какова цель искусства? «Всего достойнее стремление искусства, – пишет Гегель, – изображать если не Дух Божий, то образ Божий, затем божественное и духовное вообще».[130] Самым высшим видом искусства Гегель считает церковную музыку как наиболее отвечающую цели искусства. Вот что пишет Гегель в «Эстетике» о церковной музыке: «Первым основным видом мы можем считать церковную музыку. Эта настоящая музыка принадлежит к глубочайшему и сильнейшему по вдохновению, что вообще может создать искусство. У протестантов есть такая музыка, необычайно глубокая, как по своему религиозному смыслу, так и по музыкальной неподдельности, богатству замысла и выполнению. Такова, например, прежде всего музыка Себастьяна Баха. Его величественную,под-линно протестантскую, исконную и, вместе с тем, как бы ученую гениальность, полностью оценили лишь в недавнее время».

Вот в чем заключается величие музыки Баха! Как жаль, что многие музыканты, восхищаясь этой музыкой, не знают ее назначения. Сколько сейчас можно слышать музыкальных произведений без духа жизни, бескрылых, пришедших в материалистический тупик; сколько талантливых композиторов, изощряясь в форме, не в силах подняться духом к небу, так как материализм приковал их к земле идеологическими гвоздями. Современные ученые, забывая, что искусство – это полет души, задают программы электронным машинам, и они пишут даже стихи. Приведем, для примера, одно стихотворение, написанное электронной машиной в Новосибирском научном городке:

[129] Там же, с. 206.

[130]

Ночь кажется чернее кошки этой, Края Луны расплывчатыми стали; Неведомая радость рвется к свету, О берег бьется крыльями усталыми. Измученный бредет один кочевник, А пропасть снежная его давно уж ждет, Забыв об осторожности, плачевно Над пропастью мятущейся грядет. Забытый страх ползет под потолки, Как чайка.

Ветер.

Дремлет дождь.

Ненастье... И свечи догорают, мотыльки Вокруг огня кружатся в честь

Бастье».

В институте имени Гнесиных происходило нечто вроде диспута между «физиками» и «лириками». Встал вопрос: может ли электронная машина сочинять музыку? Все физики кричали, что, конечно, может. Хорошо, что им был дан надлежащий ответ: «Пусть ваши машины пишут стихи, сочиняют музыку, но только пусть они ее и слушают!..». Вероятно, это была бы музыка, которая своими достоинствами смогла бы соперничать лишь с приведенным выше, с позволения сказать, стихотворением. У нас нет времени подвергать критическому разбору приведенное выше стихотворение, в нем столько логических несовпадений, что читатели сами это отлично увидят, не говоря уже о «Бастье», о котором или которой сами ученые не имеют понятия. Его или ее «выдумала» сама машина. Как полезно было бы всем искусствоведам и художникам запомнить вывод Гегеля: «Будущее изящество искусства заключается в истинной религии». [131]

Средним братом своей триады Гегель считает религию, старшим философию. Почему? «Религия, – пишет он, – существует для всех людей, она не философия, которая существует не для всех людей. Религия есть способ, каким

[131] Там же, с. 348.

истина осознается всеми людьми, а эти способы есть прежде всего чувство, представление, а затем также рассудочное мышление.

...Знание, в конечном счете, ни что иное, как знание Бога».[132]

Ставя философию выше религии, Гегель, в то же время, подчеркивает, что они взаимосвязаны и дополняют друг друга. «Содержание философии, –

пишет он, – ее потребности и интересы – всецело общи с религией; предмет последней – вечная истина, Бог и Его раскрытие. Философия раскрывает только себя, когда раскрывает религию, а, раскрывая себя, она раскрывает религию.

Таким образом, философия и религия совпадают в одном целом. Философия в действительности сама есть служение Богу. Однако обе, как религия, так и философия, суть лишь своеобразные способы служения Богу – в этом заключается трудность и, часто кажется, невозможность того, что они объединяются».

Гегель заключает: «Философия есть поэтому теология (богословие), а занятие ею... есть для себя служению Богу... философия религии и есть подлинная религия».[133]

Хочется подметить, как уже ранее указывалось, что выводы Коменского и Гегеля здесь полностью совпадают; как тот, так и другой имеют в виду, конечно, философию истинную.

Но не всякая религия истинна. Гегель предъявляет к религии следующие требования: «Поскольку религия есть сознание абсолютной истины, поскольку то, что должно иметь знание в качестве права и справедливости, в качестве долга и закона, то есть, в качестве истинной в мире свободной воли, может иметь значение лишь как часть той абсолютной истины, подчинена ей, из нее вытекает. Но чтобы истинно нравственное было следствием религии, для этого требуется, чтобы и религия обладала истинным

[132] Овсянников М. Ф. «Философия Гегеля», с. 258.

[133]

содержанием, то есть, чтобы познаваемая в ней идея Бога была истинной».[134]

Этика как нравственность зависит от истинной религии. «Нравственность проистекает, – пишет Гегель, – и единственно только может проистекать из истинной рели-гии».[135] Что такое нравственность? Гегель отвечает: «Нравственность есть божественный Дух».[136]

Вот это и поражало в свое время Канта, божественный «закон нравственности внутри нас».

Чтобы законы государства были справедливыми и отвечали требованиям высокой нравственности, они должны исходить из истинной религии.

«Желание отделить права и законы от религии, – пишет Гегель, – можно рассматривать только как крайний шаг, свидетельствующий о бессилии проникнуть до глубины религиозного духа и поднять его до собственной истины».[137]

Еще более пагубным Гегель считает факт подчинения религиозной совести светскому законодательству. В этом заключается причина безнравственности общества. «Самое высшее и нечестивое противоречие, – пишет Гегель, – есть желание связать религиозную совесть и подчинить ее светскому законодательству, являющемуся для этой совести чем-то нечестивым».[138]

Единственно истинной религией Гегель считает христианство, он пишет: «Христианство, или религия откровения, есть религия истины свободы и духа. Содержанием ее является единство божественной и человеческой приро-ды».[139]

Еще необходимо остановиться на гегелевской технике познания. Как и у Коменского, здесь наличествует три ступени: 1) чувство, 2) разум, 3) откровение. Откровение – это высшая форма знания. Когда разум бессилен, нужна

[134] Там же, с. 335.

[135] Там же, с. 342.

[136] Там же, с. 335.

[137] Там же, с. 339.

[138] Там же, с. 339.

[139] Овсянников М. Ф. «Философия Гегеля», с. 261.

вера, без которой познание истины невозможно, так как через веру мы воспринимаем откровение. Гегель пишет о вере так: «Вообще вера не противоположна знанию, скорее напротив, вера есть знание... Она представляет собой только особую форму знания».[140]

Материалисты,позаимствовав у Гегеля диалектический метод развития и теорию познания, заменили третью ступень познания. В современном оформлении материалистическая теория познания сформулирована так: «От простого созерцания (чувство) – к абстрактному мышлению (разум), а от него – к практике». Таким образом, вместо откровения поставлена практика. Практика у материалистов является «критерием истины», то есть, истинно только то, что подтверждено практикой. Но кто осуществляет практику? Человек. Ошибается ли человек? Безусловно. Значит, материалистический

«критерий истины» может быть ошибочным, исходя из общепринятого материалистами положения: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Поэтому материалистам пришлось под абсолютной истиной разуметь не Бога, как у Гегеля, а ничтожно малые факты, не подлежащие, с точки зрения разума, сомнению, а понятие истины отодвинуть в недосягаемую умозрительную область, считая ее состоящей из суммы относительных истин. Но сумма относительных истин может дать лишь относительную истину, так как, по простой логике, если к грязной руке присоединить еще одну относительно чистую руку, то от этого две руки чище не станут. Короче говоря, у материалистов истина превращается в «предел», к которому постоянно стремится человечество, но достичь которого никогда не может. Но что нам дает этот «предел», когда «дней жизни наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят? Притом этот предел и недостижим. Гегель пишет: «Только христианство учением о воплощении Бога в человеке и присутствием Святого Духа в верующей общине представило человеческому сознанию совершенно свободное отношение к бесконечному, и тем самым

[140] Гегель, т. 3, с. 343.

сделало возможным понимающее познание Духа и Его абсолютной бесконечности».[141]

«Только в христианской религии, – продолжает Гегель, – сама в себе заключенная единая природа Бога, це-локупность божественного Духа нашла свое откровение в форме единства».[142]

Какой радостью исполняется сердце христианина, когда он видит, что простая, но в то же время глубокая, не высказанная словами, доверчивость к Богу, наполняющая его вместе со словами молитвы: «Отче наш» невыразимым восторгом, подкрепляется солидными философскими выводами. Чувство, разум и воля, соединяясь в единое стремление воздать славу Господу, образуют прекрасное созвучие, наполняющее радостью и миром всю жизнь христианина.

[141] Там же, с. 26.

[142] Там же, с. 46.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ.

ЖАН ЖАК РУССО

Мы сознательно помещаем данную тему после обзора немецкой классической философии, хотя по хронологии ее нужно было бы поставить впереди. Это мы делаем ввиду того, что в это время во Франции значение термина «философия» начинает раздваиваться. Если в высоком смысле слово «философия», как мы уже рассматривали раньше, обозначает любовь к божественной мудрости, то теперь этот термин начинает применяться к учению, не имеющему с божественной мудростью ничего общего. О философии такого направления Жан Жак Руссо отзывался следующим образом: «Да что же такое философия? Что заключается в сочинениях известнейших философов? Какие уроки преподают эти друзья мудрости? Разве не похожи они на толпу шарлатанов, выкрикивающих на площади один перед одним: "Ко мне! Только я один не обманщик!". Один из них утверждает, что тел не существует, а есть только представления о них; другой уверяет, что нет иной субстанции, кроме материи, и иного бога, кроме вселенной. Этот возвещает, что нет ни добродетели, ни порока и что добро и зло, как их понимает мораль, – химеры, а тот заявляет, что люди – волки и могут со спокойной совестью пожирать друг друга. О, великие философы! Отчего бы вам не приберечь эти полезные уроки для своих друзей и детей? Вы бы очень скоро были вознаграждены по заслугам, а мы бы, по крайней мере, не опасались, что в наших семьях окажутся ваши последователи».[143]

[143] Руссо Ж. Ж. «Избранные сочинения», т. 1, Москва, 1961, с. 61–62.

Кто же такие энциклопедисты? Так назывались основатели и сотрудники известной французской «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» под редакцией Дидро и Д'Аламбера (изд. в 1751 – 1752 гг.). Так как этот труд может служить выражением господствующих в XVIII веке во Франции взглядов в области философии, религии и государственного права, то энциклопедистами называли всех, кто разделял мнение этой Энциклопедии. К ним принадлежали: Дидро, Д'Аламбер, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Кондильяк, Ламетри, Монтескье, Руссо и др.

Самым старшим из энциклопедистов был французский писатель и мыслитель Вольтер (1694 – 1778 гг.). Он оказал большое влияние на умственное развитие Европы, был поборником веротерпимости и свободы. Вольтер написал много литературных произведений; из философских трудов известны «Философские письма» и «Основы философии Ньютона».

Отстаивая свободу и веротерпимость, Вольтер критиковал католицизм, отчего некоторые склонны считать его чуть ли не атеистом. Но это мнение ошибочно, если судить хотя бы по тому факту, что, почувствовав приближение смерти, Вольтер велел позвать священника, перед которым исповедовался и принял причастие. Даже известное высказывание Вольтера: «Идея о Боге начертана перед нами во всей природе... Если бы Бога не было, необходимо было бы Его выдумать» (в некоторых переводах «изобрести»), – трактуется поборниками материализма предвзято. Акцент обычно делается на последнюю часть, что «Бога надо изобрести», но совершенно упускается из виду первая часть изречения, как раз подтверждающая бытие Бога. Вольтер показывает моральную необходимость Бога для воспитания человечества. Бог настолько необходим людям, что если бы даже Его не было, Его необходимо было бы изобрести – вот, что имел в виду Вольтер. По убеждению Вольтер был деистом. Деисты признавали Бога как Первопричину сотворенной Вселенной. Но, дав Вселенной законы, Бог как бы устранился из нее, не вмешиваясь в ее развитие. Это воззрение, конечно, очень

далеко от евангельского убеждения, где Бог является не только Творцом, но и Отцом, Который заботится о человеке.

Критикуя католицизм, Вольтер доходил до грубых нападок на тех, кто верой по-детски воспринимал евангельское учение.

Некоторые из энциклопедистов, критикуя священников, дошли до прямого отрицания Бога, признавая материю первичным началом. Так возник французский материализм, предшествующий современному диалектическому материализму. К материалистам принадлежали Дидро, Гельвеций, барон Гольбах, Монтескье. Их труды пресыщены грубыми сарказмами, наподобие таких, что «каждый священник заслуживает того, чтобы его повесить на кишках монаха». Доказывая, что материя первична, а сознание вторично, они, в то же время, не смогли разрешить такого простейшего вопроса: курица из яйца или яйцо из курицы. Если признать, что курица произошла из яйца, то откуда взялось это первое яйцо со всеми потенциальными свойствами курицы? Несомненно, такое яйцо могло появиться только из живой курицы, но откуда взялась первая курица? С позиции материализма этот простой вопрос оказался неразрешимым. Дидро вынужден был по этому поводу признаться, что «к стыду человеческого разума, этот вопрос невозможно разрешить». Вот такие «великие проблемы» иногда приходилось разрешать ученейшим мужам.

К энциклопедистам принадлежал и Жан Жак Руссо, но атеистический уклон большинства из них заставил его порвать с ними, хотя обязательства перед издательством долгое время задерживали этот разрыв и заставляли Руссо, который оставался на идеалистических позициях, глубоко страдать.

Жан Жак Руссо (1712 – 1778 гг.) – один из величайших философов и мировых писателей. Родился он в Женеве, был гравером, лакеем, учителем музыки, частным секретарем, переписчиком нот. Жизненный путь Руссо был нелегким. Юношей он ушел из дома и, не заканчивая академий, достиг мировой известности. За свою прямоли-

нейность он был гоним всеми. Произведения Руссо «Рассуждение о науках и искусствах», «Новая Элоиза», «Эмиль», «Исповедь» известны всему миру. В Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова за 1910 год Руссо дается такая оценка: «Деист и идеалист Руссо шел несравненно далее энциклопедистов в своих политических требованиях и был едва ли не единственным в свое время провозвестником демократического братства и равенства».

С первых самостоятельных шагов и до последнего вздоха Руссо был пламенным защитником веры в Бога. «Разумный человек, – писал он, – находит в себе понятие своей души, себя и души всемирной – Бога, и, сознавая невозможность довести эти понятия до полной ясности, с покорностью останавливается перед ними и не дотрагивается до покрова.

Но были и есть всегда люди с утонченным умом и ученостью, которые хотят словами выяснить понятие Бога. Я не осуждаю этих людей, но они не правы, когда говорят, что нет Бога. Я признаю, что может случиться, что люди и хитрые проделки людей могут на время убедить людей, что нет Бога, но такое безбожие не может продолжаться, и, так или иначе, человек будет всегда нуждаться в Боге. Если бы Божество проявилось нам с еще большей ясностью, чем теперь, я уверен, что люди, противные Богу, придумали бы новые тонкости, чтобы отрицать Его. Разум всегда подчиняется тому, что требует сердце»[144]

Атеистам-энциклопедистам в своей «Исповеди» Руссо дает такую оценку: «Эти пламенные проповедники атеизма и в высшей степени самонадеянные догматики не могут перенести без гнева, чтобы по какому бы то ни было вопросу кто-нибудь думал иначе, чем они. Я защищался – порою слабо, не любя и не умея спорить, но никогда не принимал их безнадежное учение.

...Сердце мое возражало им лучше, чем мой разум».[145]

[144] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, с. 70.

[145] Руссо Ж. Ж. «Избранные сочинения», т. 3, с. 589–590.

Руссо не только глубоко верил в Бога как Творца вселенной, но и в бессмертие души.

«Мне больше всего на свете, – вспоминает он, – приходилось опасаться, как бы не отдать вечную жизнь души за наслаждение земными благами, никогда не имевшими в моих глазах большей ценности».[146]

Библию Руссо ставил выше всех человеческих книг, ежедневно читая ее. В письме к Д'Аламберу, который критиковал Женеву за то, что там не было театра, Руссо защищает свой родной город и ставит в заслугу, что там Библия почитаема больше театра. С глубоким благоговением он говорит о Библии: «Я принадлежу к самым пламенным и благоговейным почитателям величайшей из Книг; каждый день Она дарит мне утешение и расширяет мой кругозор, тогда как к остальным я испытываю больше чем отвращение».[147]

Вот какая Книга больше всего расширила кругозор писателя и мыслителя Руссо и сделала его философом с мировым именем. Глубокое изучение Библии позволило Руссо сделать решительный и бескомпромиссный вывод, что «автор Книги Бытие был дальновиднее Геродота», греческого историка, жившего с 484 по 425 годы до Р. Х., перед которым преклонялись энциклопедисты.

Поборник равенства и братства Руссо предлагает не умозрительную, а конкретную свободу. «Не ищи свободу в том или ином образе правления, – пишет он, – она в сердце человека свободного, он носит ее повсюду с собой».[148] Позднее Гегель дал определение, что «свобода есть осознанная необходимость», и у Руссо проходит та же мысль. «Я никогда не думал, – пишет он, – будто свобода человека состоит в том, чтобы делать, что хочешь: она в том, чтобы никогда не делать того, чего не хочешь».[149]

В уста главной героини романа «Новая Элоиза» Юлии Руссо вкладывает свои сокровенные мысли, согласующие–[146] Там же, с. 591.

[147] Там же, т. 1, с. 73.

[148] Там же, с. 701.

[149] Там же, т. 3, с. 628.

ся с евангельскими истинами: «Слабость делает нас рабами, а молитва дарует нам свободу, и только от нас зависит, обретем ли мы силу, которую

сами по себе не имеем и не можем иметь; надо просить ее у Бога, и она дана будет нам».[150]

Иисус Христос обещает эту истинную свободу, и не только обещает, но и дает ее. «Если пребудете в Слове моем, – говорит Он уверовавшим, – то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными». (Ин. 8:31-32).

Чтобы иметь хотя бы самое общее представление о высоте морального учения Руссо, мы приведем слова героев его произведений, которые вполне можно поместить в сокровищницу мудрых изречений.

«В сердце войдет лишь то, что исходит из сердца».[151] «Смерть – это конец жизни для злого и начало жизни для праведного»[152] «Горе тому, кто проповедует мораль, не воплощая ее в жизнь».[153]

«Покуда существует на свете хоть один неимущий, – людям порядочным не подобает жить в роскоши».[154]

«Разум становится ограниченным по мере того, как душа развращается».[155]

«Нет более надежной дороги к счастью, чем дорога до-бродетели».[156]

«Лучший способ обрести благо – искать его чистосердечно; и если будешь его так искать, то вскоре вознесешься душою к Всевышнему Создателю».[157]

«Давая неправедную клятву, совершаешь первое преступление, а соблюдая ее – второе»[158]

[150] Там же, т. 2, с. 595.

[151] Там же, т. 1, с. 243.

[152] Там же, с. 667.

[153] Там же, т. 2, с. 60.

[154] Там же, с. 188.

[155] Там же, с. 252.

[156] Там же, с. 263.

[157] Там же, с. 304.

[158] Там же, с. 315.

«Бог даровал ему (человеку) свободу, чтобы он делал добро, совесть, чтобы стремился к добру, и рассудок, чтобы определял добро»[159]

«Праздность – мать всех пороков».[160]

«Человеку нет никакой необходимости быть ученым, зато ему очень нужно быть разумным и добродетель-ным».[161]

«Исполнимся смирения и тогда достигнем мудрости, постараемся увидеть свою слабость и тогда мы будем силь-ны».[162]

«Каким доводом против неверия может быть жизнь истинного христианина!».[163]

«Честно прожитая жизнь – вот приготовление к смерти, иного приготовления я себе не мыслю».

«Милосердия у Господа больше, чем у меня грехов, и моя надежда на прощение прорастает по мере того, как я чувствую, что все больше приближаюсь к Нему».[164]

«...Предвечного невозможно ни видеть, ни слышать, а только чувствовать; Он говорит не глазам, не слуху нашему, но сердцу».[165]

А вот слова самого Руссо: «Я знаю и чувствую, что делать добро – самое истинное счастье, какое только может быть ведомо человеческому сердцу».[166]

В заключение обратимся к последним годам жизни Руссо. Исходя из вывода: конец – делу венец, – по последним годам жизни мы можем сделать более твердое суждение о его убеждениях. Если в молодые годы Руссо заявлял, что «чрезмерное пристрастие к чтению создает лишь самонадеянных невежд»[167], то в конце жизни он пишет: «Если я не могу надеяться на приобретения в отношении полез-[159] Там же, с. 322.

[160] Там же, с. 380.

[161] Там же, с. 507.

[162] Там же, с. 595.

[163] Там же, с. 621.

[164] Там же, с. 635.

[165] Там же, с. 646.

[166] Там же, т. 3, с. 620.

[167] Там же, т. 1, с. 673

ных знаний, очень важные приобретения предстоит мне сделать в области необходимых в моем положении добродетелей. Вот каким приобретением мне было бы своевременно обогатить и украсить свою душу; она могла бы взять его с собою, когда освободится от помрачающего, ослепляющего ее тела и увидит истину без покрывала, поймет ничтожество всех этих знаний, которыми так кичатся наши лжеученые. Она будет скорбеть о мгновениях этой жизни, потраченных на погоню за ними. А терпенье, кротость, смирение, честность, беспристрастная справедливость – это блага, которые уносят с собой и которыми можно обогащаться беспрестанно, не опасаясь, чтобы сама смерть могла уничтожить их ценность для нас, этому-то единственному и полезному изучению посвящаю я в старости остаток своих дней».[168]

Дай Господь, чтобы обо этих нетленных богатствах поревновали и мы, живя на земле!

[8] Там же, т. 3, с. 596.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ. ДАРВИНИЗМ

Все современное безбожие базируется на диалектическом материализме. Для нас очень важно найти истоки этого учения. Мы имели возможность познакомиться с французскими материалистами, которые, начиная с критики пороков священнослужителей, пришли к полному отрицанию Бога. Но их учение не было подкреплено научными авторитетами: это был, можно сказать, стихийный материализм. Имея факты недостойной жизни священников, видя деспотизм господствующей католической церкви с ее инквизиционными кострами, французские материалисты, естественно, боролись с этим злом, но, не поняв, что корень зла кроется не в Священном Писании, а в нарушении евангельских истин, они дошли до атеизма и стали прямыми противниками вообще любой веры в Бога. Сделав ставку на научное просвещение общества, они мечтали о справедливой жизни, не замечая, что за атеизм ухватилось много самых низких натур, которые нуждались в оправдании своей порочной жизни, не сообразующейся со строгой христианской моралью. Руссо в диссертации «Способствовало ли возрождение наук и искусств совершенствованию нравов?» дает уничтожающую критику морали современного ему общества, показав, что

«прогресс наук и искусств, ничего не прибавив к истинному благочестию, только испортил нравы». «Всемогущий Боже! – восклицает Руссо, – Ты, в Чьих руках наши души, избавь нас от наук искусств наших отцов и возврати нам неведение, невинность и бедность – единственные блага, которые могут сделать нас счастливыми и которые в Твоих глазах всего драгоценнее!».[169]

Чтобы заглушить голос совести, откровенная безнравственность для полной свободы действий желала изгнать Творца даже из своего сознания. Естественно, когда мир услышал о трудах Дарвина, то грубое безбожие ухватилось за них, чтобы оправдать свои действия. Но об этом будем рассуждать немного позднее.

Таким образом, французский материализм явился основным источником диалектического материализма. Материалисты старались распространить безбожие среди широких народных масс, дав им свободу для политических действий. Необходима была наука, доказывающая правоту неимущих классов в их борьбе за свои права. Такой наукой стала политэкономия. Основателем школы классической политэкономии был английский экономист Адам Смит (1723 – 1790 гг.), написавший «Исследование о природе и причинах богатства народов». Английская классическая политэкономия являлась вторым источником диалектического материализма.

Всякое учение желает иметь хотя бы вид философской обоснованности. Диалектика Гегеля вполне соответствовала этому, но ведь у Гегеля процесс развития совершается Абсолютным Духом, то есть Богом. Как же быть с Богом? Взяв за основу гегелевский метод развития, материалисты решили приписать все действия не Богу, а «саморазвивающейся материи». В диалектическом методе развития Гегеля, третьем своем источнике, диалектический материализм получил видимость философской обоснованности. Можно сказать, что диалектический материализм есть эклектическое учение, иными словами, созданное на основе разных философских систем. К этому учению добавили благородное название «философия», и таким образом появилась материалистическая философия.

Теперь можно понять, почему нуждающийся в научном обосновании материализм с таким невыразимым энтузиазмом воспринял учение Дарвина. Поэтому исследование дарвинизма будет для нас иметь особо важное значение.

[169] Руссо Ж. Ж., «Избранные сочинения», т. 1, с. 62–63.

Этому исследованию мы отведем довольно много места и постараемся взглянуть на это учение без предвзятости. Для этого будем выражать не свое мнение, но мнение мужей, исполненных знания и мудрости.

Английский натуралист Чарльз Дарвин (1809 – 1882 гг.), совершая путешествие на корабле «Бигль», заметил, что насекомые, живущие на океанских островах, где дуют сильные ветры, имеют очень длинные крылья. Это наблюдение навело его на мысль, что различные виды животных могут приспосабливаться к различным условиям. Он записывал свои наблюдения, а после кругосветного путешествия посвятил себя исключительно научным исследованиям. Главными трудами Дарвина являются следующие: «О происхождении видов», «Происхождение человека и половой подбор», «Выражение ощущений», «Путешествие вокруг света на корабле "Бигль"». Эти первоисточники учения Дарвина в настоящее время распространены довольно мало, зато вместо них в изобилии можно встретить тщательно выхолощенные и переработанные материалистами суррогаты, насыщаясь которыми, неискушенные души принимают на веру события не только тысячелетней, но и миллио-нолетней давности и, преисполнившись ими, становятся воинствующими безбожниками. Любимым их доводом становятся опять-таки принятые на веру слова «наука доказала!». Что же в действительности доказала наука?

Учение Дарвина в своем первоначальном виде представляло на себя далеко не тот дарвинизм, который распространяется сейчас. Грубые материалисты – немецкий зоолог Геккель (1834 – 1919 гг.), английский зоолог Гекс-ли(1825 – 1895 гг.), английский философ Спенсер(1820 – 1903 гг.), основой философии которого является идея эволюции, а также вульгарные материалисты – один из столпов материализма Молешотт (1822 – 1893 гг.) и немецкий естествоиспытатель и философ Людвиг Бюхнер (1824 – 1899 гг.), утверждавшие, что «мозг излучает мысль так же, как печень – желчь», постарались сделать из учения Дарвина выгодные для материализма выводы. Творцу вселенной в их учении не осталось никакого места.

Сам Дарвин вовсе не был безбожником, как многие сейчас думают. Планомерность Божьего творения, изложенная в первой главе Книги Бытие, навела его на мысль, что развитие, то есть эволюция, всегда совершается от простого к более сложному. Дарвин не нарушил этой последовательности появления новых видов. В 1 главе Книги Бытие мы читаем, что, после сотворения земли и отделения воды от суши, Бог сотворил сначала растительный мир: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод" (Быт

1:11). Далее мы видим, что в воде появляется животный мир (Быт. 1:20), в Быт. 1:21 предельно сжато изложено, что сначала Бог сотворил рыб, потом пресмыкающихся, которых «произвела вода», потом «всякую птицу пернатую». Более поздние животные начинают появляться уже на земле: «Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их» (Быт. 1:24).

Надо заметить, что раскопки подтверждают эту последовательность появления новых видов и что человеческие останки находятся лишь в верхних слоях, так как человек сотворен после всех животных. Об этом повествует стих Быт. 1:26. Вот это и поражает истинных ученых. Бетекс пишет: «Есть ли во всем этом повествовании (Книга Бытие) хотя бы одно слово, не соответствующее истине? Разве наука не устанавливает положение, что на земле когда-то не было жизни, что она была дика и пустынна, покрыта безбрежными океанами и окутана глубоким мраком? Что после того атмосфера прояснилась, появилась суша и началось образование гор? Что юная земля покрылась богатым растительным миром? Что после переворотов и катастроф земной коры "моря произвели чудовищ", а в воздухе стали летать птицы? Что затем появились на земле "скоты и звери дикие", динотерии и маготерии? Что, наконец, человек, ни одной кости которого не встречается во всех предыдущих пластах, был создан после всего? Где же здесь еврейские мифы? баснословные предания? Каждое слово – истина!..

Кювье – гениальный основатель учения об ископаемых – говорил: "Моисей оставил нам космогонию, детали которой удивительным образом ежедневно подтверждаются".

Марсель Серре, которого некоторые считают величайшим из французских ученых прошлого столетия, спрашивает в "Космогонии"; "Неужели слова Библии уличаются во лжи доказанными геологией фактами? Нет, тысячу раз нет! Наука говорит то же, что и традиция".

...Известный авторитет в палеонтологии профессор Квинштедт восклицает: "Моисей, где бы он ни получил своего образования, в Мемфисе или в Вавилоне, был великий геолог"».[170]

Что же нового внес Дарвин?

Он придал преувеличенное значение внешним факторам, под влиянием которых, якобы, виды, приспосабливаясь к внешним условиям, изменялись и переходили в другой вид. Тем самым он принизил значение слов Творца:

«...и сказал Бог», – и подверг сомнению неизменные слова Бога, которые изрекались после каждого нового акта творения растительного мира «по роду его». Мы располагаем довольно обширным материалом, проливающим свет на сущность дарвиновского учения, и поэтому предлагаем вниманию читателя выдержки из книг, в которых учение Дарвина подвергнуто тщательному анализу.

Вот что пишет Бетекс в книге «Песнь творения» по этому поводу: «То, что Дарвин своей теорией, которую, впрочем, на 100 лет раньше развил Ламарк, так могуче захватил все мыслящее человечество, объясняется той истиной, которая в ней заключается, а именно, что Бог планомерно развивал Свои мысли. В повествовании о творении нельзя не заметить эволюции, постоянного движения вперед от простейшего и низшего к высшему и сложному... К тому же присоединилось у Дарвина и остроумное наблюдение столь интересной и замечательной способности многих организмов приспосабливаться к среде. Отсюда легко понять

[170] Бетекс, «Песнь творения», с. 293–295.

соблазнительную мысль объяснить на основании данной приспособляемости, данного внешнего влияния и с помощью долгих промежутков времени, происхождение всех организмов всегда из более низших и в конце концов из "клеточки, в которую", во что сам Дарвин верил, "Творец вдохнул дыхание жизни".

С восторгом ухватились ученые за столь простую и вместе с тем великую мысль, несмотря на то, что основные мировые вопросы: что такое жизнь, создание, вещь сама по себе, каковы ее задачи и наши – нисколько не решаются дарвинизмом. Впрочем, сейчас же обнаружилось, что факты с ней не согласуются, а, наоборот, наглядно утверждают неизменность видов.

Поспешно и торопливо, коль скоро тормозящее влияние культуры и цивилизации отпадает, возвращаются культурные растения и животные, разумеется также и человек, к древним видам, к прототипам, как разные породы роз, голубей, собак довольно быстро возвращаются к своему первоначальному виду. Так, выросшее из семени дерево вновь дичает, меж тем забальзамированные кошки, ихневномы, крокодилы, староегипетские ибисы, равно как и встречающиеся в кельтских раскопках цветочные семена, показывают, что в течение тысячелетий даже в подвидах не произошло никаких изменений.

Недавно добытые сведения о жизни глубин океана указывают на то, как мало “среда” Ламарка, обстоятельства и внешние факторы влияют на возникновение видов. В глубинах, где вечный мрак, в царстве пучины, с незапамятных времен, все в одном и том же состоянии, неизменно холодная, как лед, температура, страшное давление морской воды и непроницаемый мрак, на что не оказывают никакого влияния ни смена дня и ночи, ни смена времен года. По Дарвину, здесь мог бы развиться один тип, один род бесцветных и безглазых животных. На самом же деле мы здесь видим поразительное разнообразие видов, различных по форме и цвету, порою обладающих огромнейшими глазами.

На возражение дарвинистов, что изменение видов требует очень долгих периодов времени, дает прекрасный ответ геология совместно с палеонтологией, что во время образования пластов земной коры, продолжающегося, как признают дарвинисты, миллионы лет, внезапно и без всякого перехода появлялись тысячи видов, которые так же неожиданно исчезли.

...Напротив, отдельные самостоятельные виды, как мечехвосты, существуют и по сию пору и на них не заметно никаких следов эволюции. Вывод всей геологии удачно формулирует доктор К. Мюллер, отнюдь не верующий в Библию: “Велика была идея Дарвина рассматривать происхождение видов одного от другого; но, к сожалению, взгляд на прошлое, на сохранившиеся ископаемые творения различных периодов, сводит всю эту красивую идею к нулю”.

Как раз именно зоологи больше всего и чаще всего отказываются от нее. Шлейден (Маттиас Яков, немецкий ботаник, 1804 – 1881 гг.) также говорит: “Никогда еще из грибной слизи не произошла амеба, а из последней яйцевая клетка, которая через определенный промежуток времени превратилась бы в гусеницу бабочки. Несправедливо утверждать, что животные и растения в протоплазме имеют общую исходную точку. Такой живой материи, общей для обоих царств, не существует”.

Р. Франсе пишет по этому поводу: “Биология совершенно беспомощна перед проблемами отбора и образования видов”.

Доктор А. Флейшман, профессор зоологии и сравнительной анатомии в Эрлангене, прежде ярый приверженец учения о происхождении видов? отвергает эту “доктрину как пустое создание фантазии” и считает идею развития “неприемлемой для зоологии”.

Уже на конгрессе естествоиспытателей в 1887 году ясно говорилось, что дарвинизм находится в периоде умирания, и это не вызвало возражений.

Об упадке дарвинизма христианин не горюет, ибо библейское “каждое по роду его” – более прекрасная богатая

и плодотворная идея, и здесь вера больше дает духу, чем неверие.

Хотя Дарвин лично был вполне достоин уважения, тем не менее, его теория, продолжаемая его последователями, не могла принести хороших плодов, ибо она покоится на ложном основании. И, действительно, она причинила огромный вред, ибо нашла отклик в глубоком стремлении современного человека освободиться от уз сурового (морального) закона, позволяет ему верить всему или ничему не верить...

Весь мир, материальный и духовный, становится мягким, удобным, его можно великолепно приноровить к своим желаниям и страстям и найти для своего извинения оправдание... Но отметится на всех поприщах отрицание Слова Божьего “каждое по роду его”. Человек не может безнаказанно ни отнять от Слова Божьего, ни прибавить к нему. Этим провинился дарвинизм, ибо он вместо того, чтобы приблизить Бога как Творца к Его творениям, еще более отдалил Его, а во многих случаях и совсем изгнал из создания как совершенно лишнего, и тем самым придал ложно преувеличенное влияние силам природы и материальным факторам.

Но, говорит иной современный ученый почти возмущенно, ведь можно быть дарвинистом, оставаясь в то же время христианином. О, разумеется, если довольствоваться тем, чтобы быть полухристианином и полударвинистом, но в царстве Духа две половины не составляют одного целого, кто же крепко держится, как одного целого, великого библейского миропонимания от первой книги Моисея до Откровения, кто верит в то, что человек – образ и подобие Божие и в его божественную родословную, тот не может быть дарвинистом».[171]

Последний вопрос, можно ли быть одновременно и дарвинистом и христианином, вероятно, у многих вызовет недоразумение. Сейчас и дарвинисты, и христиане подтвердят, что ничего общего у дарвиниста с христианином нет. Но мы еще раз напоминаем, что у Дарвина вовсе отсутст-

[1] Там же, с. 185–191.

вуют грубые атеистические выводы. Сам он до конца своих дней оставался верующим в Бога. Для подтверждения приведем выписку из книги нашего современника П. И. Рогозина «Существует ли загробная жизнь?»: «Дарвин писал: "Есть величие в этом воззрении на жизнь с ее различными силами, изначально вложенными Творцом в значительное число форм или только в одну форму". ... Однако при помощи позднейших ученых материалистов теория Дарвина была извращена и пошла развиваться в направлении, выигрышном для безбожных выводов и многих незрелых умозаключений. Эти же "ученые" объявили Дарвина атеистом, в то время как сам Дарвин до самой своей смерти был верующим христианином, диаконом англиканской церкви и членом церковного совета».[172]

Когда Дарвин издал свои труды, то, как мы видели, было уже много врагов Библии, которые с восторгом восприняли новое учение. Геккель назвал даже книгу Дарвина «Антибытие», утверждая, что «Дарвин одним штрихом уничтожил догмат сотворения мира».

Бедный Дарвин, если бы он знал, что его книги будут так восприняты! Но мы видели, что сам Дарвин и не думал выступать против Книги Бытие, что выводы как раз взяты из этой книги, только были неправильно истолкованы. Видя, что книги Дарвина восприняты материалистами с таким восторгом и что материалисты провозгласили человека потомком обезьяны, профессор, учивший Дарвина, будучи другом его семьи, написал ему письмо, в котором сожалел, что Дарвин был его учеником. В конце письма стояла подпись: «Некогда ваш учитель и верный друг, а ныне один из потомков обезьяны».

Но и «обезьянья теория» во многом приписана Дарвину, который вопросу происхождения человека уделил незначительное место.

Во что пишет Рогозин: «Чарльз Дарвин не занимался разработкой вопроса о происхождении человека, но в одной из книг писал: "Благодаря теории происхождения ви-

[172] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 93.

дов, много света будет пролито на происхождение человека...". Зато поклонники его теории, ученые безбожники, не поскупились в пролитии этого "света".

Голландский врач и анатом Евгений Дюбуа отравился на остров Яву, где начал производить раскопки с целью обнаружить останки предков человека. В результате было обнаружено несколько зубов неизвестного происхождения, одна бедренная кость и черепная крышка. Бедренная кость

мало чем отличается от бедренной кости современного человека. Эта находка “питекантропа” (обезьяночеловека) была встречена учеными материалистами с большим энтузиазмом, но реконструкция черепа по одной только черепной крышке и нескольким зубам представляла, для всякого объективно мыслящего человека, очевидную абсурдность.

В силу этого, находка “яванского питекантропа” обсуждалась учеными на трех международных конгрессах: в Лейдене, Кембридже, Берлине с неприятными для материалистов результатами. Знаменитый немецкий биолог Рудольф Вирхов (1821 – 1902 гг.) доказал участникам конгресса, что костные останки, найденные на Яве, принадлежали гигантскому гиббону (человекообразной обезь-яне)».[173]

Вот, оказывается, какого «достоверного питекантропа», разукрашенного во все цвета в окружении доисторических растений и животных созерцали мы на уроках дарвинизма! Если бы мы тогда знали, что натурщиком для этого питекантропа служили всего навсего три вида яванских костей!

«Ученые безбожники, – продолжает Рогозин, – хватались за все подделки в надежде оправдать свое неверие, доказать истинность эволюционной теории и путем ложных данных создать своего рода безбожную апологетику.

В достижении этих целей по одному найденному зубу или облику черепа “специалисты” реконструировали не только череп, но и всего питекантропа, синантропа и дру-

[173] Там же, с. 102.

гих “тропов”, нисколько не смущаясь тем, что губы, глаза, уши, верхнюю часть носа и прочие детали, воспроизведенные по моделям этих “звеньев”, не имеют никакого основания в лежащих под ними костных частях. Было доказано, что на тех же самых головных костях можно с одинаковой легкостью изобразить отвратительную физиономию обезьяны и человека с лицом голливудского красавца.

Материалисты указывали на близость крови обезьяны и человека. Опыты с определением разных типов крови у обезьяны и человека, а также опыты переливания крови вскружили головы ученых. Оказалось, что вливание человеку обезьяньей крови не было смертельно. Ученые материалисты торжествовали победу, но не долго. Дальнейшие опыты показали, что кровь человека, влитая обезьяне, была смертельна для обезьяны. Кроме того,

нашли, что кровь лошади, овцы и козы, влитая человеку, тоже не была смертельна для человека».[174]

«Ученые сообщают, – продолжает Рогозин, что обезьяна может произносить до 20 различных звуков, но, несмотря на все усилия и старания ученых материалистов, обезьяну не могли научить произнести хотя бы одно человеческое слово. Если бы поборникам эволюции удалось научить обезьяну произнести "ура!", они давно бы исколесили весь мир».[175]

Согласно учению материалистов, формирование человека из животного мира происходило десятки и сотни тысяч лет. Перенесение действия в доисторическую эпоху было необходимо, так как раскопки показывали, что в течение двух-трех тысяч лет никаких изменений с видами животных и растений не происходит. Согласно Библии, человек существует на земле почти 6000 лет. До человека были периоды существования животного мира, но человеческие останки находятся лишь в верхних геологических слоях. Материалистам пришлось, конечно, объявить, что библейское летосчисление существования человека неверно; они

[174] Там же, с. 103-104.

[175] Там же, с. 106.

подвергли критике и шесть дней божественного творения. Глубокое исследование Священного Писания показывает, что под словом «день» разумеется не 24 часа, так как солнце сотворено лишь в четвертый день творения (Быт. 1:16-19). Какой же мерой времени измерялись тогда предыдущие три дня? У Бога, конечно, другая мера, ибо Он вечен. Священное Писание ясно говорит об этом: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3:8).

Вот что пишет Бетекс по этому поводу: «Торопливость, – говорит восточный человек, – свойственна диа-волу, потому что ему нет времени, спешит и человек, потому что смерть сидит у него за плечами и гонит, и торопит, чтобы он спешил, потому что у него короткие дни, – отсюда постоянные ошибки и поспешность в мире. Деятельность Бога не является деятельностью во времени или со временем... К чему Ему спешить? Ему принадлежит вечность. Возбраним ли мы Ему играть вечностями так, как мы играем секундами. Библейский "день" ("йом") однозвучен с греческим "аион", или "эон", "эпоха"».[176]

«Нет, это были не человеческие дни, – продолжает Бе-текс, – когда солнце не светило, и ангелы даже не знали, что такое человек. Для земли не было еще солнца, восходящего и заходящего каждые 24 часа, и на ней не было еще человека, который вечером, усталый, нуждается в 12-ти часовой ночи...

Один христианин жаловался, что детскими понятиями ему затуманили величие творения и непостижимо глубокое слово творения обратили в рассказ, но Бог стоит в возвышенном одиночестве со Своим творением, мыслит божественно, а не по-человечески и говорит о Своих великих делах, а не о днях не созданного еще человека».[177]

[176] Там же, с. 98, 101.

[177] Там же, с. 100-101.

«По-еврейски те “вечер и утро” значат “нириб и бохир” (и вечер, и утро), но также “смещение и смущение” и “упорядочение и порядок”».[178]

Таким образом, мы видим, что божественные дни творения – это целые эпохи. Ученые, пытаясь создать научно обоснованные теории возникновения хотя бы только солнечной системы, перебрали все возможные гипотезы, противоречащие одна другой. Гипотезы Канта, Лапласа, Кювье, Джинса, Шмидта, Опарина и других ученых о происхождении солнечной системы даже входили в учебники, а позже благоразумно удалялись. Еще больше гипотез существует относительно вопроса возникновения жизни на земле. Надо сказать, что большинство из них основано на случайном соединении элементов при случайно создавшихся благоприятных условиях для возникновения жизни, притом никто из материалистов даже и не пытается задать себе вопрос, откуда появились химические элементы с вложенными в них различными свойствами. Материалистам пришлось тогда объявить материю вечно существующей «объективной категорией».

Для примера приведем новейшее предположение о возникновении жизни на земле, которое, называясь теорией, принадлежит современному академику А. И. Опарину. Он пишет: «Появление на земле водоемов и, следовательно, водных растворов разнообразных веществ создало условия для самых разнообразных химических реакций... Атомы углерода начали вступать в соединение с различными другими атомами и молекулами. Одна и та же органическая молекула разными своими частями может участвовать в разных реакциях, в разного рода процессах. Вместе с тем, органические молекулы обладают большой химической подвижностью, способностью устанавливать химические связи и размыкать их, вступать в новые связи...

Так, естественно и закономерно, в силу законов природы, возникли живые тела».

[178] Там же, с. 104.

Мы не будем критиковать увенчанные лаврами науки головы, но предоставим возможность мыслящему читателю самому проанализировать всю вероятность невероятных химических реакций, управляемых законами природы. Все эти нагромождения предположений вмиг отпадают при одном признании Бога, и вывод верующего человека будет примерно таким: «В начале сотворил Бог небо и землю!.. Претыкайтесь об это вы, мудрые, ройтесь и подкапывайтесь в самодовольном обольщении вы, критики, смейтесь и глумитесь, безбожники! Сердце в груди говорит мне: здесь истина! Можете стараться сколько угодно, лучшего вы не найдете. Чего только не выдумали люди относительно начала вещей, чтобы скрыться от лица Бога, Который стоит перед ними в величавом уединении и с неограниченной властью...

Но как бессодержательны их умозаключения! Если не Бог сотворил мир, то этот мир либо вечен, либо создался сам собою. Что он не вечен, об этом он говорит сам... Это ясно видит естествоиспытатель, философ, астроном, физик и геолог, как верующий, так и безбожник...

Если же мир имел начало и его создал не Бог, то остается только допустить, что он создался сам из ничего. Но как? Может ли ничто принять решение стать чем-либо?

Какая нелепая, противоречащая всем законам природы и мышления, всем фактам, гипотеза».[179]

«Христианин, живущий с Богом, – продолжает Бе-текс, – смеется, когда у него спрашивают доказательство тому, что Бог существует. Какой сын двинул бы даже ногой, чтобы искать доказательств существованию отца, который его кормит и опекает, в доме которого он живет, любовь которого он ежедневно испытывает, слова и голос которого слышит».[180]

«Вера есть знание, – пишет далее Бетекс. – Я не только верю, что молитва дает мне утешение и мир, а также исполнение желаний, если она согласуется с Божьей любовью ко мне; я это знаю по опыту, как то, что хлеб меня

[179] Там же, с. 12-13.

насыщает, а вода утоляет жажду. Я не только верю, что неверующий несчастен и беспокоен даже в богатстве и в довольстве, я вижу, я слышу это».[181]

«Да, Бог, Бог силы; так сказано в Писании, это доказывает Его создание, это признает все более и более человеческая наука. Чудодейственные неизмеримые силы струятся в мире, текут непрерывно сверху, действуют в кажущейся мертвой материи; и все они – Божья сила. Христианин раз навсегда должен признать Бога истинной причиной всех воздействий и оставить бессмысленные речи о “мудрой, доброй и заботливой природе”. Кто же эта природа? Разве мудры моря и горы, металл и камень, или добры кислород и водород?».[182]

Да, поистине, как пишет Гегель, «природа без Духа есть труп». Лишь потому в природе много таинственного, закономерного и величественного, что там действует божественный разум. Наука только открывает законы Творца.

«Замечательные открытия, – пишет Бетекс, – не “чудеса науки”, как часто говорят, потому что наука не творит чудес, но открытие чудесных таинственных сил, вложенных Богом в Свое творение».[183]

Почему же все-таки некоторые люди отрицают Бога? Некоторым просто очень хочется, чтобы Его не было, чтобы во свете Его очей не обнаружились их темные тайные деяния, другие же, признавая Бога как Первопричину всего сущего, не хотят признать, что Он видит жизнь всякого человека и будет праведно судить мир. Вот что Бетекс пишет по этому поводу:

«Почему, брат мой, ты не хочешь быть прозрачным, как благородный алмаз, а остаешься темным, как уголь? Покажись без страха, каков ты есть, ведь тебя видят насквозь Бог и Его ангелы! Ты не будешь после того лучше, если скроешь, что в тебе; и некогда в откровении суда ты будешь все-таки явным для всех созданных. Если ты хочешь некогда светить, то будь уже здесь прозрачным; как

[181] Там же, с. 33.

[182] Там же, с. 73.

[183] Там же, с. 94.

прекрасна прозрачность ребенка, как хороша она в старом христианине, примиренном с Богом и миром, которому нечего скрывать!..

Как нелепо утверждать, что Бог, сотворивший свет и материю, не видит Сам этого света, этой материи, ее формы и цвета; это значит, говорят,

приписывать Ему человеческие качества. Итак, Он создал сотни тысяч форм листьев, цветов и плодов, ощупывает их, как слепой. Но как объяснить нежные краски цветов и бабочек, тропических жуков и т. д.

О, безумцы! – восклицает пророк и певец, – когда станете вы разумны? Но безумцы верят в это, потому что им милее бог, который не видит и не слышит их. Человек всегда старается скрыться за явлениями природы, за "деревьями сада", постоянно он боится в глубине души мгновенья, когда он нагой предстанет пред огненными очами Бога, которые пронзят его до мозга костей, до сокровенных закоулков души, увидят и произнесут одновременно уничтожающий суд».[184]

Таким образом, божественная «песнь творения» несравненно прекраснее, чем человеческие гипотезы. На каждом шагу мы видим чудо превращения мертвой материи и прекрасные формы жизни. Что было бы с животным миром, если бы на одну минуту благодеющая рука Творца была отнята от земли и растения перестали превращать минералы в питательные вещества? И, видя это чудо превращения, пользуясь благами Творца, некоторые люди пытаются отрицать творческую силу, которую Бог вложил в мертвую материю! Иоанн Златоуст говорил: «Кто вкушает без благодарения, тот как бы крадет у Бога». О, сколько таких воров Бог сейчас терпит, но им все же придется дать справедливый отчет за свои деяния!

Еще раз вернемся к теории эволюции. Профессор Бе-текс неоспоримо доказал, что эволюция не изобретена Дарвиным и Спенсером; она существует, но только у Творца, а не у творения.

[184] Там же, с. 95-98.

«Эволюция, – пишет он, – основная идея творения, почему она так и увлекает человека, но эта эволюция развития божественной идеи, она совершается в Боге, а не в творении, ничего не знающем о ней и не имеющем силу совершать ее».[185]

Напрасно также материалисты обвиняют Библию в неправильном летосчислении. Отводя тысячелетия каменному веку, в котором, по учению материалистов, люди еще не могли добывать металл, потом бронзовому и железному векам, сторонники дарвинизма считают, что эти века следовали один за другим. Но это предположение отпадает, если мы внимательно всмотримся в жизнь различных народов и племен в настоящее время. В наш век кто-то ступил на Луну, а кто-то ездит на собаках по тундре, кто-то расщепляет атом, а кто-то пользуется еще костяной иглой, кто-то живет в

небоскребах, а кто-то в хижинах из ветвей, кто-то во имя Христа полагает душу за друзей, а кто-то поедает плоть своего ближнего. Нам кажутся вполне правильными заверения ученых, что если взять младенца, предположим, у парижан, и поручить его воспитывать дикарям из джунглей и, наоборот, дикаря-младенца поручить воспитывать парижанам, то парижанин вырастет дикарем, а дикарь – парижанином. На основании этого смело можно заявить, что все различия между людьми, по цвету кожи, языку и т. д., произошли потому, что люди, после вавилонского смешения языков (Быт. 11:1-9), попали в самые разнообразные условия жизни, которые через многие поколения оказали влияние на их внешний и внутренний облик.

«“Каменный век, бронзовый и железный века, – говорит итальянский ученый Росси, – наступали одновременно в различных странах”. Ранке говорит: “Самые щедрые исследования историков простираются всего-навсего не глубже, как на две тысячи лет до Р. Х.”».[186]

[185] Там же, с. 157.

[186] Там же, с. 261.

Таким образом, библейских четырех тысяч лет до Р. Х. вполне достаточно для железного, бронзового и каменного веков, известных нам. То же самое мы можем сказать и о всех найденных черепах, по которым обычно определяют возраст человечества.

Профессор Циттель пишет: «Останки минувшей древности, сгруппированные в Европе, как и найденные в пещерах черепы, вполне соглашаются по величине, форме и вместительности с таковыми и вполне правильно устроены; они никоим образом не заполняют области между человеком и обезьяной».[187]

Не выдерживает также критики материалистический взгляд на умственные способности мозга. «Материалист говорит: “Чем больше мозга и чем тоньше мозговая масса организована, тем больше разума; чем больше фосфора, тем больше духовной силы. Больной мозг вызывает слабодушие, умалишенный никогда не имеет здорового мозга.

...Эти категорические утверждения, – продолжает Бе-текс, – были опровергнуты более высокими исследователями. Если разум зависит от количества мозговой массы, странно то обстоятельство, что у слона и кита гораздо больше мозга, чем у человека (у слона 4500 г, у кита 2500 г, у человека 1360 г). Но если здесь важно отношение к весу тела, то в высшей степени загадочно, что у столь умного слона, сравнительно, не больше

мозга, чем у головастика и черепахи, а у человека меньше, чем у певчих птиц. Что же касается различных людей, то по таблице веса мозга, составленной Бишофом, видно, что дикари и даже буш-метки (у женщины в среднем на 140 г меньше) имеют столько же мозга, как и современный образованный парижанин. Бишоф заключает: "У нас нет никаких доказательств в пользу совпадения массы мозга и его психической работоспособности".

...Столь же мало основателен взгляд, будто доисторический человек, которого мы по врожденной вежливости нашего времени считаем значительно глупее нас, имел ма-

[187] Там же, с. 262.

ленький череп с количеством мозга меньше, чем у нас. Напротив, Брока (Поль Брока, знаменитый французский антрополог, физиолог и хирург, 1824 – 1880 гг.) заявляет: "В то время, как мозг современного парижанина составляет 1553 см кубич., два черепа из пещеры имеют вместимость 1605 и 1615 см кубич., – а Вирхов доказал, что черепа обитателей свайских островов часто превосходят по величине мозга знаменитые и увенчанные лаврами головы современников".

Столь распространенный взгляд, что душевная болезнь связана неизбежно с болезнью мозга и от нее происходит, не научен и опровергнут фактами... Известные психиатры Эскироль (Жан Этьен Эскироль, французский психиатр, 1772 – 1840 гг.) и другие признали, что помешательство вовсе не связано с органическими расстройствами мозга. "На двадцать случаев буйного помешательства, – говорит Лелю (Луи Лелю, французский врач, 1804 – 1860 гг.) – приходится по крайней мере семнадцать здоровых мозгов».

...Так же недостаточна теория Молешотта и Фейербаха, по которой содержание фосфора в мозгу имеет большое значение для мыслительной способности и слишком большой процент его обуславливает умопомешательство. Лос-сен нашел, что мозг сумасшедшего содержит в себе не больше фосфора, чем мозг одаренного и неодаренного человека, и мозг рыб, которые вообще не считаются великими мыслителями, содержит много фосфора.

Таким образом, превращается в ничто материалистическая, механическая теория мозга..., рассматривающая умственную деятельность как продукт движения материи и ставящая ее на одну доску с физической работой».[188]

Приведем еще один факт, ставящий в тупик сторонников материалистической теории мозга. У писателя И. С. Тургенева мозг весил 2012 г, но два человека имели еще больше мозговой массы, чем Тургенев, и были идиотами.[189]

[188] Там же, с. 269–271.

[189] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 105.

Мы можем сделать заключение, что исторически сложившееся название «душевная болезнь» ничего общего не имеет с болезнью мозга и материалистически необъяснима. Скептики улыбаются, когда читают об одержимых, но полная беспомощность медицины в борьбе с душевной болезнью еще более укрепляет уверенность христианина, что душу мог и может лечить только Тот, слова Которого суть «Дух и жизнь».

Трудно, очень трудно искреннему человеку быть материалистом и, наоборот, материалисту – искренним человеком.

«Действительно, вполне последовательных материалистов нет, – пишет Бетекс, – они не жизнеспособны. Даже такой пессимист, как Шопенгауэр, восклицает: "Что мир имеет лишь физическое, а не моральное значение – величайшее, пагубнейшее и фундаментальнейшее заблуждение, настоящая извращенность образа мыслей"».[190]

Добросовестные ученые давно порвали с дарвинизмом. Вот что писал знаменитый биолог Рудольф Вирхов в отчете о московском антропологическом конгрессе 1892 года: «Итак, мы разбиты по всем мнениям, по которым приняли атаку. Все усилия найти непрерывность восходящего развития от животного к человеку рухнули. Нет ни проантро-поса, ни человекообезьяны, творения досужей фанта-зии».[191]

«Почему же этот, как нас уверяют, научно опровергнутый материализм, – спрашивает Бетекс, – на практике имеет миллионы приверженцев?

Потому что при таком мировоззрении очень удобно живется, потому что материализм не предъявляет к человеку никаких требований, и потому, что мало людей имеют потребность думать логично и последовательно жить.

Нет неверующего разума, есть лишь неверующее сердце. Многие думают, если они вообще над этим задумываются, так: "На научное обоснование я не обращаю внима-[190] Бетекс, «Песнь творения», с. 327. [191] Там же, с. 262.

ния; система, которая приводит к практическим последствиям, мне подходяща, она мне нравится, и я хочу по ней жить. Из всех мировоззрений она для меня самая удобная. Действительно ли она истинна и что потом будет, это мне решительно все равно"».[192]

Как бы дополняя эти выводы, Рогозин пишет: «Атеистические фанатики и ученые "всезнайки" подтасовали множество гипотез и теорий, намеренно подобрав только то, что было выгодно для их предвзятых выводов и умозаключений, и, отбросив все им противоречащее, сумели обольстить умы простодушных несколькими искаженными истинами, до сих пор еще не проверенными и не подтвержденными.

Отрицая Бога, атеисты, сами того не сознавая, этим своим отрицанием только подтверждают бытие Бога, ибо нельзя же отрицать то, чего вовсе нет, что не существует.

Фактически, если вникнуть глубже, можно убедиться, что нет даже самого отрицания Бога, а только несознательная борьба с Ним. Грешнику выгоднее, чтобы Бога и Его строгих требований морали не было, а поэтому он хочет внушить самому себе и убедить окружающих его людей, что Бога нет. Но от такого личного самовнушения атеиста Бог не перестает существовать».[193]

«Бог есть, – сказал известный итальянский государственный деятель Д. Мадзини, – мы не можем в этом сомневаться и нам не нужно этого доказывать. Всякая попытка доказать Его бытие – кощунство, а всякое отрицание Его – безумие. Бог обитает в нашей совести, в сознании всего человечества, в окружающей нас вселенной. Отрицать Бога под сводами звездного неба, у гроба покинувших нас дорогих людей или при казни христианского мученика способен только жалкий и преступный человек».[194]

Благородная душа содрогается, видя, как некоторые люди способны попирать самое святое. «Что вам, люди, сделал Христос, за что вы готовы вторично распять

[192] Там же, с. 328.

[193] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 16, 19.

[194] Там же, с. 149.

Его?! – вопрошает христианин. Но этот возглас в безбожной тьме обезумевшего мира подобен "гласу вопиющего в пустыне", а люди продолжают распинать Христа своим неверием и грехами. Очевидно, кому-то доставляет радость вид осмеянной и оскорбленной правды. Наверное,

прав был В. Г. Белинский, когда писал: “Для низких натур ничего нет приятнее, как мстить за свое ничтожество, бросая грязью своих воззрений во все святое и великое».[195]

Но что из себя представляет большинство современных безбожников?

Рогозин пишет: «Не все атеисты, нужно сказать, – люди книжные, сведущие, ученые; и не все ученые – атеисты.

Есть три рода невежд, одни ничего не знают; другие очень плохо знают то, что нужно было бы хорошо знать; третья – знают все, кроме того, что следовало бы знать.

Некоторые люди стали атеистами просто потому, что не доросли еще умственно до постановки перед собой главных проблем жизни. Некоторые из них слишком заняты накоплением материальных благ и поэтому не способны духовно мыслить. У некоторых из них нет даже мнимых “доказательств” того, что “Бога нет”, но зато есть большое желание, чтобы Его не было, тогда было бы чем оправдать свою порочность, разнузданность, произвол и бессмысленность своей жизни. Какой же толк от невежества и атеизма? – Ничего, кроме вреда».[196]

«На закате своей земной жизни, – пишет Рогозин в заключении книги «Существует ли загробная жизнь», – оглядываясь на свой многолетний путь, я вижу во всем Его (Бога) мудрое водительство...

Я радуюсь, что этот мой духовный опыт не является чем-то исключительным. Миллионы подобных мне верующих людей прошли тем же самым благословенным путем и на протяжении почти двухтысячелетней церковной ис-[195] Там же, с. 165.

196

тории свидетельствовали о том, что лучше жить, служить и умереть со Христом, чем с сатаной.

Если бы не было Бога, тогда отрицание Бога не рассматривалось бы атеистами таким великим геройством; каждый взрослый человек знает, например, что нет Деда Мороза и многих других сказочных героев, и не было еще такого случая, когда бы кто-то писал, проповедовал, доказывал, что они действительно существуют, а кто-то другой разъезжал по городам со всякими доказательствами и опровержениями этого “факта”.

Поэтому мы наблюдаем в атеизме не только отрицание Бога, но и непримиримую вражду против Бога».[197]

На чью же сторону встать? Один благочестивый христианин на предложение атеистов быть тайным их сотрудником ответил: «Лучше быть рабом Иисуса Христа, чем сатанинским генералом».

«Этот мир нам дан для того, – пишет Бетекс в книге «Песнь творения», – чтобы мы из него узнали про великую борьбу обоих начал добра и зла. Как борется в нем и в нас самих жизнь со смертью, свет со тьмою, любовь с ненавистью, дух с материей.

Как заманивает он нас внешним блеском, прельщает видимым и преходящим, удаляет от вечного и невидимого...

Ложь и обман то, что близкое нам кажется большим, а отдаленное – малым, что прошедшее прошло, а будущее неизвестно. Ложь, что этим миром управляют только естественные и элементарные законы и силы и что только ими он преобразовывается; нет, здесь только Божья сила. Ложь – вся наша жизнь, она лишь непрерывное "умирание". Ложь, что со смертью кончается все, она только начало, она – рождение. Ложь, что явления существенны и истинны, что дух только химера и что человек выдумал Бога. Где та скала, о которую мы, бедные, пригнанные волнами бытия, потоком времени, смогли бы опереться твердою ногою? Чтобы эту твердую сеть лжи, отца лжи, опутывающую нас со всеми нашими чувствами, распутать,

[197] Там же, с. 203, 205.

Бог, сотворивший нас, должен был сойти на землю и указать нам путь: "Если пребудете в Слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Ин. 8:31–32)».[198]

«Мы, рабы Бога живого, – продолжает Бетекс, – предлагаем вам именем Его жизнь во свете, которым вы должны светить, как солнце. Вы же с насмешкой отвечаете: "темные и невежественные люди!". Мы искренно молимся о вашем благополучии и об исцелении вашей души; вы же проклинаете нас, как тормоз вашего прогресса и как пагубу для человечества. Мы стараемся служить вам хорошими делами, вы же презираете нас, и с большим удовольствием растоптали бы нас ногами. Но наступит день, и мы получим свою награду и займем приготовленное для нас место. Вы же получите свою и станете на свое место, и мы навеки будем разлучены с вами».[199]

С содроганием сердца Бетекс мысленно ставит себя на место материалистов. С неопровержимой логикой и, вместе с тем, если так можно выразиться, со слезной иронией он пишет:

«...Но, быть может, эти люди действительно правы? Может быть, действительно нет ни души, ни духа, а только одна материя? Тогда да будет проклята вечная материя с ее силами природы, этим некоторым идолом, который создал нас, не зная для чего, без всякого намерения со своей стороны, идолом, который для страдания и лжи заложил в нас идеи нравственности и справедливости, долга и божества, будучи не в силах осуществить их в жизни. И да будет проклята также его эволюция, которая приносит в мир все больше и больше горя. Смутно вспоминаю, что я когда-то был пурпурной водорослью, крепко приросшей к скале, на которой прозрачный, как кристалл, пенистый поток мирно качал меня из стороны в сторону и пропитывал меня озоном, солью, йодом, и солнечные лучи оживляли меня удивительно нежно, то совсем близко, во время

[198] Бетекс, «Песнь творения», с. 344.

отлива, то на далеком расстоянии – в обычное время. Это ли не прекрасная сказочная жизнь!? А еще и гориллой я был счастливее. Свободный, беспечный, наводя ужас на всех зверей, и сам никого не боясь, бродил я с самкой и детенышами по дремучим лесам, более сильный и здоровый, чем я теперь, и находил там много плодов; я не должен был изо дня в день просиживать в поте лица своего в конторе или на фабрике, не знал тогда ни конкуренции, ни забот о пропитании, ни социального вопроса, ни лечебниц по нервным болезням. Такова была эта жизнь. Почему я должен был превратиться в человека? Какие новые невзгоды принесет мне ближайшая ступень эволюционного развития? Что придется мне выстрадать от всяких внешних влияний при более нежной и утонченной организации с изменением органов на более чувствительные, и сколько еще пертурбаций произойдет с моей усложнившейся машиной? И кто знает, какие еще моральные страдания и религиозные призраки доставит мне вечная материя и мой еще более обогатившийся фосфором мозг? Правда, ученые говорят, что эволюция может пойти и вспять. В таком случае я мог бы снова превратиться в гориллу или даже в водоросль, и тяжелый, бесцельный сон человека исчез бы. Но другие говорят, да, род человеческий может быть – достоверно мы этого не знаем – и проделает такую эволюцию, но для тебя это будет совершенно незаметно, ибо задолго до этого ты разложишься на свои составные химические элементы.

Как? Я только химическое соединение? А все мои желания и мысли, мои труды и работа, мои боли и страданья? Тогда дважды да будет проклята

материя, со всеми ее химическими механическими атомами, сделавшая меня столь несчастным!

Тогда сердце мое переполнится ненавистью и презрением к этой совершенно бессмысленной вселенной и ко мне, самому презренному продукту и игрушке неизвестных и неразумных сил. А обожатели этой материи хотят побудить меня своими добродетельными и нравственно звучащими фразами относиться с уважением к исследованию

этой материи, что я должен жертвовать собою ради нее и на благо ближнего. К чему? Попы обещают мне, по крайней мере, вечную блаженную жизнь, из-за этого стоило бы еще трудиться, но что вы дадите мне? Может быть, благодарность потомков обыкновенному человеку, одному из миллионов – могу себе представить; но, помимо того, зачем мне их благодарность, бюсты или статуи, когда я задолго до того превращусь в химическое удобрение или в виде составной части дождевого червя буду рыть землю, или в качестве сорной травы расти на дороге? Что мне за дело до счастья или несчастья, похвалы и порицания будущих химических продуктов? Должен ли я печалиться о том, что вчера в моей реторте распалось соединение из группы аминобензолов? Почему же нет, раз я сам только соединение? Или, может быть, я должен беречь каменный уголь и мерзнуть с женой и детьми, чтобы через 20 – 30 столетий не истощились запасы его сил. Безумец был бы я, если бы ради того, что вы мне предлагаете, отказался бы хоть от одного атома и без того незначительных удовольствий этой единственной жизни, и глупцом – если бы хотя на одну секунду отягчил себя религией, моралью, философией и добродетельным исполнением своих обязанностей. Лучше бутылка с вином или одурманивающий опиум! Ибо я хочу на мгновение заглушить свои страдания. Кто имеет право воспретить мне это? Но когда чаша моих страданий переполнится, к моим услугам всегда еще остается пузырек с морфием или револьвер, и тогда приобрету я покой, разложившись в газы и рассеявшись в пространстве. Но покой ли это? Мне угрожает страшная любовь и ненависть химических элементов, гнев и жадность атомов, господство страшных сил природы...

Материалистическое мировоззрение, вообще мировоззрение неверующих не дает объяснения ни вины, ни страданий мира, ни совести, которые несомненно существуют, это мировоззрение неудовлетворительно слабо и есть ни что иное, как большой обман и ложь».[200]

[200] Там же, 358-361.

«...Если мы считаем материалистическое и атеистическое учение ложным, потому что оно не способно признать целесообразности мира, то тем более мы должны считать его таковым за то, что оно не способствует отысканию справедливости».[201]

И при таком трагическом состоянии материалист–безбожник еще смеется над твердой верой христианина. Хочется напомнить всем атеистам слова актера Щепкина, который в заключении спектакля «Ревизор» подходил к самому краю сцены и бросал в глаза смеющейся публике: «Чему смеетесь? – над собой смеетесь!».

«Издевайтесь, богохульники! – пишет Бетекс. – Смейтесь! Отнюдь не из гордости и не из самоправедности, мы, дети Божии, говорим вам: "Смеется тот, кто смеется последним". А этим последним будем, безусловно мы».[202]

Напрасно безбожный мир уповает на торжество науки. Наука никого не избавит от смерти.

«Что такое наука? – спрашивает Бетекс. – Попытка осмыслить вселенную. Но ключ к ее пониманию лежит в Творце, и кто его там не ищет и не находит, тот только напрасно будет трудиться...

Самые глубокие и серьезные ученые – правда, не без сожаления, все больше и больше приходят к тому заключению, что наука – не мудрость!

Доктор Г. Шелль восклицает: "Мы насыщены фактами и ныне в нас возбуждается жажда к отысканию их причины. Нам известны законы мира, но их внутренний смысл все еще для нас представляется великой загадкой".

Увы, все наши знания, – продолжает Бетекс, – не делают нас, мир и жизнь другими и не устраняют наших страданий и долга. И, наконец, жизнь, вероятно, проще, чем мы полагаем. Мы затрачиваем много времени и труда на изучение микробов и способа защиты от них; может быть, это лучше знает дитя, которое молится по вечерам: «О, Боже, Ты так добр, возьми меня под Свою защиту», –

[201] Там же, 372.

[202]

и после этого спокойно засыпает. Если есть Бог, Который в море света и благодати ждет меня в Своей любви, то, без сомнения, единственно разумное – Его любить, ждать и на Него надеяться».[203]

Как бы человек ни был отравлен ядом атеизма, он все равно не хочет смириться с тем, что произошел от обезьяны. Попробуйте только назвать человека обезьяной, и вы увидите, как вся внутренняя сущность человека, носящего образ Божий, восстанет против такого оскорбления. Душа стремится к небу, к вечности, и даже безбожник хочет, чтобы после смерти его почитали, изучали или хотя бы вспомнили добрым словом. Разве это не голос бессмертной души?

«Но почему же столько безбожников сейчас, – спрашивает иной искатель истины, – почему Бог допускает, чтобы Его имя хулилось?». В этом тоже нужно усмотреть исполнение слов Священного Писания. Люди, изгоняющие Творца из вселенной, опускаются на последнюю ступень отпадения от Бога, исполняя слова Писания: «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: “Где обетование пришествия Его?”» (2 Пет. 3:3–4). Может быть, мы будем свидетелями того времени, когда закончится период долготерпения Божия.

Бетекс пишет по этому поводу: «В настоящее время признаком приближающегося конца является то, что Слово о начале мироздания все больше и больше отрицается, хотя в средние века встречалось грубое безбожие, однако тогда считалось само собою разумеющимся, что Бог сотворил мир... В последнем же столетии мы видим другое. Наглые отрицатели и хулители Бога широко распространились на наших улицах, в нашей науке, искусстве, литературе. Грубый материализм Молешотта, Бюхнера, Геккеля и др., философия Шопенгауэра, Гартмана, Ницше, учение многих дарвинистов, мирового социализма, необуддизм,

[203] Там же, с. 379–380.

то есть, теософия – все сводится к одному: Бог не сотворил мира, нет Творца неба и земли. Многие при этом совершенно не знают, что они опускаются на последнюю ступень отпадения, ибо возможно ли большее отпадение, чем изгнать Творца из вселенной?».[204]

Вот за что Бог будет судить безбожников, ибо самый страшный грех – это неверие в Бога как Творца и Зиждителя вселенной.

Очень много было сказано, много приведено цитат, но хочется привести еще свидетельство Ф. Моро, который написал книги «Мир и бог мира сего» и «Жизнь в Слове». О себе он пишет следующее: «Автор, ознакомившийся основательно со Священным Писанием, в течение более 25 лет изучая

философию, основанную на физических науках, и еще дольше практиковался в законоведении и может теперь с уверенностью сказать, что он не знает ни одного доказанного наукой факта, который противоречил бы хотя бы одному утверждению Библии.

Насколько ему известно, во всех принятых заключениях науки не найдется достаточно очевидностей, чтобы обвинить Библию хотя бы в едином заблуждении и неверности, очевидно такого обвинения и существовать не может...

Можно сказать, что, смотря на Библию только как на научную книгу, она во всех предметах, которых касается, не только достигла, но далеко опередила знание наших дней и всех времен в прошлом и будущем...

Другие книги не возбуждают ненависти. Могут быть книги, которых не любят, другие, к которым равнодушны. Но Библия всегда была и есть смертельно ненавидима. Это единственная Книга, которую преследовали столетие за столетием, как люди преследуют смертельного врага. Сначала пытались уничтожить ее силою. Все человеческие силы, политические и церковные, сходились, чтобы стереть ее с лица земли. Имеющему такую Книгу угрожала смерть... Но самые усиленные человеческие попытки потерпели полную неудачу. Почему?.. Борьба множества

[204] Там же, с. 406.

книг человеческих против одной Книги Библии. Авторитет ее отвергается, оспаривается истина и даже нравственность, содержащаяся в ней, права ее на человеческую совесть отрицаются, но все напрасно, – и лишь усиливается очевидность факта, что “Слово Божие живое” и жизнь его несокрушима!».[205]

Моро – сторонник единства истинной науки и истинной религии. Он пишет: «Без сомнения, настоящей борьбы между Библией и каким бы то ни было истинным открытием науки быть не может. Те столкновения, которые предполагались, возникали из слишком поспешных и ошибочных заключений, имеющих для многих цену лишь в том, что они противоречили Библии. По мере того, как наука была вынуждена весьма неохотно исправить свои ошибки и признать эти мнимые заключения недоказанными предположениями, “борьба” постепенно прекращалась, так что теперь основное учение науки не содержит никаких орудий против показаний Библии. Напротив того, человеческие исследования в области теологии, физики и палеонтологии выдвинули многие сведения, упомянутые с незапамятных времен в Библии, – факты, которые в то время не могли быть

общеизвестными. Как уже было сказано, нет ни одного утверждения в Библии, которое бы противоречило демонстрированным фактам науки. Никакие ученые исследования во всевозможных областях не могли привести достаточно веских доказательств для обличения Писания хотя бы в одном ложном утверждении.

...Почему эта исключительная Книга, – продолжает Моро, – проникая до края земли, и, несмотря на упорное сопротивление, заняла везде первенствующее место; что могло придать этому сборному произведению незначительного, одностороннего, изолированного народа такой всемирный характер? Почему все прочие произведения даровитых умов, олицетворение высшей человеческой мудрости, ограничены местом и временем в своем влиянии? За-

[205] Моро Ф. «Жизнь в Слове», с. 15–16,19,24–25.

чем эта Книга растет, а все другие умаляются? Этим замечательным влияниям нет естественного объяснения.

В наше время, когда все объясняется естественным путем, никакой мудрец не смог придумать теорию, объясняющую эти факты».[206]

Пытливый человеческий ум жаждет познать истину, но где же ее найти?

«Когда люди, – пишет Моро, – нуждаются в помощи, свете, мудрости, руководстве, знании невидимого, они обращаются к книгам, и вопрошающий человеческий ум чувствует потребность в источнике света и, сознавая, что источник этот где-нибудь существует вне его, хотя и встречает снова и снова разочарования, все же не теряет привычку обращаться к книгам за разъяснением. У него в глубине души как бы таится сознание, что желаемую помощь можно найти в какой-то книге. Но люди не могут передать в своих сочинениях того, чего они сами не имеют; и так же, которые собирают много книг, мало вознаграждены. Пустые загадки и человеческие воззрения, философские рассуждения, отличающиеся неясностью и полные противоречий, повергают ум в полное недоумение и смущение относительно всякого истинно важного вопроса...

Но для того, кто прошел через томительное и тщательное искание истины в человеческих книгах, пришел, наконец, к твердому убеждению в правоте Слова Божьего и непреодолимой силе, которую оно может дать, – человеческие книги теряют всякую цену и становятся лишь хламом, годным только для пламени. Предположения сменяются уверенностью, бесцельные догадки – положительным знанием, подтвержденным верным

свидетельством Того, Кто все знает и разумеет... Счастлив человек, кто принял Слово Божие, кто отвел ему место в жизни и в сердце, и в уме которого оно растет и пребывает».[207]

Лишь Слово Божие дает ответ на вопросы: откуда я пришел, для чего живу и куда иду? Для ученых же жизнь до

[206] Там же, с. 36.

[207] Там же, с. 44–45.

сих пор остается тайной, в которую они желают проникнуть, но ключ от нее находится у Творца.

«Невозможно проследить жизнь до ее источника, – пишет Моро, – и никакое философское учение не может объяснить это течение. Попытки последних годов объяснить жизнь как происходящую от состава разных бездушных атомов, известным образом сгруппированных вместе, потерпели полную неудачу. Профессор Гексли, один из главных защитников этой теории, который одно время предсказывал возможность произведения протоплазмы в лаборатории, должен быть сознаться перед смертью, что неизвестно еще звено между живым и неживым...

После многих лет тщательного изучения теории эволюции – изучения, произведенного с полным сочувствием к этой заманчивой теории, я, – заявляет Ф. Моро, – не нашел ни одного доказательства, указывающего на так называемый "закон" эволюции вне человеческой области.[208]

Какое же место принадлежит теории эволюции в современной науке? Недавно, беседуя с английскими туристами, мы спросили их, изучается ли дарвинизм в Англии, на родине Дарвина. Они ответили, что изучается, но и телевидение, и радио в один голос заявляют, что дарвинизм – фальшь. В Америке был даже такой случай: учитель решил рассказать ученикам о Дарвине и стал излагать процесс предполагаемого происхождения человека из обезьяны, защищая теорию эволюции. За это он был привлечен к ответственности судом. Суд над ним назвали «обезьяньим процессом».

Теории эволюции и вообще материализму Ф. Моро отводит весьма незавидное место. Он пишет: «Теперь философия материализма становится (и даже уже стала) ничем иным, как исторической фазой в развитии философской мысли; нам только остается определить и зарегистрировать это явление, а отчет о нем поставить на книжную полку, как воспоминание о том, во что некогда верили лю-ди...».[209]

[208] Там же, с. 46–48.

Исследовав всевозможные теории о возникновении планет и появлении жизни, Моро дает им такую оценку: «Что бы люди ни говорили о дифференциальности, интеграль-ности, о прогрессе однородного к разнородному, о первичной туманности, о первичной протоплазме и т. д. – все эти суждения вместе взятые своей достоверностью не превосходят “Путешествие Гулливера”».[210]

О, если бы люди поняли, что сказочным Гулливером могут увлекаться только дети! Притом если бы увлечение материализмом было безобидным, как увлечение сказкой, то можно было бы на него просто закрыть глаза; но ведь материализм желает быть воинствующим, причиняя страдания тысячам искренних людей, желающим быть «чадами Божьими», и погружает в адскую бездну своих исповедников.

Проводим еще один вывод Ф. Моро и предоставляем читателю возможность сделать собственное заключение на основании всего изложенного относительно учения материалистов.

«...Неловкость этих философов (материалистов), – заключает Моро, – обнаруживается в наши дни перед всеми теми, у кого есть глаза, чтобы видеть, и разум, чтобы понимать, что самое учение эволюции является ничем иным, как только фазой в эволюции философии. Место этой теории – в той куче хлама и обломков, которую “эволюция” оставила за собой. “Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им” (Пс. 2:4)».[211]

Данный раздел мы заканчиваем словами знаменитого французского ученого химика и бактериолога Луи Пастера (1822 – 1895 гг.), который, предвидя полный упадок материализма, говорил: «Потомки в один прекрасный день от души посмеются над глупостью современных нам ученых материалистов. Чем больше я изучаю природу, тем более изумляюсь неподражаемым делам Создателя».[212]

[209] Моро Ф. «Мир и бог мира сего», с. 7.

[210] Там же, с. 51.

[211] Там же, с. 52.

[212] Рогозин П. И. «Существует ли загробная жизнь?», с. 148.

Нам остается пока только сожалеть, что некоторые из «потомков» упорно хотят в свою родословную вписать «прабабушку обезьяну», стремясь при этом к великим целям. Как остроумно заметил один из современных

писателей, получивший, между прочим, за свою книгу тюремный срок: «Обезьяна встала на задние лапы и устремилась к коммунизму...».

Господь же предлагает всем людям совсем другую родословную. Евангелист Лука пишет о Христе, что Он Сын «Сифов, Адамов, Божий» (Лк. 3:38). Будучи Сыном Божи-им, Христос «тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1:12). И это чадо Божие, радуясь Богосыновству, восклицает: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими» (1 Ин. 3:1).

Дорогой друг, читающий эти строки, если ты еще не принял Христа как своего личного Спасителя, то хочется тебе напомнить, что Бог хочет и тебя усыновить и вписать в божественную родословную. Обратись к нему и назови Его дорогим именем «Отче наш». Откажись от отвратительного родства с животным, имеющим бессмысленную физиономию, которое тебе пытаются навязать безбожники, притом они даже не могут практически доказать свои предположения, и получается, что тебе, опять же, надо верить в происхождение от обезьян. Но что тебе даст такая «вера», или что может она хотя бы обещать? В конечном итоге, только смерть. Зачем же тебе существовать под страхом ожидания смерти, когда «жизнь явилась» во Христе Иисусе. Перед тобою только два пути и только два исхода, среднего нет.

«Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя» (Вт. 30:19).

ОТРАЖЕНИЕ ИСТИНЫ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ.

ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН

Искусство – это сфера прекрасного. В нем истина, преломляясь, получает свое отражение в различных образах. Конечно, мы имеем в виду истинное искусство, которое вполне соответствует своему высокому назначению, как определяет Гегель, «изображать если не Дух Божий, то образ Божий, затем божественное и духовное вообще».

В данном разделе мы сможем рассмотреть лишь отражение истины в музыкальном искусстве, на примере творчества Бетховена. Почему мы берем именно музыкальное искусство? Потому что сфера высокой музыки, как правило, мало доступна непосвященным. Как говорил Г. Гейне: «Там, где кончаются слова, начинается музыка».

Гегель, как уже отмечалось, основным видом искусства считал церковную музыку, которая принадлежит к «глубочайшему и сильнейшему по вдохновению, что вообще может создать искусство». Конечно, эта тема требует специального исследования. Мы не будем касаться теории возникновения музыки, заметим лишь, что все сторонники истины подтвердят правдивый вывод, сделанный французской писательницей Жорж Санд (настоящее имя Аврора Дюдеван), что «искусство зарождалось у подножия алтарей». Необходимо также согласиться с выводом немецкого композитора-реформатора Р. Вагнера, что «музыка целью быть не может, она – лишь средство выражения цели».

Почему мы останавливаемся на творчестве Бетховена? Потому что музыка, написанная на текст религиозного содержания, сама за себя говорит о своем назначении. Тако-

ва в основном музыка И. С. Баха, высоко ценимая Гегелем.

Большую часть своей жизни И. С. Бах был органистом церкви Св. Фомы в Лейпциге. Им написано около 300 духовных кантат. Глубина и величие творений Баха поражают. Если бы студентам вместо атеизма предоставили возможность услышать в живом исполнении несравненные «Страсти по Матфею» Баха, написанные для двух смешанных хоров, детского хора мальчиков, который пел на балконе, изображая ангелов, двух симфонических оркестров и органа, то, вероятно, каждый из них подтвердил бы известный вывод, что «только великие мысли порождают великие чувства». Недавно умерший профессор С. Нейгауз дал такую оценку музыке И. С. Баха: «В ней отображено единство личного и общего, индивидуума и массы, человека и вселенной и выражено звуками все заключенное в этом единстве философское, этическое и эстетическое содержание. Это укрепляет сердце и разум. Когда я играю Баха, я в согласии с миром и благословляю его».

Мы могли бы привести большой перечень композиторов, веривших в Бога и писавших духовные произведения. Есть примеры, когда многие композиторы писали музыку на один и тот же религиозный текст. Жизнь Христа, Его страдание и воскресение – вот основная тема духовной музыки.

С какой глубиной композиторы Перголези, Россини, Гендель, Глюк и др. передали страдание матери Христа в большом сочинении «Слезы матери» на стихи средневекового монаха Якопоне да Тодди:

Безутешно мать стояла, А с креста главу склоняло Тело Сына,

что распяло

правосудье Рима. Душу матери скорбящей, Стоном слезным исходящей, Меч железный,

меч звенящий Поразил незримо.

Вряд ли кто из музыкальных критиков, способных выносить непредвзятое суждение, осмелится заявить, что такая и подобная ей музыка предназначалась не для славы Бога; но как быть с инструментальной музыкой, где нет пояснительного текста? Может ли служить она своему божественному назначению или нет? Что хотели выразить в своих произведениях композиторы? Конечно, мы не хотим сказать, что вся инструментальная музыка божественна, но на примере творчества Бетховена хотим дать возможность читателям поразмыслить о назначении «великой музыки».

Всем известны слова Бетховена: «Музыка должна высекать огонь из души человека». О каком «огне» здесь идет речь? Современные музыковеды, состоящие на службе у атеизма, порой только засыпают этот «огонь» пеплом своих измышлений. В учебниках по истории музыки и в критических статьях музыковедов можно вычитать о Бетховене, что он «гений человечества», «художник масс». Одни изображают его «певцом революции», другие даже пытаются жест больного Бетховена – поднятые к небу сжатые руки – истолковать как угрозу Богу, – словом, все что угодно, лишь бы затмить значение истинного огня в музыке Бетховена.

Нас прежде всего будут интересовать убеждения Бетховена. Мы можем смело сказать, что в музыке Бетховена отражен его дух. Поскольку музыка Бетховена волнует сердца слушателей до настоящего времени, то мы можем сделать вывод, что она исходила из глубины души композитора, так как, по словам Ж. Ж. Руссо, «в сердце войдет лишь то, что исходит из сердца». Вот этот мир сердца и желательно нам увидеть прежде всего, тогда будет ясен и смысл музыки великого композитора.

Мы не знакомим читателя с биографией композитора, которую можно прочитать в учебниках по музыкальной литературе, скажем только то, что

большинство произведений Бетховена написано для музыкальных инструментов. Среди вокальных произведений известны следующие: опера «Фиделио», оратория «Христос на Елеонской горе»,

некоторые духовные песни и финал 9-й симфонии, где хор поет слова оды Шиллера «К радости»:

Обнимитесь, миллионы, Слейтесь в радости одной! Там, над звездною страной, - Бог, в любви пресуществленный! ....

Кто презрел в земной юдоли Теплоту душевных уз, Тот в слезах, по доброй воле, Пусть покинет наш союз.

Рассуждая о мировоззрении Бетховена, мы в дальнейшем будем цитировать «Эпилог» Ромена Роллана,[213] который считается одним из лучших исследователей жизни и творчества Бетховена. Хотят или нет признать некоторые современные критики, что Бетховен был человеком глубокой веры в Бога, но Р. Роллан уверенно заявляет: «Основа и вершина искусства и души Бетховена - Бог. Если этого не понимают, то не понимают ни души Бетховена, ни его искусства... Ему необходим был живой Бог, с которым он мог бы беседовать из уст в уста, как библейские люди, - Всемогущий и Спаситель».

Оказывается в музыке Бетховена надо видеть не «штурм Бастилии», а нечто совсем другое.

«Какие страстные беседы с Богом, - пишет Р. Рол-лан, - он (Бетховен) ведет! Кто умеет понимать музыку Бетховена, услышать в его патетических монологах непрерывный диалог двух “я” - души и ее Господа, Который то повелевает и гневается, то милостиво протягивает руку или восклицает: “Лазарь, восстань!”. Это присутствие Бога рядом с ним, подле него подтверждается душераздирающими воплями, написанными после Гейлигенштадского завещания в 1802 году: “Господь, оттуда, с высоты, ты читаешь в душе моей. Господь! Господь! Моя опора, моя скала. Ты все для меня! Только Ты один, Всемогущий, чита-

[213] Роллан Р. Т. 12, с. 265-319.

ешь в сердце моем... Будь же моей скалой, о, Господь, будь моим светочем, будь моим вечным стражем!”».

О, вы, музыкальные критики XX века, как могли вы только додуматься, что Бетховен «грозил Богу»! Если бы вы имели хоть капельку веры, то мы бы вам сказали: «Побойтесь Бога делать такие умозаключения!». Но что толку

вопиять к вашей душе, если в свое время от вас самих тщательно была сокрыта истина. Посему больше вины на тех, кто, сознательно противясь истине, ввел и вас в заблуждение. Внемлите этим словам и сделайте соответствующий вывод.

«Нет, вера Бетховена, – продолжает Р. Роллан, – не подлежит сомнению. Нужно только понять, что она рядится в цвета своего времени... Религиозное воззрение Бетховена опиралось обычно на два столпа кантовского учения – нравственный закон и звездное небо... Силы природы, как стихийные, так и обузданные, были ему в какой-то мере единосущны. Они приводили Бетховена в состояние экстаза и единения с Богом... Он ясно видел Бога во вселенной и вселенную в Боге».

В 1810 году в одном из писем Бетховен пишет: «Господь стоит ближе ко мне, к моему искусству, чем к другим людям. Музыка – большее откровение, нежели любая философия. Кто хоть однажды уразумел смысл моей музыки, навсегда избавится от несчастий, одолевающих людей».

Вот в чем сокрыт «смысл музыки» Бетховена, но как мало исполнителей его музыки знают об этом! Вспоминается случай, когда одного выдающегося пианиста перед выходом на эстраду застали в своей гримм-уборной стоящим на коленях перед портретом Бетховена. «Что вы делаете?» – спросили его. «Молюсь», – был ответ. «Кому?» – «Бетховену». Если бы знал этот музыкант, что за вдохновением надо обращаться не к тени Бетховена, а к Тому, о Ком сам Бетховен писал в письме за четыре года до смерти: «Нет ничего выше, чем соприкоснуться с Господом, стать к Нему ближе, чем другие люди, озарять отблеском Его божественного сияния все человечество».

Исследование творчества Бетховена поможет нам ответить на вопрос: почему творения истинных художников как бы приподнимаются от земли, а других – безжизненно влачатся по земле?

«Ум должен вознестись над землей, – пишет Р. Рол-лан, – куда на время была изгнана искра Божия, и, подобно вспаханному полю, которому крестьянин доверил драгоценное семя, должен расцвести и дать обильные плоды, чтобы, таким образом, обогащенным вернуться к источнику, от которого взял начало».

О Бетховене часто пишут, что он был очень настойчив и горд, но почему он был таким? На этот вопрос можно ответить лишь при глубоком знании души Бетховена. Р. Роллан так отвечает на этот вопрос: «В вопросе о Боге нельзя

уступать! А искусство – живой Бог. Этот чудесный дар получен вовсе не для того, чтобы снизить его до уровня людей, а для того, чтобы поднять их до его уровня». Таким непреклонным Бетховен был для людей, не понимавших назначения его музыки, но перед Богом он был вполне смиренным.

«Бетховена окрылил не только гений, но и вера, – пишет Р. Роллан. – Его справедливая гордыня в единоборстве с людьми смягчалась бесконечным смирением перед “Великим Учителем музыки”. “Там высоко, там высоко, там высоко! Какая насмешка, – говорил Бетховен, – что здесь, внизу, где мы обитаем, мы присваиваем это имя (Учитель) пигмеям!”».

С человеческой точки зрения, жизнь Бетховена представляла собой бесконечную цепь страданий, но он среди страданий находил подлинное счастье в единстве с Богом и в служении людям. Слушая игру одиннадцатилетнего Ференца Листа, он произнес слова, определяющие цель его собственной жизни: «Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям».

«Мы, смертные, – пишет Р. Роллан по этому поводу, – с бессмертной душой, рождены лишь для страданий и радости, и можно даже сказать, что избранные вкушают радость через страдания». Интересно отметить, что такой

же вывод был сделан и В. Г. Белинским: «Кто не научится страдать, тот не научится и блаженствовать!».

Вот оно, подтверждение истинного блаженства, провозглашенного Христом: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах!» (Мф. 5:4,10–12).

Осознавая смысл блаженства, Бетховен вовсе не «боролся с судьбой», а, наоборот, полностью предавался воле Бога, веря в «грядущее утро». В 1818 году Бетховен, не имея возможности общаться с людьми из-за глухоты, находясь в трагическом состоянии, пишет: «Я хочу терпеливо снести все превратности судьбы и целиком уповать лишь на Твою неизменную доброту, о, Господи! Моя душа должна радоваться, что она безраздельно принадлежит Тебе!». Вот он, источник радости Бетховена!

Много времени потратил Бетховен на поиски «темы радости» в 9-й симфонии. Как отразить ту небесную радость, когда «миллионы сольются

радостно в Боге?» После долгих поисков выкристаллизовалась удивительно чистая, прекрасная и, в то же время, очень простая «тема радости».

Р. Роллан пишет об этой теме: «Когда у человека, –, – остается только один собеседник, его Господь, уже нет нужды в высокопарных фразах». Этот вывод вполне согласуется со словами итальянского учителя пения Николы Пор-поры: «Великое, истинное и прекрасное в искусстве – это простота». Такой и является «тема радости» в 9-й симфонии Бетховена. Она как бы зовет от земли к небу, где не кончается, а только сливается в аккорд неземного блаженства в единении с Небесным Отцом.

«Бетховен понимал, – пишет Р. Роллан, – и потому он нам еще дороже, – что все здесь, на земле, – игра, и хотя из всех забав божественное искусство – самая прекрасная, это всего лишь мечта, стремящаяся стать явью в грядущем утре». Все свое творчество Бетховен приносит в дар Богу: «Во славу Всемогущего, Вечного и Бесконечного!».

Только исходя из данного посвящения, можно понять огромную силу «огня» музыки Бетховена, которую он считал «необходимым для счастья народов искусством».

Анализируя творчество Бетховена, мы видим в нем глубокое стремление отобразить истину в прекрасных образах. Музыка Бетховена вдохновляет и учит нас, особым языком передавая сокровенные стороны истины. С. Ней-гауз так отозвался о музыке Бетховена: «Когда мне было пятнадцать лет, я жалел о том, что Бетховен не “перемолол” свою музыку на философию, ибо я думал, что эта философия была бы лучше кантовской и гегелевской, глубже, правдивее, человечнее».

«Я большему научился у него, Бетховена, – пишет Р. Роллан в заключении, – чем у всех учителей моего времени. Всем, что есть во мне лучшего, я обязан Бетховену. Думаю, что множество скромных людей во всех странах, как и я, обязаны ему тем, что сохранили прозрачными родники своей жизни и неустанное стремление к свету и чистому воздуху горных вершин. В эпоху, которая ищет своего утраченного бога на земле и в небесах, среди философов и героев, а также в собственных кровавых мечтах и новом мире, Бетховен один из самых надежных носителей идеи Бога. Он указывает нам путь. Он ведет нас».

В дневнике Бетховена есть запись, оставленная на прощанье друзьями: «Назначение человека – познать истину, любить красоту, желать хорошее, делать самое лучшее». Можно сказать, что Бетховен старался в жизни

исполнить эти слова. Дай Бог, чтобы и мы горели желанием познать истину и служить ей.

Заканчивая данный раздел, можно сделать вывод, что без полета веры в небо искусство обречено влачиться по земле.

Лев Толстой в труде «Что такое религия?» пишет: «Религия, как была, так и остается главным двигателем, сердцем жизни человеческих обществ, и без нее, как без сердца, не может быть разумной жизни».[214]

[214] Толстой Л. Н. Т. 14, с. 190.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

Г. С. СКОВОРОДА, Л. Н. ТОЛСТОЙ, В. С. СОЛОВЬЕВ

Философская мысль России XVIII – XIX веков сделала большой шаг вперед. В современных учебниках, мы, как правило, встречаем имена тех мыслителей, которые больше прославились в области литературы и социологии, чем в философии, и которые более соответствуют духу материализма. Но мы очень мало знаем о таких мудрецах, как Г. С. Сковорода и В. С. Соловьев. Вместо того, чтобы сделать все возможное для распространения произведений В. С. Соловьева, глубиной мысли которого восхищаются поборники истины всего мира, материалисты постарались приложить все усилия, чтобы даже имя В. С. Соловьева не упоминалось. Мы остановимся на трех упомянутых именах, потому что о Сковороде и Соловьеве большая часть современной молодежи знает очень мало, а творчество Л. Н. Толстого просто невозможно обойти молчанием, так как он стоит в первом ряду писателей и мыслителей XIX и начала XX веков.

Украинский философ Григорий Саввич Сковорода (1722 – 1794 гг.) известен только той части русских людей, которые, не страшась трудностей, ищут истину. Сковорода обошел пешком всю Европу, был преподавателем Харьковского коллегиума (потом переименованного в семинарию). Странствуя по Малороссии, он вел философские беседы, имевшие большой успех у слушателей. Из его произведений наиболее известны «Асхань, о познании самого себя» и «Начальная дверь ко христианскому благонравию».

Григорий Саввич Сковорода дорог нам тем, что среди обрядового христианства он проповедовал живую веру, ос-

нованную на любви к Богу и к людям. Он говорил, что надо любить все человечество, а не часть людей, прикрываясь патриотизмом. Настоящий патриот вмещает в свое сердце всех людей, если же любовь его сосредотачивается только на кучке своих единомышленников и единоплеменников, то такой «патриотизм» американский писатель Ам-броз Бирс назвал «последним прибежищем негодяя».

Г. Сковороде принадлежат слова: «Тесно орлу летать в клетке». Действительно, для христианской любви не может быть преград, она готова обнять все человечество. Сковорода разоблачает ложных толкователей закона Божьего, которые только прикрывались им, а на самом деле, выполняя повеление государственной религии, оправдывали любое преступление государства.

«Если то, что выдается за закон Божий, - говорит Сковорода, - не требует любви, то все это человеческие выдумки, а не закон Божий».[215]

Вера в сверхъестественное, по Сковороде, присуща всем народам, независимо от их культурного уровня. Этим он опровергает атеистический тезис, якобы у первобытных людей был безрелигиозный период, а различные верования стали появляться позднее, когда первобытный человек, боясь явлений природы, стал выдумывать богов. «Во все времена, - пишет Сковорода, - у всех народов была вера в то, что какая-то невидимая сила держит мир».

У древних сила эта называлась: всемирный разум, природа, жизнь, вечность; у христиан эта сила называется - Дух, Отец, Господь, Разум, Истина.

«Мир, видимый, переменный, - как бы тень этой силы. Истинно существует только невидимая сила - Бог».[216]

Бога нужно видеть за всеми явлениями видимого мира. Познать Его можно только верой, а не разумом, так как Бог Бесконечен и Безначален. Если мы стремимся своим ограниченным и конечным разумом познать Бога, то мы

[215] Толстой Л. Н. «Путь жизни», с. 292.

[216] Там же, с. 65.

нарушаем аксиому «нельзя объять необъятное». Если порой нам кажется, что все же мы своим разумом познали сущность Бога, то есть, все же «объяли

необъятное», то, значит, наше представление о Боге неверно, так как мы в этом случае полагаем предел беспредельному, а Бог беспределен.

Сковорода пишет: «Зачем ты спрашиваешь об имени Моем? – говорит Бог Моисею. – Если позади того, что движется, ты можешь видеть то, что всегда было, есть и будет, то ты знаешь Меня. Мое имя такое же, как Моя Сущность. Я – Сущий. Я то что есть.

Кто желает знать Мое Имя, тот знает Меня».[217]

Познавая верою бесконечную сущность Бога, мы должны выяснить свое отношение к Бесконечному, то есть, познать самих себя, свое назначение. Познание себя включает три вопроса, на которые отвечает человеку Библия: 1) Откуда я пришел? 2) Для чего я живу? 3) Куда иду?

В правильном ответе на эти вопросы заключен смысл человеческой жизни – тайна счастья. Но люди, часто забывая главное, тратят жизнь на малозначащее или совершенно ненужное, поэтому и не находят удовлетворения в жизни.

«Мы измерили, – говорит Сковорода, – Землю, Солнце, звезды, морские глубины, лезем в глубь земли за золотом, отыскали реки и горы на Луне, открываем новые звезды и знаем их величину, засыпаем пропасти, строим хитрые машины; что ни день, то все новые и новые выдумки. Чего мы только не умеем! Чего не можем! Но чего-то, и самого важного, все-таки, не хватает нам. Чего именно, мы и сами не знаем. Мы похожи на маленького ребенка: он чувствует, что ему нехорошо, а почему нехорошо – он не знает.

Нехорошо нам оттого, что мы знаем много лишнего, а не знаем самого нужного: самих себя. Не знаем Того, Кто живет в нас. Если бы мы знали и помнили то, что живет

217

в каждом из нас, то жизнь наша была бы совсем дру-гая».[218]

«Мы все находим, – продолжает далее Сковорода, – только самих себя не умеем найти. Удивительное дело! Человек живет на свете много лет и не может заметить за собою, когда он чувствует себя лучше всего. Только бы замечал это человек, и ему ясно станет, в чем его истинное благо; ясно станет то, что хорошо ему бывает только тогда, когда в душе его любовь к людям.

Видно, мы мало размышляем наедине, что до сих пор не знаем этого. Мы извратили наш ум и не стараемся познать то, что одно нам нужно.

Если бы мы хоть на время остановились в нашей суете жизни, вникнули бы в себя, мы бы поняли, в чем наше благо.

Тело наше слабо, нечисто, смертно, но в нем скрыто сокровище – бессмертный Дух Божий. Стоит нам сознать этот Дух в себе, и мы полюбим людей, а если полюбим людей, то получим все то, чего желает наше сердце: будем счастливы».[219]

Пока человек живет под страхом смерти, то никакого разговора о счастье жизни быть не может. Только при сознании бессмертия души человек в радости может полностью посвятить себя добродетели, в противном случае он если и бывает радостен, то только на короткое мгновение, когда забывает о своей смертности.

«В самом рождении, – говорит Ф. Энгельс, – уже заложен начаток смерти». Жизнь человека без веры в Бога и надежды на Его милость представляет из себя медленное умирание, как гласит мудрое изречение: «Пока человек живет, он надеется, а пока надеется – живет».

«Люди боятся смерти, – говорит Сковорода, – и желают жить как можно дольше. Но если смерть есть несчастье, то не все ли равно – умереть через тридцать или через триста лет? Много ли радости для приговоренного к

[218] Там же, с. 34.

[219] Там же, с. 87.

смерти в том, что товарищей его казнят через три дня, а его – через тридцать дней? Жизнь, которая вся кончилась бы смертью, была бы самой смертью».[220]

Чтобы жизнь человека не представляла собой такого медленного умирания, нужно отказаться от всего подверженного тлению и жить для нетленного.

«Ты хочешь доставить как можно больше удовольствия твоему телу? – спрашивает Сковорода. – Но долго ли будет жить твое тело? Заботиться о благе тела – это все равно, что строить себе дом на льду. Какая радость может быть в такой жизни, какое спокойствие? Не опасаешься ли ты постоянно, что рано или поздно лед растает – рано или поздно придется тебе оставить смертное твое тело.

Перенеси же дом твой на твердую почву – работай над тем, что не умирает: улучшай свою душу, освобождайся от грехов, соблазнов и суеверий. В этом благо».[221]

Но как достичь этого блага? Как жить для души? Для этого необходимо исполнять закон Божий, но закон Божий так трудно исполнить, ведь Моисей заповедал, по подсчету раввинов, 248 запрещений и 365 заповедей, то есть, целых 613 заповедей и запрещений нужно было не только помнить, но и исполнять, чтобы быть благочестивым. Но это же невозможно! И никто не смог, кроме Христа, исполнить закон. Благодарение Богу, что Иисус Христос есть исполнение закона! Кто принимает Христа как своего Спасителя, тому Он предлагает «новую заповедь»: «Да любите друг друга», – и весь закон сводит к любви к Богу и ближнему. Но трудно ли любить ближнего? Одним очень просто, а другим, которые живут не «по духу», а «по плоти», – весьма тяжело.

«Говорят, что исполнение закона Бога трудно. Это неправда, – пишет Сковорода. – Закон жизни ничего не требует от нас, кроме любви к ближнему. А любить не трудно, а радостно».[222]

[220] Там же, с. 467.

[221] Там же, с. 92.

[222] Там же, с. 21.

Если любовь несет с собой только радость и счастье, а любить дано всем, значит, люди могут быть счастливыми.

«Благодарение Богу, – продолжает Сковорода, за то, что Он сделал нужное людям нетрудным, а трудное – ненужным. Нужнее всего для человека счастье, а счастливым быть легче всего. Благодарение Богу!

Царствие Божие внутри нас. Счастье – в сердце, если в нем любовь.

Что было бы, если бы счастье, нужное каждому человеку, давалось бы местом, временем, состоянием, здоровьем, силою тела? Что было бы, если бы счастье было или в одной Америке, или в одном Иерусалиме, или во времена Соломона, или в царских чертогах, или в богатстве, или в чинах, или в пустынях, или в науках, или в здоровье, или в красоте?

Разве возможно было бы всем людям жить в одной Америке или Иерусалиме, или жить в одно и то же время? Если бы счастье было в богатстве, или здоровье, или в красоте, то ведь тогда все бедные, все старики, все больные, все некрасивые были бы несчастны. Неужели Бог лишил всех этих людей счастья? Нет, благодарение Богу! Он трудное сделал ненужным, сделал так, что нет счастия в богатстве, нет его ни в чинах, ни в

красоте тела. Счастие в одном – в доброй жизни, и это во власти каждого».[223]

Да поможет Господь каждому найти это счастье и уже здесь, на земле, ощутить преддверие неба!

Имя «великого писателя земли русской» Льва Николаевича Толстого известно всему миру. Даже те, кто не разделял его убеждений, вынуждены были признать, что «в Европе рядом с ним поставить некого», – это слова В. И. Ленина.

Л. Н. Толстой (1828 –1910 гг.) родился в Ясной Поляне тульской губернии. Он происходил из графского рода. В 9 лет он остался круглым сиротой. С 1844 по 1847 годы Толстой учился в Казанском университете, сначала на фа-

[223] Там же, с. 490–491.

культете восточных языков, потом на юридическом. В 1847 году он оставил университет и уехал в свое имение – Ясную Поляну. Начав литературную деятельность с мелких рассказов, Толстой на 41 году жизни заканчивает крупнейшее свое произведение «Война и мир». Позднее Толстой отзывался о своих литературных произведениях, что они были написаны в погоне за славой человеческой. Духовные вопросы еще не стали основой его жизни.

Разочаровавшись в светской жизни, Толстой обращается к философии и религии. Он останавливается на единственной, по его мнению, основной идее жизни – идее религиозной. Основой его мировоззрения становится отрицание учения мира во имя учения Христа. Толстой начал раздавать свое имущество, вести простую трудовую жизнь. Он старался на практике осуществить учение Иисуса Христа, повелевающее любить всех людей, не противиться злому, запрещающее убивать себе подобных. В своих произведениях он показывает подлинное лицо православия, выполняющего роль оправдателя любых деяний государства и часто действующего вопреки учению Иисуса Христа.

Описывая набор юношей в царскую армию, Толстой с нескрываемой теплотой повествует об юноше, который открыто заявляет военачальнику, что не может идти в армию, так как Христос запрещает убивать людей. Начальник, перебивая его, кричит на него и, обращаясь к присутствовавшему здесь же, при наборе, священнику, повелевает: «Батюшка, докажи ему, что можно убивать... Следующий!..».

Толстой не мог принять суеверия и многие обряды православия, расходившиеся с учением Христа. Церковный синод постановил отлучить Л. Н. Толстого от православной церкви. В его жизни наступает трудный период, когда многие, не понимая его убеждений, отвернулись от него. Приходили даже письма, в которых высказывалась прямая угроза; в то же время сотни людей со всех концов России, Европы и Америки ежедневно обращались к нему лично и письменно за разрешением своих сомнений и нрав-

ственных страданий. Каждое слово, выходящее из-под пера Толстого, разносилось по всему миру.

Самым выдающимся произведением Л. Н. Толстого, отражающим его религиозно-философские воззрения, является «Путь жизни». В нем Толстой собрал мудрость всех веков, подтверждая вывод Г. Сковороды, что вера присуща всем людям.

Мы приведем лишь некоторые мысли Л. Н. Толстого из этого произведения, так как каждый интересующийся может сам убедиться в глубокой вере Л. Н. Толстого, прочитав хотя бы один 45-й том его сочинений.[224]

Необходимо заметить, что во взглядах Толстого есть и расхождение с учением Иисуса Христа. Признавая полностью моральное учение любви Христа, Толстой, в то же время, не признает многих чудес, сотворенным Христом, ставя тем самым под сомнение Его Богосыновство.

Толстой даже написал собственное евангелие, отражающее его взгляды на учение Христа. Необходимо также отметить, что учение Толстого о непротивлении злу насилием, правильно отражая сущность христианской любви не только к друзьям, но и к врагам, в то же время имеет некоторое отклонение от евангельской основы.

Христос заповедал: «Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39).

Бог повелевает любить врагов и в то же время ненавидеть зло; не противиться злому, но противостать диаволу, Толстовское же «непротивление злу» порождает пассивность веры.

В Священном Писании мы находим много мест, указывающих, что со злом нужно бороться. «Любящие Господа, ненавидьте зло!» (Пс. 96:10). Сам Христос в Откровении говорит, что «ненавидит» лжеучение (Отк. 2:15). Как же правильно поступать во всех случаях, когда «злой» нападает?

[224] Толстой Л. Н. «Путь жизни», т. 45, Москва, 1956.

Господь призвал нас к миру. Всех миротворцев Христос называет «блаженными», «ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). Автор Послания к Евреям пишет: «старайтесь иметь мир со всеми...» (Евр. 12:14). Но, очевидно, не всегда возможно сохранить мир с инакомыслящими, так как противники Бога предлагают мир за счет святости, но на это христианин не может пойти, так как без святости «никто не увидит Господа». Поэтому апостол Павел более конкретно поясняет, как поступать христианам: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). Христианин должен искать мира, но слова «если возможно» как раз говорят, что он не всегда найдет мир с инакомыслящими, если останется на позициях святости Божией. Особенно трудно христианам вести себя мирно с атеистами, которые обязательно хотят быть «воинствующими». Мир Божий никак не вмещается в их сердце, и они начинают мириться лишь с тем христианином, который пойдет на сделку с ними, теряя святость. Подобная картина описана в 1 книге Царств: «И пришел Наас Аммонитянин, и осадил Иавис Галаадский. И сказали все жители Иависа Наасу: заключи с нами союз, и мы будем служить тебе. И сказал им Наас Аммонитя-нин: я заключу с вами союз, но с тем, чтобы выколоть у каждого из нас правый глаз и тем положить бесчестие на всего Израиля» (1 Цар. 11:1-2).

Поэтому-то у мирных христиан всегда было много гонителей и поэтому-то «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Лишь тот найдет мир и благоволение у Нааса Аммонитянина, кто согласится жить «с выколотым правым глазом», а с остальными будет, как написано в псалме: «Я мирен: но только заговорю, они - к войне» (Пс. 119:7).

Как же правильно поступать во всех случаях, когда «злой» нападает? Один из сподвижников Божиих дает такой совет: «Ударь по сатане в человеке, но бойся задеть Бога!».

Каждый человек есть образ Божий, но если он не покоряется добровольно воле Божьей, то его «диавол уловляет в свою волю». (2 Тим. 2:26). Есть даже прямые агенты сатаны, «сыны противления», которые полностью выполняют сатанинскую волю. Но и они сотворены Богом по Его образу. Исходя из этого, мы делаем вывод, что никакой человек не является олицетворением зла. Притом, как утверждает Толстой, злом зло не истребишь, так как зло отмщенное порождает еще большее зло; победить зло можно только любовью. «Суеверие государства» как раз заключается в утверждении, что

насилием можно победить зло. Вред этого суеверия в том, что государство заставляет подчас добрых людей делать дела противные их совести и учению Христа.

«Лжеучение государства, – пишет Лев Толстой, – вредно уже одним тем, что выдает ложь за истину, но больше всего вредно тем, что приучает добрых людей делать дела, противные совести и закону Бога: обирать бедных, судить, казнить, воевать – и думать, что все эти дела недурные».[225]

«Противиться злому» мы, христиане, не должны, но должны противостать злу и победить его. Мы должны сражаться не против человека, «не против крови и плоти», но против зла в человеке, «против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Для борьбы со злом мы должны быть вооружены соответствующим оружием.

Апостол Павел пишет: «Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:14–17), – вот облик Христова воина, готового бороться со злом.

[225] Там же, с. 259.

Необходимо еще сказать, что Христос повелел прощать, а не карать человека; побеждать зло можно только любовью. Хотя у Толстого, как мы видим, есть уклонение от евангельского «не противься злому», но, в то же время, его учение подрывало устои государственной религии, стремящейся подделывать учение Христа для оправдания преступлений государства. Как тогда на Толстого, так и сейчас на христиан обрушивается масса обвинений лишь за то, что они, следуя заповеди Божией, не хотят убивать людей. Люди привыкли оправдывать свои злодеяния избитым тезисом, что, якобы, есть плохие люди и плохие государства, а мы – хорошие, и если не убивать плохих людей, то есть врагов, то они обязательно убьют нас. Но кого нужно будет убивать, кто будет убивать и с кем надо будет воевать, если все люди согласятся исполнить заповедь «не убей»? Притом, если бы люди захотели исполнить заповеди Христа, то они скорее готовы были бы принять смерть, чем убивать людей. Вот здесь и вскрывается сущность неверующего человека: исполнять закон Христа – не хочу, а хорошим казаться – не против; соблюдать заповедь «не убей» – преступление, а против войны подниму обе руки.

«Странное дело, – говорит Г. Гейне. – Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, морали и патриотиз-ма».[226]

В «Пути жизни» Толстой, собрав мудрые изречения, расположил их по темам, раскрывающим отношение человека к вечности. Вопрос бытия души и Бога решен Толстым вполне положительно, отсюда вытекают высокие требования к жизни человека.

«Пчеле, чтобы жить по своему закону, – пишет Толстой, – надо летать, змее ползать, рыбе плавать, а человеку любить. И поэтому, если человек, вместо того, чтобы любить людей, делает зло людям, он поступает так же странно, как если бы птица стала плавать, а рыба – ле-тать».[227]

[226] Там же, с. 421.

Одна любовь, простирающаяся до неба, способна соединить людей. Стоит только людям обрести общую прекрасную цель, и они уже будут едины.

«Если два человека, – продолжает Толстой, – идут из Москвы в Киев, то как бы далеко они ни были друг от друга, – пускай один подходит к Киеву, а другой только вышел из Москвы, – они все же идут в одно место и рано или поздно сойдутся. Но как бы близко ни были люди, но если один идет в Киев, а другой в Москву, они всегда будут врозь.

Так и люди. Святой человек, если он живет для своей души, и, самый слабый грешный человек, если только он тоже живет для души, живут одним и тем же и рано или поздно сойдутся. Если же два человека живут вместе, но один живет для тела, а другой для души, то им не миновать расходиться все дальше и дальше».[228]

Толстой приводит слова французского астронома и мыслителя Фламмариона (1842 – 1925 гг.), который совершенно ясно высказывается, кому нужны войны и в каком неведении находится человечество относительно военного вопроса.

«Обитатели земли, – пишет он, – находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в газетах рассуждения правителей народов о том, с кем и как надо соединиться для того, чтобы воевать с другими народами; сами же народы при этом позволяют своим руководителям располагать ими, как скотом, ведомым на бойню, как будто жизнь каждого человека не есть его личная собственность.

Обитатели нашей планеты все воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена и что все это гораздо важнее сознания человечности. Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, – это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны. Но дело в том, что в каждом государстве существуют еще миллио-[227] Там же, с. 83. [228] Там же, с. 83.

ны дармоедов, которым нужна война и которые без войны не могли бы продолжать быть дармоедами. Вот эти-то дармоеды и мешают мыслящим людям согласиться перестать участвовать во всевозможном убийстве».[229]

Обещаемый людям прогресс тоже не принесет счастья, если будет забыт закон любви.

«Без любви, – пишет Толстой, – телефоны, телеграфы, летательные машины не соединяют, а, напротив, все больше и больше разъединяют людей».[230]

Любить нужно всех людей, а не кучку единомышленников. «Как вся вода вытечет из ведра, – продолжает Толстой, – если в нем будет хоть одна дырочка, так и все радости любви не удержатся в душе человека, если в нем будет нелюбовь хоть к одному человеку».[231]

Любить всех людей можно только с чистым сердцем. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8), – учил Христос. Кто любит людей искренней любовью, тот безусловно чувствует присутствие Бога в своем сердце, ибо «Бог есть любовь». Божественная любовь к людям возможна лишь при решимости полностью повиноваться водительству Святого Духа, Который производит в сердце человека плод. Первым и самым необходимым качеством плода Духа является любовь. Как в «лукавую душу не войдет премудрость» (Прем. 1:4), так и порочный человек не может быть исполнен божественной любовью. Поэтому нужно «больше всего хранимого хранить свое сердце» (Пр. 4:23)

«В молодости люди, – пишет Толстой, – не зная истинной цели жизни – единения любовью, ставят себе целью жизни удовлетворение похотей тела. Хорошо бы было, если бы это заблуждение оставалось только заблуждением ума; но дело в том, что удовлетворение похотей тела загрязняет душу, так как человек, загрязнивший похотливой жизнью свою душу, уже теряет способность находить свое благо в любви. Это подобно тому, что бы сделал

[229] Там же, с. 265.

[230] Там же, с. 88.

[231] Там же, с. 89.

человек, который для того, чтобы добыть чистую воду для питья, опоганил бы тот сосуд, которым ему придется черпать эту воду».[232]

Но как быть тому, кто не смог сохранить в чистоте свою душу? Толстой дает такой совет: «Чисто обутый человек осторожно обходит грязь, но раз оступился, запачкал обувь, он уже меньше остерегается, а когда видит, что обувь вся испачкана, уже смело шлепает по грязи, пачкаясь все больше и больше.

Так и человек смолоду, пока он еще чист от дурных и развратных дел, бережется и сторонится от всего дурного, но стоит раз-другой ошибиться, и он думает: берегись не берегись, все то же будет, и пускается во все пороки. Не делай так. Запачкался – вытирайся и будь еще осторожнее; согрешил – кайся и еще больше берегись греха».[233]

Конечно, сам себя усовершить человек никогда не сможет... Учение Иисуса Христа тем и отличается от всех человеческих моральных учений, что оно способно возродить человека для новой жизни, это и есть «рождение свыше», рождение от «воды и Духа», а не подбеливание «ветхого греховного Адама». Только Дух Святой через Слово Бо-жие – эту «живую воду», указывая на жертву Иисуса Христа, приводит человека к покаянию. Покаяться – это значит повернуться в противоположную сторону: кто стоял лицом к миру и греху, должен повернуться к ним спиной, а лицо обратить ко Христу и идти к Нему ближе и ближе. Кто любил грех, должен теперь его возненавидеть, так как он порождает только смерть, и возлюбить больше жизни Спасителя Иисуса Христа, даровавшего жизнь.

Иисус Христос пострадал за всех людей. Его «кровь очищает от всякого греха». Всякий исповеданный грех прощается. «Придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 1:18).

[232] Там же, с.91.

[233] Там же, с. 98.

Прощая все грехи человеку, Христос говорит ему: «Иди и впредь не греши». Здесь выявляется еще одно отличие учения Иисуса Христа от других моральных учений: те только зовут к добродетельной жизни, но не дают силы для борьбы с грехом, Господь же говорит: «И дам вам сердце новое и дух новый дам вам» (Иез. 36:26). Христос избавляет не только от возмездия за грех, но и от господства греха и даже от присутствия греха, ибо тело

предоставляется как «жертва живая, святая, благоугодная Богу, для разумного служения» (Рим. 12:1).

Кто любит истину и справедливость, тот тотчас принимает Иисуса Христа, ибо видит, что правда только у Него, но упивающийся грехом и видящий в этом чуть ли не цель жизни, обычно противится учению Иисуса Христа, которое призывает в корне переменить жизнь.

«Часто люди, – пишет Толстой, – не соглашаясь с учением Христа в его настоящем смысле, не соглашаясь с воздаянием добром за зло, говорят, что если принять это учение, то разрушится весь привычный порядок жизни и что поэтому учение это нельзя принять. А между тем учение Христа и есть именно такое учение, которое должно разрушить дурное устройство нашей жизни. Оно затем и проповедано миру, чтобы разрушить старый дурной порядок и установить на его место новый, хороший».[234]

Над человеком, живущим по учению Христа, смерть, так пугающая людей, уже не имеет власти. Христос обещает, что «если и умрет» верующий в Него, «то оживет».

«Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждет вас, – пишет Толстой. – Жизнь ваша совершается в виду смерти. Если вы трудитесь для своей телесной жизни в будущем, то вы сами знаете, что в будущем для вас одно: смерть. И эта смерть разрушает все, над чем вы трудились. Вы скажете, что вы трудитесь для блага будущих поколений, но ведь и они так же исчезнут и от них ничего не останется. Стало быть, жизнь для вещественных целей не может иметь никакого смысла. Смерть разрушает всю та-

[234] Там же, с. 238.

кую жизнь. Чтобы жизнь имела какой-нибудь смысл, надо жить так, чтобы смерть не могла разрушить дела жизни. И такую жизнь Христос открывает людям. Он показывает людям, что вместе с этой жизнью телесной, которая есть только призрак жизни, есть другая, истинная жизнь, дающая истинное благо человеку, и что такую жизнь знает всякий человек в своем сердце. Учение Христа есть учение о призрачности личной жизни, о необходимости отречения от нее и о перенесении смысла и цели жизни в жизнь Божескую, в жизнь всего человечества, в жизнь Сына Чело-веческого».[235]

Чтобы жить такой жизнью, нужно во всякий миг исполнять волю Бога. Обычно люди не живут, а все лишь собираются жить. В прекрасные годы детства и отрочества, не наслаждаясь ими, человек все думает о том времени, когда он будет взрослым. Когда же он стал взрослым, то

бесконечные заботы настолько овладевают им, что обычно ему и некогда даже подумать над смыслом своей жизни. Человек все ждет, что вот-вот он будет жить хорошо, а потом еще лучше, бегает за призраком счастья, который, как только его догонишь, тотчас рассеивается и появляется вновь впереди. Так, незаметно подходят годы старости, о которых человек говорит: «Нет мне удовольствия в них!». В эти годы человек живет обычно только воспоминаниями о прошедшей молодости. Когда же он жил? Жизнь мы сознаем и ощущаем только в настоящем, а получается, что настоящего нет. Настоящее – это быстро ускользающая грань между прошедшим и будущим. Только мудрец может поймать настоящее и жить в нем.

Толстой так изображает картину человеческой жизни: «“Это я сделаю, когда выросту большим”. “Я так буду жить, когда кончу учение, когда женюсь”. “А я так-то устроюсь, когда у меня будут дети, когда женю сына, или когда разбогатею, или когда перееду в другое место, или когда состареюсь”.

[235] Там же, с. 335.

Так говорят и дети, и взрослые, и старики, а никто не знает, проживет ли он до вечера. Про все эти дела мы не можем знать, доведется или не доведется нам делать их, не помешает ли смерть.

Только одному делу не может помешать смерть: смерть не может помешать тому, чтобы во всякий час, пока жив, исполнять волю Бога – любить людей».[236]

Как-то раз юноша, подойдя к проповеднику, спросил: «Сколько я могу сделать грехов, чтобы Христос простил меня?». Проповедник ответил: «Сколько бы ты ни грешил, Христос все простит, если ты хотя бы перед смертью покаешься». В веселом расположении духа юноша отошел, решив сначала насладиться жизнью, а потом покаяться. Однако вдруг его пронзила мысль: но надо же успеть покаяться, пока я не умру. А когда же я умру? С этим вопросом он вернулся к проповеднику, прося его сказать хотя бы приблизительный срок прихода смерти. «Вот этого-то я и не могу тебе сказать, – ответил проповедник, – а потому будь готов встретить ее даже сейчас и покайся в сей миг!»

Вера в бессмертие души составляла смысл жизни Л. Н. Толстого (после его возрождения). На 52-м году жизни Л. Н. Толстой пришел в тупик. В его дневнике оставлена такая запись: «Развратная жизнь офицера надоела. Жить дальше нет смысла. Я решил покончить с собой... Но я остался один на один с таинственной Книгой, Библией, и она мне спасла жизнь».

«Кто видит смысл жизни в духовном совершенствовании, – пишет Толстой, – не может верить в смерть, в то, чтобы совершенствование обрывалось. То, что совершенствуется, не может уничтожиться, оно только изменяет-ся».[237]

«Мы боимся смерти только потому, – продолжает он, – что считаем собою то орудие, которым мы признаны работать, – свое тело. А стоит привыкнуть считать собою то, что работает орудием, – дух, и не может быть страха.

[236] Там же, с. 338.

[237]

Человек, считающий свое тело только данным ему для работы орудием, испытывает в минуту смерти только сознание неловкости, которое испытал бы работник, когда у него отнято прежнее орудие, которым он привык работать, а новое не дано еще».[238]

Христианина уже не угнетает приближающаяся смерть, он спокойно говорит: «Стареет хижина моя, но эта хижина – не я». Достигая совершенства в духовной жизни, он радуется, что с разрушением тела желания плоти уступают место жизни духа. Его утешают слова апостола Павла: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется».

Вот что пишет Толстой по этому поводу: «Как от огня топится воск в свече, так от жизни души уничтожается жизнь тела. Тело сгорает на огне духа и сгорает совсем, когда приходит смерть. Смерть уничтожает тело так же, как строители уничтожают леса, когда здание готово.

Здание – духовная жизнь, леса – тело. И тот человек, который построил свое духовное здание, радуется, когда умирает, тому, что принимаются леса его телесной жиз-ни».[239]

Лишь такой человек достигает полной свободы и может сказать, что «смерть – это освобождение».

Толстой приводит слова французского писателя, академика и архиепископа Фенелона: «Люди думают, что самоотречение нарушает свободу. Такие люди не знают, что только самоотречение дает нам истинную свободу, освобождая нас от самих себя, от рабства нашей развращенности. Наши страсти – самые жестокие тираны; только отрекись от них и почувствуешь свободу».[240]

Глубоким миром и спокойствием веет от человека, познавшего истинную свободу и живущего жизнью духа. Этот мир служит признаком совершенства

христианина, ибо вместе с любовью и радостью мир является составной частью плода духа. Христианин, исполненный мира, очень

[238] Там же, с. 473.

[239] Там же, с. 471.

[240] Там же, с. 394.

мало смущается от изменения внешних обстоятельств, так как имеет в себе самом источник радости и мира. «Смирение очень трудно обидеть, еще труднее смирение оттолкнуть», – сказал один проповедник.

«Глубокая река не возмутится оттого, что в нее бросят камень; так же и человек. Если человек возмущается от оскорблений, то он не река, а лужа», – пишет Толстой.[241]

Говоря о свободе, заключающейся в полном отречении от собственных порочных страстей, Толстой не запрещал вступать в брак, но призывал жить целомудренной жизнью, чтобы брак не стал оправданием плотской разнузданности.

«Брак оправдывается и освящается только детьми, – строго предупреждает Толстой, – тем, что, если мы не можем сами сделать всего того, чего хочет от нас Бог, то мы хоть через детей, воспитав их, можем послужить делу Божию. И поэтому, брак, в котором супруги не хотят иметь детей, хуже прелюбодеяния и всякого разврата».[242]

Насколько необходимо знать эти слова современным людям, многие из которых, считая себя вполне порядочными, разглагольствуя о высочайшем гуманизме и возмущаясь тем, что верующие якобы калечат детей своим воспитанием, в то же время, на основании вывода Толстого, являются узаконенными прелюбодеями. Удивительно, что при этом они еще пытаются критиковать тех, кто, боясь Бога, не губят своих детей. От них можно слышать такое циничное высказывание, произнесенное с цицероновским пафосом: «Дети – это цветы жизни, только пусть они цветут на чужих подоконниках».

Одна учительница, выслушав злобную клевету на верующих, что будто сектанты приносят детей в жертву, и поверив ей, так возмутилась, что стала открыто поносить христиан. Встретившись со старцем, проповедником Евангелия, она стала в общественном месте оскорблять верующих в лице старца, называя их детоубийцами. Старец, вы–[241] Там же, с. 173. [242] Там же, с. 130.

слушав ее, спросил: «А сколько у вас детей?». «Один», – был ответ. «Где же остальные ваши дети, ведь вам около сорока лет?» – опять спросил старец. Учительница смутилась. «Теперь подумайте, – продолжал старец, – кто приносит в жертву детей – баптисты, имеющие по пять, десять и более детей, или вы?».

Оставляя в стороне те вопросы, по которым Л. Н. Толстой имел свое собственное суждение, расходящееся с Евангелием, мы отдаем ему должное в том, что он, будучи глубоко верующим, проповедовал всеми средствами самое великое в учении Иисуса Христа – любовь. «Путь жизни» Толстой заканчивает словами Иисуса Христа, Который призывает прийти к Нему, чтобы здесь иметь мир и радость, а в небе – жизнь вечную.

«"Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко», – сказано в учении Христа. Слова эти значат то, как бы тяжело ни было человеку, какие бы горести и беды ни напали на него, ему стоит только понять и принять в сердце истинное учение о том, что жизнь и ее благо в соединении души с тем, от чего она отделена: с душами других людей и с Богом, и сразу исчезнет все кажущееся зло. Стоит только человеку полагать свою жизнь в соединении любовью со всеми живущими и с Богом, и жизнь его тотчас же вместо муки становится благом».[243]

На этом мы заканчиваем краткое ознакомление с мировоззрением Л. Н. Толстого, предоставляя возможность каждому самостоятельно изучить философско-религиозные труды этого великого мыслителя, чтобы еще раз убедиться в том, что как «добрые деянья», так и великие мысли, нисходя «свыше от Отца светов», опять направляются к Нему, Единому источнику мудрости. Л. Н. Толстой перемену жизни ярко изобразил в романе «Воскресение». Образ главного героя, Нехлюдова, – во многом слепок с жизни самого писателя. Позднее Толстой отрекся от своих произведений, написанных ранее для мировой славы.

[243] Там же, с. 496.

Теперь более подробно остановимся на философских трудах выдающегося русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева (1853 – 1900 гг.). Его жизнь была недолгой, но плодотворной. Сочинения В. С. Соловьева собраны в восьми томах; основными являются следующие: «Кризис западной философии (против позитивистов)». «Критика отвлеченных начал», «История и будущность теократии», «Национальный вопрос в России», «Оправдание добра» и другие. Данные о В. С. Соловьеве мы будем в основном брать из

книги недавно умершего профессора-филолога, благословенного проповедника Евангелия, замечательного христианского писателя Владимира Филимоновича Марцинковского «В. С. Соловьев и Евангелие».

Мы благодарим Бога, что Он побудил Марцинковского написать этот труд, как бы заново открывая В. С. Соловьева русским людям, от которых так тщательно скрывается глубина произведений этого гения общечеловеческой мысли.

В 1880 – 1881 годах В. Соловьев читал лекции по философии в Петербургском университете и на высших женских курсах. Он был любим той частью студенческой молодежи, которая искала Истину с большой буквы, полную, настоящую, совершенную. Основой мировоззрения Владимира Соловьева является учение Иисуса Христа. Он верил в Его искупительную жертву, которая примиряет человека с Богом, Восток с Западом, небо с землей, может сделать человека счастливым, радостным носителем любви и мира.

В. С. Соловьев был со стороны матери потомком Григория Сковороды, отец его, Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879 гг.) был известным историком, написавшим капитальный труд «История России с древних времен» в 29 томах.

Сейчас Владимир Соловьев незаслуженно забыт в России. Его сочинения почти невозможно отыскать. Но в этом виноват не он, а дух неверия современной России, которому очень выгодно, чтобы о Соловьеве никто не упоминал, но идеи Владимира Сергеевича Соловьева не умерли, они

живы и сегодня. Когда-нибудь чья-то любящая трепетная рука стряхнет пыль забвения с дорогих страниц и Россия увидит, как много она потеряла, предав забвению пламенного защитника Истины Христовой Владимира Сергеевича Соловьева.

В. Ф. Марцинковский начинает свою книгу с описания впечатления, какое произвела лекция двадцатисемилетнего Владимира Соловьева, прочитанная им в большом актовом зале Санкт-Петербургского университета. Студенты, узнав, что Владимир Соловьев глубоко верит во Христа как Богочеловека, сначала, взяв свистки, решили подвергнуть его публичному осмеянию. Но произошло нечто совершенно противоположное. Вот как описывает Марцин-ковский это впечатление:

«Владимир Соловьев взошел на кафедру. Молодой, с львиной гривой седеющих волос. Он поднял на аудиторию иссиня-черные глаза... О взгляде этих глаз говорили, что они пронизывали, видели насквозь...

Своей проникновенной речью он сразу захватил внимание молодежи, ибо говорил не шаблонным схоластическим языком, навязывающим слушателю готовые бездоказан-ные догмы. Он говорил к молодежи на языке ее души, взывая к ее идеализму, к ее скрытой, глубинной жажде истины, добра и красоты.

При настоящем внимании он закончил вдохновенным призывом: “Удовлетворим же бессмертную жажду нашего духа; цель жизни есть обожествление человечества, через приближение ко Христу!”

Обожествление человечества, его обожение – не обожание! – может ли что быть выше такой цели?

...Словно пробудились забытые струны юного сердца, отзываясь на эти вдохновенные зовы к Всевышнему.

...Студенты забыли о свистках. Они устремились к лектору неудержимым потоком. Они взяли его на руки и несли при криках восторга вдоль всего длинного коридора – вплоть до профессорской комнаты.

С тех пор Вл. Соловьев сделался пророком молодежи, глашатаем ее высших стремлений».[244]

«Владимир Соловьев был философом в лучшем и благородном смысле этого слова, он справедливо признается гением общечеловеческой мысли.

Что понимали под словом “философия” мыслящие русские люди того времени? Марцинковский цитирует слова профессора философии Санкт-Петербургского университета Александра Ивановича Введенского: “Философия есть любовь к мудрости. Философия есть система научно разработанного мировоззрения”. “А мировоззрение, – продолжает Марцинковский, – это совокупность ответов на важнейшие вопросы жизни, – о Боге, о душе, о смысле жизни...

Каждый человек мыслит, каждый строит свою философию. Но иных их думы приводят к ограниченному умствованию, к бескрылой, по земле ползающей мысли, к философии, основанной не на мужественной любви к истине, а на рабском угождении мирским, человеческим мнениям. Подобное мещанское мировоззрение обличает апостол Павел, предостерегая колосских христиан,

чтобы кто не увлек их ‘философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу’”. (Кол. 2:8)».[245]

«Другие, наоборот, залетают своею мыслью слишком высоко, выше, чем позволяет их ограниченный человеческий разум и скудный жизненный опыт, и впадают в лжемудрствование, в мистические бредни, “вторгаясь в то, чего не видели, безрассудно надмеваясь плотским своим умом” (Кол. 2:18). О таком умствовании русский народ говорит: “У него ум за разум зашел”».[246]

От этих двух крайностей должны быть свободна истинная философия.

Три основных вопроса ставит и разрешает Вл. Соловьев. Что такое добро? Что такое красота? Что есть истина?

[244] Марцинковский В. Ф. Владимир Соловьев и Евангелие, М., «Протестант», 1991, с. 5–6.

[245] Там же, с. 8.

[246]

Учение о добре изложено Вл. Соловьевым в большом труде “Оправдание добра” (1894 – 1897 гг.).

Есть три основные нормы поведения. Они устанавливают мое должное отношение к тому, что выше меня, что равно мне и что ниже меня.

По отношению к Высшему Началу, то есть Богу, разумно и естественно чувство преклонения, благоговения, благочестия.

“Верить в Бога, – говорит Соловьев в “Духовных основах жизни”, – есть наша нравственная обязанность. Человек может не исполнять своей нравственной обязанности, но тогда он теряет свое нравственное достоинство».[247]

«Со скорбной иронией говорит Соловьев об атеистических тенденциях, проникающих в среду русской интеллигенции: “Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая, вместо образа Божия, все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, – должны же мы, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумир из всякой узкой и ничтожной идейки”. (“Критика отвлеченных начал”)».[248]

«Из веры в Бога, по Соловьеву, вытекает правильное отношение к тому, что равно нам, то есть, к человеку. К человеку мы должны относиться с состраданием и жалостью. Только при глубоком сознании, что человек есть образ и подобие Божие, возможно такое отношение к себе подобным.

Непоследовательность материалистов, отрицающих библейское откровение о происхождении человека и, в то же время, провозглашающих веру в человеческое достоинство и любовь к человеку, Вл. Соловьев вышутил в своем известном “силлогизме”: “Так как мы произошли от обезьяны, то будем любить друг друга”».[249]

«Действительно, нравственные требования материалистов повисают в воздухе. На чем, спрашивается, человек будет строить свои моральные принципы, если вдруг он,

[247] Там же, с. 10.

[248] Там же.

[249] Там же, с. 11.

по учению материалистов, является всего-навсего потомком обезьяны?

Уничтожающий юмор Вл. Соловьев вкладывает в уста простодушного москвича из народа, который, слушая “передового просветителя”, пытающегося доказать ему эволюционное происхождение человека от низших животных, вдруг пресекает беседу словами: “Ежели, значит, я – пес, и, значит, ты – пес, то у пса со псом какой же будет разговор?”».[250]

«Третья норма нравственного поведения устанавливает должное отношение человека к тому, что ниже его, то есть, к нашему телу, нашей плоти. К тому, что ниже нас, мы должны относиться с самообладанием, чтобы дух господствовал над плотью.

Благоговение, сострадание, самообладание, или аскеза – таковы нравственные черты духовно здорового человека. Это три добродетели неотделимы друг от друга. Без любви к Богу любовь к человеку вырождается в односторонний гуманизм, в человекоугодничество, в человекобо-жество. Аскеза без любви и смирения, умерщвление плоти без любви к Богу и человеку создает тип, который Соловьев назвал “святой сатана”. Значит, самообладание в очах Божиих малоценно, если оно порождается не любовью к Богу и людям, а человеческой гордостью.

Соловьев указывает пути для углубления чувства благочестия и любви к ближнему. Такими путями являются молитва и милосердие. Самообладание, господство духа над плотью достигается постом, который Соловьев разделяет на следующие виды: 1) пост ума; 2) пост воли; 3) пост чувства. Пост должен совершаться, как молитва и милосердие, по искреннему

побуждению в душе человека, а не по принуждению, поэтому мы должны обратиться к Богу, как к источнику духовной силы.

Истинное обращение приводит нас к благодати, то есть, к тому благу, которое не развивается нами из нас самих, но дается свыше (благодать).

[250] Там же, с. 12.

“Благодать, – говорит Соловьев, – обращает нас к Богу, а мы только соглашаемся своей волей на такое обращение, и в этом сущность молитвы, которая есть уже некоторое доброе истинное дело: здесь мы действуем в Боге и Бог в нас.

...Человек может решить: ‘Я не хочу своей воли’. Такое самоотречение или обращение человеческой воли есть ее высшее торжество”».[251]

В «Оправдании добра» Соловьев говорит о конечной цели совершенства: «Итак, мы можем дать безусловному началу нравственности следующее полное выражение в совершенном внутреннем согласии с высшей волей, признавая за всеми другими безусловное значение или ценность, поскольку и в них есть образ и подобие Божие, принимая возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Бо-жия в мире».[252]

«Этика (учение о нравственности) Вл. Соловьева выше даже кантовской. У Канта человек должен поступать нравственно, вопреки своим желаниям. Он поступает даже выше, когда действует против собственной воли. У Соловьева истинной признается лишь такая нравственность, при которой желания у человека совпадают с долгом. То, что я должен делать, этого самого я и хочу. Здесь наличествует познание благой воли Бога и желание ее исполнить. В таком состоянии как бы сама душа с восторгом молится Богу: “Да будет воля Твоя!”.

Истинная нравственная свобода, – делает вывод Соловьев, – не там, где человек поступает по своим желаниям, а где эти желания возвышенны, где они совпадают с велениями Бога. Но это не самосовершенствование в смысле спасения. Не только человек устремляется к добру, к небу, к высшему благу, как учит Кант, но – что еще существеннее – Само Благо нисходит, осеняет, преображает

[251] Там же, с. 15.

[252] Там же, с. 16.

человека через Христа. Не от земли к небу, а от неба к земле – такова этика Вл. Соловьева».[253]

«Соловьев является, – продолжает Марцинковский, – философом христианским, апологетом Нового Завета, сущность которого благодатное преображение человека в новую тварь, у которой ум и сердце, долг и влечение совпадают в единой высшей гармонии. Об этом в Ветхом Завете говорит Бог устами пророка Иеремии (Иер. 31:31–34), и эти же слова повторяет автор Послания к евреям (Евр. 8:10–13). "Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат – брата... говорит Господь, потому, что Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более"».[254]

«Об этом Вл. Соловьев пишет в "Чтениях о Богочелове-честве" (1877 – 1881 гг.): "Церковь христианская исторически составилась изо всех людей, принявших Христа, но Христа можно было принять и внутренним и внешним образом. Внутреннее принятие Христа, то есть, нового духовного человека, состоит в духовном возрождении, в том рождении свыше, или от Духа, о котором говорится в беседе с Никодимом, то есть, когда человек, сознав неистинность плотской, материальной жизни, ощущает в себе положительный источник другой, истинной жизни (независимый ни от плоти, ни от ума человека), закон, который в откровении Христовом, и, признав эту новую жизнь, открытую Христом за безусловно должную, как благо и истину, добровольно подчиняет ей свою плотскую и человеческую жизнь, внутренне соединяясь со Христом как родоначальником этой новой духовной жизни, Главою нового духовного Царства. Такое принятие Христовой истины освобождает от греха (хотя и не от грехов) и образует духовного человека"».[255]

[253] Там же, с. 17.

[254] Там же, с. 17–18.

[255] Там же, с. 18–19.

Только духовное возрождение является залогом истинной нравственности, без него нравственность есть лишь пустой звук.

«Человечество обязано, – пишет Соловьев в "Духовных основах жизни", – не созерцать Божество, а само делаться божественным. Согласно этому, новая религия (христианство) не может быть только пассивным богопочтением или

богопоклонением, а должно стать активным богодей-ствием, то есть, совместным действием Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского, или природного, в духовное и божественное.

Это есть не творение из ничего, а претворение материи в дух, плотской жизни в божественную».[256]

Марцинковский делает краткий вывод из этики Соловьева: «Истинная нравственность религиозна: истинная религия нравственна».

Такова этика Вл. Соловьева и таков ответ на вопрос, что есть добро.

Теперь разберем вопрос, что есть красота. Наука о красоте, о ее законах и проявлениях в жизни и искусстве называется эстетикой.

Когда истина приобретает образ, ощутимый и осязаемый, доступный нашим ощущениям, – она становится красотою.

В статье «Красота в природе» Соловьев говорит: «Красота есть преображение материи через воплощение в ней духовного сверхматериального начала». Красота есть «идея воплощенная». Основная идея бытия есть «мировое всеединство», гармония, любовь. Свою мысль о красоте в природе Вл. Соловьев выражает словами поэта-философа Тютчева:

...природа: Не слепок, не бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык...[257]

[256] Там же, с. 19.

[257] Там же, с. 21.

Только глубоко верующая душа познает истинную красоту природы, видя за ней Творца. В таком созерцании человек как бы совлекается, выходит из своего физического состояния, предваряя блаженство воссоединения с Богом. Кто испытал такое состояние, тот подтвердит, что слова становятся бессильны, чтобы выразить состояние блаженства, наполняющего душу.

Везде я чувствовал, везде

Тебя, Господь, – в ночной тиши,

И в отдаленнейшей звезде,

И в глубине моей души...

Пока живу – Тебе молюсь,

Тебя люблю, дышу Тобой;

Когда умру – с Тобой сольюсь,

Как звезды с утренней зарей, – писал

Мережковский.

«Человек не только созерцает красоту, данную в природе, – пишет Марцинковский, – но он стремится и сам творить ее. Это творчество, воплощающее идеи в образе, одухотворяющее материю, одухотворяющее плоть или воплощающее дух, – называется искусством.

Цель искусства не только изображать действительность, но и преображать ее светом идеала... Поэт не только видит, но и предвидит. И поэтому – "искусство есть пророчество", – говорит Соловьев в статье "Общий смысл искусст-ва"».[258]

Конечно, здесь речь идет об истинном искусстве. Есть и ложное искусство. «У ада есть свой мимолетный свет и свое обманчивое сияние», – пишет Соловьев.[259]

Ложные идеи, безнравственные мысли тоже могут быть воплощаемы в привлекательные образы. Сатана может облекаться в образ ангела света. Тогда искусство становится «чарой искушающей, становится лжепророчеством».

Роль истинного искусства, по Соловьеву, возвышается до пророчества.

[258] Там же, с. 21.

[259] Там же, с. 21.

«Искусство потому пророчество, – пишет Марцинков-ский, – что оно раскрывает новое в христианстве, его грядущее осуществление, а именно – христианство вселен-ское».[260]

Что такое «христианство вселенское»?

Это высшая ступень христианства, которой предшествуют две другие ступени.

Марцинковский так передает мысли Соловьева: «В христианстве есть три ступени. Есть христианство храмовое, поклоняющееся Богу в стенах храма, умиляющееся благолепием. Соловьев не отрицает этого рода христианства, но считает его недостаточным.

Есть христианство личное, или домашнее, которое побуждает человека идти с религией в его практическую жизнь, в личный опыт и преображать светом Евангелия обыденную, домашнюю жизнь.

Но есть еще высшая ступень – христианство вселенское, “распространяющее закон Христовой любви на все существующие отношения”, на отношения социальные, международные, на всю тварь... Об этом-то высшем откровении в христианстве и томится душа человека и вся тварь».[261]

Из эстетики Вл. Соловьева вытекает определение красоты: «Красота есть воплощение истины».[262]

Происхождение красоты неземное. Как говорит Платон: «Человек, встречая красоту на земле, вспоминает об истинной красоте – окрыляется и горит желанием лететь к ней, но в бессилии своем поднимает глаза к небу».[263]

«“Абсолютное осуществляет благо через истину в красоте”, – говорит Владимир Соловьев в “Чтениях о Богоче-ловечестве”».[264] Но что есть истина?

[260] Там же, с. 23.

[261] Там же, с. 22-23.

[262] Там же, с. 24.

[263] Там же, с. 24.

[264] Там же.

В заключительном разделе нашей книги мы, как и в начале, неизменно возвращаемся к этому вопросу. Как же отвечает Владимир Соловьев на этот вопрос?

Слово «истина» в своей основе содержит немецкий глагол «ist», «есть». Истина – это то, что подлинно существует не только в сознании человека и человечества, но и вне человечества, составляя суть всего сущего. Марцин-ковский приводит глубокое философское определение истины из книги нашего современника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины».

«Истина, или естина, – пишет Павел Флоренский, – это то, что подлинно, бытийно, есть, существует – сущее из существующего, сущность всего и та Первосущность, которая есть Бог».[265]

Если бы ищущая истину душа согласилась с этим определением, совпадающим с выводом поэта Жуковского, который говорит: «Истина – Бог. Основание всякого добра, всякой правды, истины и красоты в душе

человека есть вера в Бога», – то можно было бы сказать «да» и «аминь», не прибегая к дальнейшим рассуждениям.

Но можно ли познать Истину? Можно ли познать Бога?

«“Критике чистого разума” Кант утверждает, что сущность вещей непознаваема. Правда, в “Критике практического разума” он доказывает, что нравственное сознание нормального здорового человека требует (постулирует) веры в Бога, бессмертие и свободу воли – но это будет лишь вера, а не знание. Познать то, что сверх видимой природы, познать метафизическое, то, что переходит границы нашего опыта (трансцендентное), по мнению Канта, невозможно.

Французский философ Огюст Конт (1798 – 1857 гг.) идет еще дальше в своих заключениях. Если нельзя познать сверхъестественное, то и не нужно стремиться к разрешению проблем, связанных с этим вопросом: будем за-

[265] Там же, с. 25.

ниматься лишь положительной наукой, основанной на опыте и разуме».[266]

Этот вывод очень подходящ для современного человека, живущего в «свое удовольствие». Он отводит его от желания «иметь Бога в разуме» и в сердце. «Зачем искать Бога? – спрашивает реалист наших дней. – Может быть, Он и есть, но я же Его все равно не познаю. Я живу, чтобы жить – вот моя цель».

И. С. Проханов, отвечая подобным субъектам, говорит, что такие люди напоминают человека, несущего страшно тяжелую ношу, который на вопрос, для чего нужна ему эта тяжкая ноша, отвечает: «Чтобы нести ее».

Владимир Соловьев, блестяще опровергая выводы Канта, идет дальше. Канту он говорит: можно познать Бога. Конту он говорит: должно познать сверхъестественное. По поводу слишком трезвого учения Конта, против его «благоразумия», Вл. Соловьев, порицая мещанские стремления думать лишь о материальном и не давать места запросам духа, однажды иронически заметил: «Не дай Бог нам быть благоразумными!».[267]

Как беден мир человека, который о цели жизни судит примерно так:

Жена, да квартира, да счет текущий – Вот тебе отечества райские кущи. (В. Маяковский)

Ал. Толстой, любимый писатель Вл. Соловьева, выразил эту ограниченность и бедность «благоразумных реалистов» словами: «Для них – то лишь действительно, что для тела чувствительно».[268]

Уже В. Г. Белинский, глубоко вникая в смысл жизни, писал: «Да, жить не значит столько-то лет есть и пить, биться из чинов и денег, а в свободное время бить хлопушкою мух, зевать и играть в карты: такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человек хуже всякого животного...

[266] Там же, с.25.

[267] Там же, с.26.

[268] Там же, с.26.

Жить значит – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь – смерть».[269]

Говоря о смысле жизни, Вл. Соловьев в произведении «Философские начала цельного знания» (1877 г.) говорит о трех сферах знания:

1) знание эмпирическое (опытное);

2) знание логическое, изучающее идеи в их взаимосвязи;

3) «Мистическое знание», изучающее бытие, познание «истинно-сущего».

«Словом, Соловьев показывает, – пишет Марцинков-ский, – что жажда знания не укладывается, так сказать, в двух измерениях – опыта и разума – нужно еще третье измерение, линия вверх, в царство духа, в бесконечность».[270]

В докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» (1880 г.) Соловьев доказывает, что знать Бога не только должно, но и можно. «Для истинного познания, – пишет он, – необходимо предложить безусловное бытие его предметов, то есть, истинно-сущего, или всеединого. Оно должно быть с человеком во внутренней связи, в силу которого и может быть им действительно познаваемо».[271]

«...Только в связи с истинно-сущим как безусловно реальным и безусловно универсальным, могут явления нашего опыта иметь настоящую реальность и понятия нашего мышления настоящую, положительную универсальность: оба эти фактора нашего познания сами по себе, в своей отвлеченности, совершенно безразличные к истине, получают таким образом свое истинное значение от третьего религиозного начала.»[272]

«...Истинное познание есть прежде всего познание Сущего... Вера, воображение и творчество – основные элементы всякого предметного познания».[273]

[269] Белинский В. Г. Избранное. М., «Московский рабочий», 1954.

[270] Марцинковский В. Ф. Владимир Соловьев и Евангелие, с. 27–28.

[271] Там же, с. 29.

[272] Там же.

[273] Там же, с. 30.

«...Истина вечно есть в Боге, но поскольку в нас нет Бога, мы и живем не в истине: не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действитель-ность...»[274]

«...Вся природа должна быть внутренне подчинена нашему духу, как наш дух должен быть внутренно подчинен божественному».[275]

Таким образом, только пребывание в Боге открывает путь к истинному познанию. Как же пребыть в Боге?

«Во Христе, – поясняет Марцинковский, – Бог явился во плоти. Боговоплощение открыло человеку путь к непосредственному познанию Бога. Вл. Соловьеву принадлежит это новое слово: "Богоощущение". Не только Бого-мыслие (теология), но Богоощущение, мистическое восприятие, непосредственное ощущение Бога доступны человеку».

В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев дает определение религии: «Религия есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего.

...Религия есть воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом».[276]

Именно «воссоединение» с Творцом необходимо человечеству для истинного познания. Слово «познать» в Библии имеет значение не просто «знать», а «соединиться», «слиться воедино». Это состояние может пережить всякий, кто глубоко поверит в Искупителя Иисуса и предоставит себя Духу Святому в безраздельное пользование, который научает и наставляет на всякую правду и производит чудный плод: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание.

Христианин, соединяющийся с Богом, видя свое несовершенство, отрекается от своей воли. Это не насильственное подчинение своей воли, а искреннее желание соединить свою волю, отказавшись от нее, с благой волей Бога. Человека всегда привлекает прекрасное. Христос «прекра-[274] Там же. [275] Там же. [276]

снее сынов человеческих». Отдать себя Ему и соединиться с Ним не тягостно, а радостно. В таком состоянии апостол Павел смог сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Владимир Соловьев призывает человечество искать Бога; при этом человек может не только искать Его, но и найти – ибо Он пришел и открылся человеку в лице Иисуса Христа, ибо чрез Него «произошли благодать и истина». Благодать – озарение свыше – необходима не только для спасения, нравственного поведения, но и познания.

Марцинковский дает следующее заключение: «Путем глубокого исследования, в свете опыта и разума, гениальный мыслитель (В. Соловьев) приходит к гносеологии (гно-сис – знание) библейского откровения, обуславливающего необходимость не только веры в Бога, но и познания Бога».[277]

Иисус Христос – в исповедании В. Соловьева – истинный Бог и истинный Человек. В письме к Л. Н. Толстому Владимир Сергеевич Соловьев ясно исповедал свою веру в действительность телесного воскресения Иисуса Христа.

В статье «Смысл мира» (в «Духовных основах жизни») Соловьев делает философский разбор пролога к Евангелию от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... и Слово стало плотию».

В греческом оригинале Евангелия «Слову» соответствует «Логос», что значит также «Смысл». «В начале был Смысл»... – переводит Соловьев.[278]

Эти рассуждения в трактовке Марцинковского настолько глубоки и оригинальны, что с ними необходимо познакомиться. Приведем довольно большую выписку из книги Марцинковского.

«Христос есть Логос мира, его Смысл. Всякое истинное бытие имеет в Нем свое начало. “Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть”. Из Него все исходит, к Нему стремится, в Нем все находит свое внутреннее единство. Это всеединство и есть основная

[277] Там же, с. 32.

[278] Там же, с. 33.

цель бытия. Его, этот Смысл, осуществляют все атомы и все небесные тела. В законе всемирного тяготения отражается это же всеединство. Это всеединство служит нормой и для отношений между людьми, ибо всеединство есть любовь.

Соловьеву как мыслителю, который ищет объяснения всему, так понятна эта мировая премирная, вселенская роль Христа. Лишь этот Смысл делает возможным осмысление всего, лишь этот Логос открывает путь к логизации (Отсюда же название науки – логика. – Примеч. автора.) всех явлений – без Него они представляются хаосом. Лишь этот божественный Логос претворяет эти явления и в бытии, и в создании, и в действительности, и в мысли в единое строение, в космос (Космос – противоположность Хаосу. – Примеч. автора.).

Смысл мира (вселенной) – есть мир, тишина, лад, гармония, любовь.

Христос – “свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир”. Он – основная идея природы, истории мира и каждого человека. “Образ Христа – проверка совести”, – говорит мыслитель в “Духовных основах жизни”.

Вот почему Соловьеву так близка идея “вселенского христианства”, глашатаем которого, по его мнению, является Достоевский.

Христианство – это не одна из религий, а единственное мировоззрение. “Совершенная религия есть не та, которая во всех одинаково содержится, а та, которая всех в себе содержит и всеми обладает (полный религиозный синтез) (“Чтение о Богочеловеке”). Все внехристианские религии – подготовка к христианству, предчувствия, постановка вопросов, на которые лишь христианство дает ответ. Первобытные религиозные воззрения дикаря, языческие сказания (мифы) – намечают эти искания.

Буддизм – лишь отрицательная религия, понимающая безусловное начало как ничто. Будда тяготится греховным бытием, знает, что не есть жизнь, а Христос Сам есть жизнь (“Будда, его жизнь и учение”).

Иудей-эллинист Филон из Александрии (ок. 25 г. до Р. Х. – ок. 50 г. по Р. Х.) пытался объединить философию греческих мыслителей Платона и Аристотеля с Моисеевым законом. Он учил о Логосе как выразителе универсальной божественной сущности и посреднике между Единым Богом и всем существующим. (Ошибочно думать о влиянии Филона на Евангелие

Иоанна. Понятие Логоса у них различно.) У Филона Логос – только религиозно-философское построение, отвлеченная идея, в то время как Христос – живая Личность, историческое осуществление Логоса, воплощение Смысла, Боговоплощение. “Слово стало плотию и обитало с нами”.

Неоплатоники (III в. по Р. Х.) пытались дать сочетание (синтез) греческой философии и национально-религиозных идей своего времени.

Один из них, Плотин из Александрии (205 – 270 гг. по Р.Х.), учил о трех божественных ипостасях, а христианство дает откровение о триединстве Бога. Христианство, по мысли В. Соловьева, включает и буддийский аскетизм, и платоновский идеализм, иудейский монотеизм и александрийское триединство.

Магомет приходит на сцену истории в VII веке по Р. Х. (571 – 623 гг.), когда христианское учение переживало опасность уклонения от чистоты библейского монотеизма и замены поклонения в духе и истине обрядоверием. Магометанство есть “корректив” к христианскому благочестию его времени (“Магомет и его время”).

Все религии предваряют христианство, ведут к нему и в нем находят свое совершенное разрешение. “Но христианство имеет свое собственное содержание, не зависимо от всех этих элементов, в него входящих, и это собственное содержание есть единственно и исключительно – Хри-стос”».[279]

Особое место в трудах Соловьева отведено еврейскому вопросу. Изучая древнееврейский язык, Соловьев горячо сочувствовал народу-скитальцу.

[279] Там же, с. 34-35.

В статье «Новозаветный Израиль» (1885 г.) он хочет показать евреям, что «ключ от Святой Земли находится в руках Иисуса Христа», Который говорит: «Без Меня не можете делать ничего».

В статье «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии» Соловьев призывает покончить с ненавистью и преследованием евреев.

«Если евреи наши враги, – пишет он – то сказано: любите врагов ваших. Если же они наши друзья, то зачем же друзей преследовать?».[280](В России эта статья не была напечатана, ее издали в Париже.)

О любви В. Соловьева к еврейскому народу говорит тот факт, что в последние дни жизни он горячо взывал к Богу о спасении Израиля.

В статье «Еврейство и христианский вопрос» (1884 г.) Вл. Соловьев указывает причину страдания еврейского народа: «Они не хотели понять и принять креста Христова и вот уже восемнадцать веков как поневоле несут свой тяжелый крест». Но Слово Божие указывает путь для спасения. «Твердо слово апостола, – пишет Соловьев, – что весь Израиль спасется».[281] Кого же разуметь под словами «весь Израиль»? Апостол Павел поясняет: «Ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля, и не все дети Авраама, которые от семени его... То есть, не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9:6-8).

Корень разногласия между евреями и христианами Соловьев видит в том, что иудеи перестали быть иудеями, а христиане – христианами. «Ибо не тот Иудей, – пишет апостол Павел, – кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто вну-тренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2:28-29).

[280] Там же, с. 38.

[281] Там же, с. 40.

«Мы потому отделены от евреев, – пишет Соловьев, – что мы еще не вполне христиане, а они потому отделяются от нас, что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, и полнота иудейства есть хри-стианство».[282]

Соловьева многие упрекали в пристрастии к евреям, но зато евреи оценили его любовь к ним.

«Евреи знали и чувствовали, – пишет Марцинков-ский, – эту любовь – и они занесли на скрижали сердца имя Владимира Соловьева с почетным званием “друга Израиля”, принадлежащего к числу “праведников среди народов мира”. Это имя хранится в благородной памяти народа, оно записано и в его литературе: биография В. Соловьева помещена в Еврейской энциклопедии. Имя его упоминается с благоговением, но часто без подлинного знания, в чем именно “ друг Израиля” видел разрешение еврейского вопроса».[283]

«Излагая эти мысли великого философа, я лично, – продолжает Марцинковский, – хотел бы исполнить долг по отношению к Вл. Соловьеву

как человеку, много давшему мне в области христианской философии, а также и по отношению к еврейскому вопросу. Не являются ли заветы русского мыслителя особенно важными в нашу эпоху, в дни напряженного еврейского искания в связи с возвращением Израиля в Палестину и связанного с этим возвратом возрождения мессианских чаяний еврейского народа?

Живя в Палестине в последние годы, я являюсь непосредственным свидетелем предсказанного пророками внешнего возвращения Израиля в землю отцов, наблюдая в то же время глубокие религиозные искания, предваряющие возвращение внутреннее, духовное. И не на всех ли нас, христианах, лежит исполнение завета Христа: “Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева”?».[284]

[282] Там же, с. 40.

[283] Там же, с. 41.

[284] Там же, с. 42.

Далее Марцинковский рассказывает о лекции, которую он читал о Вл. Соловьеве в Иерусалиме для студентов еврейского университета. «Я пытался напомнить, – пишет он, – что наш гениальный мыслитель, убежденный христианин и друг Израиля, призывал еврейский народ к вере в Иисуса Христа как истинного Мессию.

...В этом он видел единственный путь к существенному разрешению данной проблемы...

На Пасху, – продолжает Марцинковский, – я спросил евреев у Стены Плача в Иерусалиме: “Почему вы не верите в Иисуса Христа как Мессию?”. Один из них ответил: “Он нарушил закон”. – “В чем же именно? Читали ли вы Евангелие?” – “Нет, это запрещено...”.

«Но придет день, – заключает Марцинковский, – когда евреи воззрят на Иисуса Христа с умилением и возрыдают, и это рыдание потрясет и преобразит мир.

И на всех нас, христианах, лежит священный долг убирать камни с пути народа-скитальца и влечь его к ногам Спасителя узами той любви Христовой, которая вдохновляла и Владимира Соловьева».

Важное место в философии Соловьева отведено вопросу о единстве церкви, задачей которой является осуществление учения Христа на земле. В «Духовных основах жизни» он пишет:

«Церковь, по своей сущности, представляет божественное действие Христа на земле... Христос – есть совершенный Богочеловек, а Церковь еще не есть совершенное Бо-гочеловечество, а только совершающееся».

Будучи воспитан в традициях православия, Соловьев ценил идеи православного богословия – соборность, смирение и любовь, но в то же время, видя полную подчиненность православия государству, указывал на его недостатки. Духовная цензура объявила ему запрет писать о православной церкви. С грустью говорит Соловьев о формальных христианах: «Мы обладаем лучшей в мире верой, но, к сожалению, она не обладает нами».

Соловьев делит христиан на внешних и духовно возрожденных. Марцинковский так передает его мысли: «Пра-

вославная церковь находится под игом государства, преклоняется перед ним, Божие предает кесарю (идя путем так называемого кесарепанизма). И потому иссяк в ней дух живого творчества в области догматической. Оно пресеклось со времени 7-го Вселенского собора» (состоялся в 787 г. в Никее).

«Восток – православный в богословии и не православный в жизни», – говорит Соловьев.

Идея единства церкви, встречи с деятелями католической и протестантской церкви, особенно с талантливым ученым и выдающимся богословом Генри Друммондом, лекции которого «Как преобразить нашу жизнь», «Самое великое в мире», книги «Идеальная жизнь» и «Естественный закон в духовном мире», так увлекали студенческую молодежь Англии, сформировали особое религиозное воззрение Вл. Соловьева. Его биограф Э. Радлов говорит, что Соловьев стоял выше своего вероисповедания, в котором был воспитан; он был «вселенским христианином», жаждавшим обнять не только мыслью, но и любовью все и вся.

«Верую в единую святую соборную и апостольскую церковь, – эти слова христианского символа веры убежденно исповедовал Вл. Соловьев, причем настаивал, что соборная значит: всеобщая, собранная отовсюду. Эти идеи «вселенского христианства» ярко отражены Соловьевым в «Повести об антихристе», написанной незадолго до смерти (1899 – 1900 гг.). «Здесь Вл. Соловьев, – пишет Марцин-ковский, – выступает перед нами как поэт, как пророк будущего, за завесу которого он старается проникнуть в свете новозаветной эсхатологии» (учение о конце).

...Антихрист придет как противник Христа и как его искажение и подделка... Его не узнают сразу... Он явится как гений, в обаянии ума, красоты, в маске справедливости. Основное отличие его от Христа – это гордость, самоутверждение. Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете». (Ин. 5:43).

Антихрист придет во имя свое. Он созывает вселенский собор и на нем старается привлечь на свою сторону всех

христиан, обращаясь к трем главным церквам – католической, православной и протестантской.

Приведем выписку из повести: «Император (антихрист), ставши около трона и с величественной благосклонностью протянувши руку, произнес звучным и приятным голосом: "Христиане всех толков! Возлюбленные мои, подданные и братья! От начала моего царствования, которое Вышний благословил такими чудными и славными делами, я ни разу не имел повода быть вами недовольным; вы всегда исполняли свой долг по вере и совести, но мне этого мало. Моя искренняя любовь к вам, братья возлюбленные, жаждет взаимности... Христиане, чем мог бы я вас осчастливить? Что дать нам не как моим подданным, а как единоверным братьям моим? Христиане, скажите мне, что для вас всего дороже в христианстве?"».

Напомнив далее, что католикам всего дороже в христианстве духовный авторитет в лице папы, он объявляет о восстановлении древнего величия папского престола со всеми его правами и преимуществами. Большинство католического духовенства и мирян переходят на сторону антихриста.

Православных христиан он прельщает учреждением в Константинополе «всемирного музея христианской археологии, с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности», так как для православных «всего дороже в христианстве священное предание, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения».

Большинство православных иерархов, монахов и мирян переходят тоже на сторону антихриста.

Для протестантов, которые «более всего дорожат в христианстве личной уверенностью в истине и свободным исследованием Писания», император «подписывает учреждение всемирного института для свободного исследования Священного Писания со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях».

Тогда больше половины ученых протестантских теологов перешли на сторону императора. Однако из всех трех церквей не пошли за соблазнителем группы верующих, которые теперь сблизились между собой и объединились. Обращаясь к ним, император повторяет свой вопрос: «Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?» Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн: «Великий Государь! Всего дороже для нас в христианстве Сам Христос, – Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, кто в Нем обитает вся полнота Божества телесно... и на вопрос твой: что можешь ты сделать для нас, – вот наш прямой ответ: исповедуй здесь перед нами Иисуса Христа Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего – исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия».

Антихрист поражает мужественного исповедника смертью.

Таким образом, «единая соборная вселенская церковь, по Вл. Соловьеву, – заключает Марцинковский, – это действительно собор, собрание верующих из всех церковных групп, – верующих во Христа, Им искупленных, любящих Его, исповедующих Его ценою страданий даже до смерти мученической, всех тех, для которых всего дороже Христос, у которых Он – центр всего».

30 июля 1900 года Вл. Соловьев отошел в вечность. Последними его словами были: «Трудна работа Господня...».

На Новодевичьем кладбище есть холмик земли, скромное надгробие с простым деревянным крестом. На кресте надпись: «Владимир Сергеевич Соловьев» и слова из 111-го псалма по латыни: «В вечной памяти будет праведник». Ниже красуется перламутровый образ воскресения Иисуса Христа из Святой Земли.

«Всякий раз, когда я приходил туда – заканчивает Марцинковский книгу «Соловьев и Евангелие», – я видел на могиле свежую пальмовую ветвь, положенную чьей-то

заботливой рукой. Тихо, тихо кругом. Далеко осталась Москва с ее бурливым гомоном. С башенных часов колокольни каждую минуту раздается четкий мерный удар, словно подчеркивающий тишину кладбища.

Поистине там “время роняет жемчужные слезы в бездну вечности”».

Заключение

Дорогой читатель, дорогой друг! Дочитав последнюю главу нашего изыскания истины, может быть, ты все же еще не имеешь ясного ответа на вопрос: что есть Истина?

Мы лишь старались указать на Того, кто Единственный в мире во все века смог сказать: «Я есмь путь и истина и жизнь». (Ин. 14:6). Приди к Нему, ибо чрез познание истины Он обещает свободу и жизнь вечную. В Нем заключается решение всех сложнейших вопросов бытия, ибо Его Любовь есть ключ к разрешению всех противоречий; в Нем разрешение проблемы цели и счастья бытия, так как Он «прекраснее сынов человеческих», а счастье немыслимо без наличия прекрасного идеала.

Иисус любит тебя, несмотря на все твои грехи. В доказательство Своей любви Он умер за тебя на кресте. Ответь на его любовь любовью, и ты познаешь тайну счастья жизни с избытком (Ин. 10:10). Ты же несчастен без Христа, ты это отлично знаешь. Без Него счастья нет, душа бессмертна и ей нужен Вечный Бог. «Только в Боге успокои-вается душа моя» (Пс. 61:2). Давид это отлично понял. Пойми и ты! Иисус гарантирует жизнь вечную, а больше никто даже не обещает нам жизни. Он – единственный путь в небо, так как с неба пришел только Он. Все другие основатели религий – земные. В лучшем случае, у них остались богато украшенные гробницы. Но в гробницах их останки. Христа гроб пуст. Какое счастье! Только Он воскрес и вознесся. Поэтому Он мог сказать: «Я есмь жизнь». За жизнью нужно идти к живому, а не к мертвым.

Иоанн свидетельствует об Иисусе: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин. 5:20). Чрез Него произошли благодать и истина (Ин. 1:17). Сам Иисус подтвердил это жизнью, делами и словом: «Я есмь истина».

Его надо принять в сердце. «Вкусите, и увидите, как благ Господь», – говорит псалмопевец в 33-м псалме. Иисус хочет войти в твое сердце. Он стучится, но ключ от двери сердца в твоей руке. Это – твое покаяние. Без покаяния сердце не будет очищено от грехов и в греховное сердце не войдет Дух Святой и не даст свидетельство спасения (Мф. 5:8; Рим. 8:15-16).

Сложи же греховное бремя у пронзенных ног Иисуса. Он умер за твой грех. Значит твой грех – это тот самый палач, который вбивал гвозди в руки и ноги Распятого. Покайся и вечно живи!

Почему же опять не раскаялся ты?

Испытав столько горя и слез,

Возвращаешься вновь в океан суеты.

О тебе горько плачет Христос.

Еще можешь теперь покаянье принесть,

И тебя, друг, достигла спасения весть.

Голос нежный тебя неумолчно зовет:

Сын Мой, сердце отдай Мне твое!

О, не будь же безмолвен, беспечен и горд.

Сердца дверь не замедли открыть.

Может быть под последний минорный аккорд

Оборвется твоей жизни нить.

Иисуса сегодня принять поспеши,

Грех Ему исповедуй в слезах.

Счастье, радость и мир обретешь для души,

И блаженный покой в небесах!

Сроднись с Евангелием и Библией, не смущайся большим числом человеческих мнений относительно истинного пути, ибо только «от незнания Священного Писания происходят ереси и превратная жизнь» (Иоанн Златоуст).

Подставь себя под лучи Евангельской истины и, просветившись Христовым светом, неси его другим. Повторяй вместе с героем Достоевского старцем Зосимой слова: «Благовествуйте народу Евангелие неустанно... Гибель народу без Слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия».

Взгляни еще раз на историю христианства: история церкви – есть история героической борьбы за Слово Божие, и путь ее освещен кострами мучеников и исповедников, знавших, что торжество Евангелия для человечества есть вопрос жизни и смерти.

Со Словом Божиим в сердце ты спокойно приблизишься к своей старости, несмотря на бурное житейское море, и спокойно будешь ожидать своего перехода в вечную жизнь со Христом. Если же тебя Господь призовет отдать жизнь за Него в расцвете лет, то ты это сделаешь не колеблясь, ибо это удел немногих избранных, достойных славного имени мученика за Христа.

Свидетельством профессора В. Ф. Марцинковского о себе мы заканчиваем книгу.

«Ужас бесцельности и ужас бессилия померкли для меня в лучезарном свете Евангелия, которое открылось мне в студенческие годы – и уже много лет я в самых разнообразных трудностях жизни на опыте убеждаюсь в том, что Евангелие – живая, вечная Книга. Это мой меч, с которым я могу смело идти навстречу всем опасностям, спокойно смотреть в лицо будущего, в лицо смерти. Слово Бо-жие – это единственная стена в море человеческих слов, в этом мире относительности противоречивых теорий и предположений.

С Евангелием в сердце я силен. “Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе”, а без Него не могу делать ничего, ничего истинного, творческого, подлинно прекрасного».

Да благословит тебя Господь, дорогой друг, на пути познания истины. Только не отходи от Него, вверь Ему свое сердце, и Он введет тебя в Царство вечной любви, в небо! Ему же, возлюбившему нас и омывшему Своей кровью, да будет слава ныне и в день вечный!

Аминь